В.Д.ПОПОВ

ПСИХОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

В.Д.ПОПОВ

ПСИХОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

Социально-психологические очерки

МОСКВА
·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·
1989

15
П58

Художник **Е. К. Самойлов**

Попов В. Д.

П58 Психология и экономика: Социально-психологические очерки.— М.: Сов. Россия, 1989.— 304 с.

Анализ происходящих в обществе процессов показывает, что экономическая реформа «спотыкается» о психологию. Экономика и психология сегодня, как никогда, нуждаются в единстве. Демократизация и гуманизация общества, возрождение истинно социалистических принципов и идеалов, возрождение в человеке человеческого, преодоление его отчуждения от социалистической собственности и возвращение ему роли хозяина, труженика, творца — эти проблемы непосредственно связаны с психологией. Попытка проанализировать «чувственное» проявление экономического движения, стремление посмотреть на нашу экономику с позиций социальной психологии — основной замысел книги.

Адресуется широкому кругу читателей.

П $\frac{0601000000-030}{М-105(03)89}$ КБ—9—39—89 г. **15**

ISBN 5—268—00287—2

Владимир Дмитриевич Попов

ПСИХОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

Научный редактор **А. И. Китов**

Редактор **Е. В. Галеева**

Художественный редактор **Л. Е. Безрученков**

Технический редактор **Г. О. Нефедова**

Корректоры **Л. В. Конкина, А. З. Лазуткина, Э. З. Сергеева**

ИБ № 5588

Сдано в набор 05.04.89. Подп. в печать 28.09.89. А05192. Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура обыкнов. нов. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,35. Усл. кр.-отт. 12,51. Уч.-изд. л. 12,19. Тираж 30 000 экз. Заказ № 124. Цена 55 к. Изд. инд. МПЛ—151.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

ВВЕДЕНИЕ

Почему я взялся за написание книги под таким названием?

Известно, что «стык» в науках всегда плодотворен. Но дело не только в этом. Главное — нужна гармония в самой жизни. Идет перестройка, осуществляются экономическая и политическая реформы, обновляются другие сферы жизни общества. Эффективно преобразование целостное, комплексное — отсюда появляется потребность в новом качестве «стыков».

Анализ происходящих процессов, отражение их в прессе, личные наблюдения показывают, что многие новые формы хозяйствования, да и в целом экономическая реформа «спотыкаются» о психологию. Руководители хозрасчетных предприятий, арендаторы и кооператоры отмечают, что одной из основных трудностей перехода на новые формы хозяйствования является преодоление психологического барьера. Экономика и психология людей сегодня, как никогда, нуждаются в единстве. Мы с вами постоянно сталкивались и сталкиваемся, утром и вечером, на работе и в быту, на предприятии и в магазине с фактами несогласованности экономики с нашей психологией. Задумаемся на минуту над таким простым фактом повседневной

жизни миллионов. Если каждое утро, спускаясь в метро или подходя к остановке трамвая и троллейбуса, штурмуя эскалатор и подходящий электропоезд или повиснув на подножке, всей силой проталкиваться в подошедший автобус, а затем по ногам собратьев продираться к выходу, то с каким настроением люди приходят после этого на работу? Неужели экономике и экономистам, хозяйственникам и дальше может быть безразлично психическое состояние тружеников? Почему в наших учебниках и книгах по экономике порой нет даже упоминания об этом? Недооценка психологического фактора в прошлом есть одна из причин «расчеловечивания» нашей экономики, когда производство развивалось ради производства, план выполнялся ради плана. Сегодня перестройка в целом, как представляется автору, нуждается в постоянном социально-психологическом анализе, научном наблюдении динамично обновляющейся жизни. Без учета психологии народа трудно будет достичь целей, поставленных XIX Всесоюзной партийной конференцией, Съездом народных депутатов. Демократизация и гуманизация общества, возрождение истинно социалистических принципов и идеалов, взлет духовности, возвышение в человеке человеческого, преодоление отчуждения его от социалистической собственности и возвращение ему роли хозяина, труженника, творца — все эти проблемы самым непосредственным образом связаны с психологией. Об этом написана бо́льшая часть книги.

Если учесть, что сейчас идет подлинная революция сознания, то становится ясно, что она непременно охватывает общественную психологию как одну из сфер общественного сознания.

Возьмем только один факт — и мы увидим актуальность этой проблемы. Старые технократические стереотипы, как цепи, все еще сковывают наше экономическое мышление, ограничивают наши подходы, где духовным факторам прогресса отводится традиционно лишь производная роль от материального производства. Психология, унаследованная от авторитарно-централистской системы власти, управления экономикой и всем обществом, пронизывает насквозь сознание и поведение многих наших работников. Этой совокупности проблем автор счел необходимым уделить в книге особое внимание.

Перестройка в сфере общественного сознания сегодня является одним из заметных фактов обновления общества. Между тем именно здесь все зримее обнаруживаются и факторы торможения, особенно в сфере общественной психологии, где сказываются даже многовековые традиции народа и, конечно же, наши «приобретения» от десятилетий сталинизма, периода застоя и уже от перестройки. Социально-психологический срез нашего исторического бытия — следующая, которой здесь посвящена отдельная глава.

Перестройка вызвала потребность в правдивом проникновении в нашу историю, чтобы затем духовностью освещать путь в будущее. И экономике, особенно сегодня, нужен сильный.мыслящий дух, нужна высокая духовность как мощный фактор прогресса. Обновление экономики нуждается в напряженной мыслительной работе. Особенно — в психологической перестройке.

Что сдерживает развитие радикальной экономической реформы? Ряд факторов. Но все же главное, как не раз отмечалось в партийных документах, в сложившейся психологии, в перестра-

ховке, а порой — в некомпетентности[1]. Все это, как мы видим, силы торможения духовного порядка. Но есть и силы ускорения. От всех нас требуется озабоченность, сопричастность и сопереживание за судьбу начатых преобразований. Необходима не только ломка сложившегося мышления, но и характера, образа поведения. Общественная психология — чувственная, эмоциональная и волевая сторона духовности. Поэтому она есть способ, средство, фактор и цель экономического прогресса.

К. Маркс отмечал, что человеческая жизнь, ее движение, в частности, «производство и потребление — есть *чувственное* проявление движения всего предшествующего производства, т. е. оно представляет собой осуществление или действительность человека»[2].

Попытка проанализировать «чувственное проявление» экономического движения, стремление посмотреть на нашу экономику с позиций социальной психологии, которая занимается изучением психологии народа, нации, коллектива, личности, и есть основной замысел книги.

Должна ли заниматься социальная психология как наука исследованием «души экономики», если таковая имеется? Или насколько правомерно ставить вопрос о существовании экономической психологии как особой отрасли знания, где психологическое, социальное в человеке сливаются воедино с экономикой? Говорят, что вместе с убыванием плодородия почвы происходит и убывание крепости душ. Возразить трудно. Но задумаемся: отчего может плодородие-то убывать? Может, есть

---

[1] См., например: Правда.— 1988.— 19 февр.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 42.— С. 117.

и обратная связь — от убывания крепости душ стало убывать и плодородие? Застой в экономике сопровождался и застоем наших душ, апатией, безразличием, уходом в себя. Учитывает ли сегодня экономика душу человеческую? Как сила духа народного, психология масс проявляются в материальном производстве? И наоборот: насколько экономика настроена на взлет духовности людей, на их потребности, интересы, на создание комфортности их жизни? Насколько в развитии хозрасчета, аренды, кооперации учитываются мотивация поведения человека, традиции народной жизни, привычки, убеждения, ценностные ориентации, установки людей? Вот этими вопросами и обусловлен весь последующий ход авторских суждений. Суждений больше личностного, пробного, размышляющего характера. Насколько это важно и удалось ли? Об этом судить читателю. Для автора данная книга есть результат творческих мук в постижении смысла того, к чему направлены его разум и его душа.

Глава I

ДУХОВНЫЕ СИЛЫ ЭКОНОМИКИ

...высший цвет — мыслящий дух.
Ф. Энгельс

Материя и сознание — эти две творящие силы всегда неразлучны. И всякая попытка их волюнтаристски или по причине духовной бесхозяйственности разорвать кончалась неудачей. История цивилизаций тому доказательство. И наоборот, целенаправленное их единение, объединение и развитие приводили к духовным взрывам (вспомним эпоху Возрождения). Выходит, сознание человека, общественное сознание способны преобразовать мир, общественное бытие, а не только его отражать. Мы буквально зациклились лишь на одной стороне взаимосвязи, пусть определяющей, цитируя классиков марксизма-ленинизма, что общественное сознание отражает общественное бытие или общественное бытие определяет общественное сознание, и при этом принизили обратную, функциональную их зависимость. Не следует забывать другого фундаментального положения: «Определенному сознанию соответствуют... определенные люди и определенные обстоятельства»[1].

С данной закономерностью мы столкнулись сегодня, когда обнаружилось, что без перестройки сознания, психологии людей невозможно осу-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 3.— С. 239.

ществить кардинальные преобразования ни в одной сфере, в том числе и в экономике.

Психология и сознание неразделимы. Единство материи и сознания, материального и идеального, объективного и субъективного не есть чья-то прихоть, это естественное единство противоположностей, без которого не бывает развития. А как же в экономике? Это что, только «чистое» воспроизводство материи, материального? А как же тут с сознанием, с идеальным, субъективным фактором, ведь главная творящая сила в экономике-то — Человек? Почему его роль так долго у нас принижалась? А как же тут обстояло дело с психологией? И того хуже, кощунством было брать ее в расчет при исследовании объективных производственных отношений.

Общественную психологию как одну из сфер общественного сознания невозможно исключить из числа духовных сил, воздействующих на общественное бытие. Иначе будет нарушена целостность, единство, исходящее от целостности самого человека. Не получится и «мыслящий дух». Сплав ума, разума, чувств, души и сердца рождает волю, характер, желание действовать. Без разума душа и в самом деле потемки. Чувство хозяина, например, исходит не столько от эмоций, сколько от знаний, от осознания роли хозяина. Без души и без душевности разум черств, холоден, эгоистичен. Расчетливый ум хозяина может стать алчным, коварным. Разум и душа (чувства) постоянно взаимодействуют, взаимообогащают друг друга. Кризис в одном приводит к деградации целого — ни материального, ни духовного благополучия человек не достигает.

Рациональное в сознании — это ум, разум духа. От него — мудрость — высшее могущество

человека. Чувственная же сфера сознания — это его психология, его душа и сердце. Духовное банкротство наступает тогда, когда происходит разрыв между разумом и психикой, между истиной и душой.

Согласен с доктором экономических наук Р. Хасбулатовым, что в период застоя действовал «ложный психологический фактор», «вырабатывалась незаметно безответственная «экономическая психология»[1] на основе существовавших экономических отношений. В итоге господствовали уравниловка, иждивенческие настроения, сейчас — рвачество и коррупция. Вот она — эта связь между экономикой и душой, проявившая себя в нашей жизни. Уже само название «экономическая психология» говорит о единстве или «стыке» экономики и психологии. Образно говоря, экономическая психология — это душа экономики. «Рабочий, колхозник, служащий должен в душе понять, сердцем почувствовать, что так дальше жить нельзя,— пишет читатель А. Шабейкин в «Правде»,— что мы сами своими рабочими руками тормозим пока что развитие нашей страны». И он торможение в обновлении экономики видит в том, что «за прошедшие годы застоялись наши души»[2]. Да, вместе с экономикой застоялась наша общественная психология. Особенно не повезло экономической психологии.

Психология предполагает чувственное восприятие окружающего, в том числе и проблем экономики: это либо боль, сострадание и сопереживание за ее развитие, либо равнодушие, отчужде-

---

[1] Хасбулатов Р. За что платить?//Правда.— 1987.— 28 апр.

[2] Правда.— 1988.— 18 янв.

ние. Психология — это отраженные интересы, ценностные ориентации и идеалы благополучия, установки и мотивы (часто глубоко личные) экономического поведения людей. И здесь нет какого-либо преувеличения чувственной стороны духовного мира человека. Нет принижения роли знаний, рационального компонента сознания. Речь идет о единстве двух неразрывных сторон единого целого, но проявляющегося в общем контексте диалектического взаимодействия материального и идеального, объективного и субъективного. При этом, «раскрывая закономерности функционирования психического уровня организации материи, психология вносит свой вклад в создание научной картины мира»[1].

ВЕНЕЦИАНСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Венеция — вот где я убедился в силе и противоречивости духа человеческого, в мощи духовности, в том потенциале, который заложен в единстве материального и духовного.

Было это в декабре 1986 года. Делегация КМО СССР принимала участие в дискуссии молодых итальянских коммунистов на тему, которая в переводе на русский звучит так: «Россия набирает разбег». Речь шла, конечно же, о нашей перестройке.

Мне доводилось ранее много раз вести дискуссии за границей — в США, ФРГ, Бельгии, Дании. И почти всюду нам приходилось занимать «глухую оборону». Они указывают нам на наши недостатки. А мы? Традиционно в ответ: у нас

[1] Категории материалистической диалектики в психологии: Сборник.— М., 1988.— С. 5.

все хорошо, хотя, конечно, есть «мелкие», «частные», «некоторые»... Словом, в духе того времени.

На сей же раз мы во весь голос открыто заговорили языком правды о себе, о своей стране. И нам верили, к нам проникались доверием и уважением. Мы раскрепостились духовно и стали как будто в несколько раз сильнее. Друзья этому радовались, недруги понимали, что былая почва антисоветизма уходит из-под их ног, и злились еще больше.

В нашей делегации был Ролан Быков. Показывая фильмы со своим участием, он в предисловиях и послесловиях к ним часто делал акцент на диалектике духовности и бездуховности. Судите сами: как после просмотра фильма «Письма мертвого человека» не задумаешься о разрушительной силе разума человеческого? Ведь этот фильм, по сути, о том, как ум человека, сконцентрированный в атомной бомбе, уничтожает земную цивилизацию. Мороз по коже, когда становишься свидетелем предсмертных мук детей. После, когда мы, буквально ошалевшие от фильма, поздней ночью возвращались по узким мостовым Болоньи в гостиницу, я спросил Ролана Антоновича: «Вы не хотите создать некий вечный духовный памятник детям, вижу, как вы их страстно любите, ведь небывалая опасность нависла над ними?» Глаза его оживились, напряженно заблестели. Он хотел, видимо, что-то сказать, но вдруг сник, взгляд потускнел, плечи втянулись. Вдруг актер перевоплотился в героя только что просмотренного фильма. Похоже было, что он ушел в нелегкие размышления о судьбе детей, которых очень любит, о судьбе планеты, висящей на волоске. И я отошел от него, не стал бередить душу художника.

Потом мы вместе посетили Венецию. Конечно же, это город-сказка. А коль скоро я не сказочник, а философ, то описать все его красоты не могу. Приведу лишь свои мысли-впечатления из записной книжки, родившиеся, когда мы плыли по каналу Гранде, осматривали величественный храм Сан-Марка, стояли у легендарной колонны «Последний шанс», бродили по улицам удивительного города. Город-шедевр построен в средние века. Откуда что взялось — ведь не было могучих кранов, самосвалов, тягачей. Вот, думаю, пример таинства взаимосвязи духовного и материального. И не скрою, становилось немножко грустно: почему тогда не жалели средств во имя души? А сейчас, когда такая техническая мощь в руках у человека, возводим холодные коробочно-кубочные города. Почему архитектурные традиции тех лет утрачиваются даже в Италии, даже в Венеции? Плывешь по каналу Гранде — по берегам сказочная картина, душа радуется. И вдруг неожиданно открывается XX век — серые, бетонные, прямолинейные силуэты зданий.

Трудно удержаться от огорчения, когда думаешь над тем, что и наши серые коробки, и шедевры Венеции были созданы вначале в сознании людей. И тут и там — работа сознания, разряжение духовного потенциала человека. Но какая работа и каков результат разряжения? Что же мы так оскудели душой, что сами для себя возводим железобетонные коробки, похожие друг на друга, как два блока из одного и того же ЖБИ?

А в своей записной книжке читаю далее слова, родившиеся в эмоциональном порыве: «Венеция — продукт душевного порыва, взрыва духовного, материализации человеческого сознания. Да, сознание — идеальная сила движения материи.

И эта сила может стать силищей. Да, материя первична, но и сознание развивало материю, создавая Венецию. Не получилось ли так, что вторичностью сознания мы принизили духовное начало в создании материальной культуры? Да, тут мы грешны. Грешны перед материализмом, который отстаивает относительность и активную роль сознания. Ведь дух — это потенциальная практика». Односторонне утверждая вторичность сознания во имя отрицания идеализма, мы, очевидно, принизили роль идеального сознания. Этот грех мы перенесли и в экономику, представив ее как «чистую» совокупность и только объективных производственных отношений. Отношений, где человеку как субъекту до недавних пор была отведена роль винтика в большом механизме, запускаемом по воле административного фатализма.

Оказалось, что у такого «экономического человека» нет ни сознания, ни души, он как будто всегда в нужном (читай — хорошем для производства) настроении, у него не бывает переживаний, радостей и разочарований, он бесчувствен и безропотен. Не парадокс ли, что мы оторвали человека и его естественные качества от отношений, им же созданных! Почему так случилось? Очевидно, потому, что, справедливо отстаивая исторический материализм, скатились незаметно на позиции вульгарного экономического прагматизма. Сказался разрыв между теорией и практикой, наукой и политикой, словом и делом. Сказалось и то, что у каждой науки своя «делянка», куда другие уже боятся и нос показать. Одни — материю изучают, другие — сознание, одни — тело, другие — душу. Психологи же, которым сам бог велел изучать душевное состояние участников хозяйственной деятельности, долгое время вообще

не касались экономики, считая, видимо, ее вотчиной только экономистов. Мне это стало ясно, когда занялся изучением проблем на стыке философии, экономики и социальной психологии. Именно тогда я понял всю глубину мысли о том, насколько важно строить «очеловеченную экономику». Экономику, проникнутую духовностью, если угодно, «душевную экономику», экономику одухотворенную.

Признаюсь, очень хочется пережить новую эпоху возрождения человеческого духа, чтобы очеловечить по-настоящему цели и средства материального производства. Чтобы раскрепощенные духовные силы народа, его талант и мудрость обеспечили взлет нашей экономике, спасли страну.

В начатой нами перестройке — главная надежда. Чтобы она оправдалась, надо всем миром придать материальность идеям и замыслам. Отступим — тогда может вместо возрождения духа произойти его затмение. Или, как отмечают социологи АОН при ЦК КПСС, может включиться механизм торможения второго порядка: не подтвержденные ожидания радикальных перемен выльются в большой скептицизм, общественную апатию[1]. И тогда может сказаться тоска по командной системе. Ведь многие душой прикипели к ней.

— Да что ты заладил? Душа, душа! Все для нее и от нее? — возмутился один мой знакомый — крупный руководитель, когда я закончил свой рассказ о поездке в Италию.— Дух, духовность я признаю,— продолжал он,— да и то надо разобраться в ней и в эпохе Возрождения, в ее кор-

[1] См.: Тощенко Ж. В зеркале мнений//Соц. индустрия.— 1988.— 9 февр.

нях. Может, все это исходило от деловых людей, а ты все о душе?

Выслушав такую тираду, я задумался: уж не помешался ли в самом деле я на поисках того, чего нет и быть не может? Стал прислушиваться к окружающим, к их суждениям и заметил, что в разговорах, в публикациях, в прозе и поэзии часто употребляется слово «душа»: «душа поет», «на душе больно», «не тревожьте душу мою», «благородство души», «от всей души», «душевный человек» и т. д. А тут читаю в «Правде» письмо рабочего из Челябинска, который пишет: «Иной раз тошно бывает на душе, хочется все бросить, жить тихо. Но совесть не позволяет холопом жить. Хоть бы и всю жизнь за правду бороться, да правды не увидеть, а все же лучше, чем холопом быть»[1]. Так, думаю, не я один лукаво мудрствую о душе.

В стихотворении Бориса Соколова «Россия» читаю такие строки:

Не только в собольем убранстве
Отчизны черты хороши.
Россия — не просто пространство,
Россия — характер души.

Рядом в публикации Владимира Куропатова «Лавина» — о творчестве Василия Шукшина и его значении для современной перестройки обнаруживаю на двух первых страницах трижды обращение к душе: «душевные страдания», «кривит душой», «душа пуста». Вот тут, думаю, автор пишет о душе, присущей конкретным героям Шукшина, да и самому Василию Макаровичу,— известно, каким он неравнодушным человеком был. Мне кажется, что он очень точно выражал душу народа и сам был

---

[1] Правда.— 1987.— 20 июля.

его душой. И ушел он рано из жизни, как мне кажется, от невыносимой боли душевной, от ран души, а уж потом от усталости сердца.

ДУША И ДУХОВНОСТЬ НАРОДА

— Душа, душа! А что это такое? Никто не знает! — запальчиво начал дискуссию один молодой человек. — Писатели — о душе, поэты — тем более. Да что там «лирики», о душе заговорили сегодня «физики». Почему? Получается: то есть душа, то ее нет; то ее к религии относят, то к нравственности, то еще к чему-нибудь... И любви без души, говорят, не существует. А один поэт вообще заявил, что якобы его душу бюрократы растоптали. Интересно знать, где она у него находилась и почему он ее обронил, чтоб потом прохожие могли ее растоптать? — не без иронии закончил молодой человек.

— Я думаю, — обращаясь к залу, продолжал разговор один из ведущих, сидевший на сцене за столом, — стоит решительно отказаться от этого мистического слова «душа». Это слово религиозное, и нечего его тащить в наш социалистический лексикон, пусть попы эксплуатируют «душу»!

— Подождите, остановитесь, пожалуйста, — обратился к нему сосед по президиуму. — Я с вами категорически не согласен, ни в коем случае не надо отдавать «душу» церкви. Следует решительно отказаться от религиозного толкования слова «душа», надо изъять ее из арсенала церковников, которые, кстати, умело научились ею манипулировать. Между прочим, кое-чему не грех у них и нам поучиться.

— Душа — потемки, — раздалась реплика из зала.

— Да, потемки, если не знаем, что это такое, и, не разобравшись, раним ее,— уже зло полемизировал ведущий — противник религиозного толкования «души».

Как я выяснил потом, это был молодой философ, увлекающийся проблемами социальной психологии.

— Душа — это что-то интимное, таинственное, это вещь в себе, не так ли?— вопрос из зала.

— И нечего в ней копаться!— громко и категорично заявил кто-то.

— Да, в какой-то степени душа — это нечто интимное, вещь в себе,— отвечает философ.— Например, одно из самых глубинных проявлений души — первое чувство любви. Душа — это то, что излучает доброту, сердечность, открытость, откровенность, искренность, заботу одного человека о другом, взаимопонимание, взаимоодухотворение. Или то, что называют сродством душ человеческих. Примеров в жизни тому немало. Только не всегда такое бывает.

Душа есть чувственная материя нравственности. От души исходит сочувствие, сопереживание, радость и боль. От души и зло может исходить. Озлобленная душа — страшная штука. Сегодня это тоже не редкость. От души исходят и не лучшие порывы, сомнительные устремления к цели, скрытые мотивы поведения. Поэтому надо заниматься воспитанием души, воспитанием чувств.

По-моему,— продолжал молодой философ,— душа — это чувственный мир человека, это психический склад его характера. Почему об одном говорят, что он легкораним? Потому что более чувствителен, все принимает, как говорят, близко к сердцу. О другом можно слышать: «Этого не прошибешь, он толстокожий». То есть у такого

человека чувства как бы защищены «панцирем».

Что лучше? Трудно сказать. Только со стороны кажется, что «панцирная душа» защищена от боли, переживания. И у таких людей сердце не камень. Но есть чрезвычайно хрупкие души. Поэтому важно воспитывать, развивать в себе «механизм» самозащиты души, особенно от грубого вмешательства в нее извне. Помните, у Высоцкого: «Я не люблю, когда мне лезут в душу, тем более — когда в нее плюют».

Очевидно, душа неразрывна с сердцем. Иначе почему же нервные, психические стрессы так больно оседают в сердце, калечат его инфарктами. Так что не только попам, но и атеистам, идеологам и психологам следует обращаться к душе человека. Но обращаться умело, грамотно. А для этого надо познать душу. Душу Человека. Душу Народа. Душу Нации. Да! А иначе смысл всякого прогресса теряется,— как бы подытожил свое выступление молодой философ.

Справедливо отрицая религиозное понимание «души», мы вместе с тем, очевидно, принизили значение реальной, социальной души человека, эмоциональную сторону его личной и общественной жизни, чувственную сферу индивидуального и общественного сознания. Отсюда, видимо, произошло и отрицание, забвение на долгие годы такой науки, как социальная психология. Возможно, поэтому имела место недооценка духа, духовности народа, духовного производства, его неизбежного взаимодействия с производством материальным. А душа рассматривалась лишь как некая философско-религиозная категория, и не иначе. И уж тем более никак не связанная с экономикой. На самом же деле душа — это весьма существенная сторона духовного мира человека.

Что мы знаем о душе из книг? Ищу ответа на этот вопрос. Листаю философские словари. Нет этого слова в одном, другом. Беру психологический, думаю, здесь-то уж должно быть что-то. Но и тут нет. И уже отчаявшись, без всякой надежды открыл «Краткий психологический словарь» — и глазам не верю: есть «душа»! Эврика! В «Кратком» есть то, чего нет в полных и пухлых. Читаю: «Душа — понятие, отражающее исторически изменяющиеся воззрения на психику человека и животных»[1]. Так, пока вроде ничего, все нормально, хоть только и «понятие», но все же душа-то есть. Далее читаю: «В религии, идеалистической философии (тут морозец по коже у меня.— *В. П.*) и психологии душа — это нематериальное, независимое от тела животворящее и познающее начало». Гм?! «Животворящее и познающее начало». Это уже кое-что. И сразу отлегло, легче стало на душе. Далее в словаре описана история развития учения о душе по работам Гераклита, Демокрита, Декарта и других светлых умов. «Люди-то какие!» — отмечаю про себя. А в заключение получаю, можно сказать, желаемый ответ. «В научной литературе (философской, психологической и др.) термин «душа» не употребляется или используется очень редко (но все-таки используется!— *В. П.*) — как синоним слова «психика». В повседневном употреблении душа по содержанию обычно соответствует понятиям «психика», «внутренний мир человека», «переживание», «сознание». Вот она, пусть в повседневном (читай — народном) употреблении схваченная, суть души. Особенно мне

---

[1] Краткий психологический словарь/Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского.— М., 1985.— С. 95.

понравилось толкование души как внутреннего мира человека.

Но больше всего выручил меня бесценный словарь Даля. Не знаю, почему труд этот некоторые считают устаревшим. Сожалею, что раньше не обратился к этой словарной энциклопедии. Что же я у Даля узнаю? Во-первых, словосочетание в заглавии страницы «Духовная — душа». Во как! А что такое душа, по Далю? Это «бессмертное духовное существо» (религиозностью отдает, не правда ли?). Но вот что любопытно. Существо-то, «одаренное разумом и волею». Ничего себе загадочка! Однако ниже читаю слова, которые для меня становятся «палочкой-выручалочкой». Вот они: «Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство. Душа есть бесплотное тело духа; в этом значении дух выше души... Человек с сильною и слабою душою, или просто сильная, слабая душа» и т. д.[1]. И что еще важно? На этой же странице, в сноске нахожу пояснение: «Дух и душа отделены здесь в разные статьи только для удобства...»

Если теперь попытаться соединить «живой великорусский язык» с языком современного «Психологического словаря», то больших расхождений мы не обнаружим, а вот сходство имеется. Особенно в части толкования «души» как внутреннего духовного свойства человека.

Только вроде я «приплыл» в поисках и сомнениях к своему берегу, опираясь на авторитеты, как вдруг появляется статья о душе и духовности в «Правде»[2]. И название-то какое: «Биение мыс-

---

[1] Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка.— Т. 1.— М., 1978.— С. 504.

[2] См.: Правда.— 1987.— 20 авг.

лящего сердца»! Автор — член-корреспондент АН СССР П. В. Симонов — авторитет, директор Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии.

Ну, думаю, раз в таком органе и такой автор, значит проблема души утрачивает мистический или какой-то там элитарно-научный налет и приобретает широкое звучание. Начинаю читать. Сегодня, пишет автор, есть мощная потребность в духовном развитии, в активизации процессов, происходящих в общественном сознании. Между тем, продолжает он, такие слова, как «душа» и «духовность», применяются зачастую невпопад и понимаются по-разному.

Как объясняет П. В. Симонов соотношение «души» и «духовности»? Он утверждает прежде всего, что нельзя ставить знак равенства между понятиями «душа» и «психика». Мне представилось, что ученый «душой» называет «психику» со знаком плюс. Или, другими словами, отождествляет ее с душевностью. Он пишет, что «душу и душевность мы связываем со стремлением сделать что-то для других». Оказывается (как я понял для себя), тот человек имеет душу, который делает что-то для других. О проявлении душевности и душевных качеств справедливо говорить, по мнению П. В. Симонова, до тех пор, «пока они бескорыстны». Если человек «эгоистически ориентирован на себя», то он бездушный, а значит, без души. Соглашаюсь с автором, но частично. Он говорит о душе здесь как о высшем благородном, открытом, искреннем внутреннем порыве. И это можно понять. А как быть, задаюсь я вопросом, с тем, что в народе говорят «душа — потемки» или «черствая душа», «холодная душа»? Тем более что сам же П. В. Симонов ниже пишет о за-

кономерном переливе положительных и отрицательных эмоций, о разных функциях стресса. Или это, выражаясь его словами, «из иной области», то есть уже только исходящее от «психики» и проходящее мимо «души»?

У автора статьи получается, что положительный мотив поведения исходит от души, а отрицательный (например, агрессивное поведение человека) — от психики. Тут есть о чем поспорить. Человек живет среди людей, и человеческие отношения во всем многообразии вызывают в человеке душевные качества, которые могут быть и положительными и отрицательными. И не только для других, но и для себя. А вот душевность — это действительно «для других». Это заинтересованная направленность души на других. «Душевность» выражает положительную установку души на бескорыстие. Вместе с тем от души может исходить и эгоизм, и черствость, и зловредность, и другие пороки.

Не убеждает меня и утверждение Симонова, даже со ссылкой на такой авторитет, как Л. Н. Толстой, что самый лучший человек тот, кто живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами (то есть для других). Если же своими чувствами, то он якобы уже заклятый эгоист. Почему? А если человек живет и своими мыслями, и своими чувствами, и чувствами переживания о других, то это что — плохой человек?

Мне думается, что такая категоричная постановка («или-или», а не «и-и») вопроса устарела, когда мы в лозунгах только и ратовали за абсолютный примат общественных интересов (только за чужие чувства) и напрочь забывали об интересах личности или противопоставляли их интересам общества. Другими словами, шли против объектив-

ной диалектики личных и общественных интересов. И к чему пришли? Об этом мы ниже поговорим подробнее, здесь же хотелось лишь подчеркнуть, что нельзя душу сводить только лишь к чувствам для других. Моя душа — это мои чувства. Чувства для меня (да и я не могу только поэтому причислить себя к эгоистам) и, конечно же, чувства для других. А если у меня нет моих чувств, то как у меня будут чувства для других?

А вот в вопросе о соотношении «душевности» и «духовности» я согласен с П. В. Симоновым. Душевность действительно мы больше связываем со стремлением сделать что-то для других. А духовность, как пишет ученый, относим к потребности познания в широком смысле слова: познание окружающего мира, себя в этом мире, смысла и познания своего существования на Земле. Бесспорно и то, что в основе понятий «духовность» и «душевность», их единства лежат две, как он пишет, фундаментальные потребности — потребность познания и потребность «для других». Но, добавлю от себя, потребность для других — через реализацию богатства своей души, своего духовного мира. Нищая душа не способна излучать богатые душевные чувства для других, как бы она ни старалась жить «чужими чувствами».

Теперь, когда мы кое-что знаем о душе, душевности и духовности человека, поставим другой вопрос: а правомерно ли говорить о «душе народа»? Думаю, что да!

Особенно убедили меня работа К. Г. Юнга «Об архетипах коллективного бессознательного» и большое предисловие к ней А. М. Руткевича в журнале «Вопросы философии».

Итак, что же такое душа народа? По Юнгу, она, включая в себя, в противоположность личност-

ной душе, содержание и образы поведения, которые являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же, и есть «всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным»[1].

Действительно народ — это ведь не сумма индивидов. Это качественно иная социальная сущность, образующаяся в процессе объединения и единения, интеграции и синтеза индивидуального, его преобразование в общее и общественное. Ясно и другое: без индивидуального нет общественного. У каждого народа есть свой особый духовный внутренний мир, отражающий его социальные, географические, этнические, языковые и другие особенности.

Душа народа — это его общественная психология, то есть включающая такие всеобщие основания душевной жизни каждого человека, которые формируют его национальный характер, традиции, обычаи, нравы, привычки. И чем лучше психологическое здоровье народа, тем он сильнее духом.

Знания, сознание, психология человека — основные составляющие его духовности, они же — мощные источники силы духа народного, его «живой жизни». Разум, ум, мысли, знания — это все и есть мыслящий дух, рациональная сторона жизнедействия. Он и есть высший цвет духовности. Но есть еще и возвышенный или страдающий дух, эмоциональная, чувственная сторона человеческой натуры. Помните у Гёте: «Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем — колени». Без эмоций нет у духа порыва, взлета, подъема и разочарования, радости и

---

[1] Вопр. философии.— 1988.— № 1.— С. 134.

сострадания. Нет и совестливой ответственности за содеянное.

Без духовности человек — уже не человек, а машина, пусть даже умная, как компьютер.

Высокая духовная культура — залог развития народной демократии. Демократия есть врата свободы для развития духовности. Равно как духовность есть воздух демократизации нашей жизни. Без высокого уровня духовной, политической культуры народа процесс демократизации будет постоянно натыкаться на серьезные трудности, исходящие как от самого народа, так и от всевозможных контор. Важно, чтобы демократизация утверждала диктатуру народной совести, которая бы метлой выметала весь хлам из нашего общего дома. А если еще она сможет установить диктатуру социальных гарантий, то тогда процесс раскрепощения разума и души человека, общественной мысли и социального действия масс станет необратимым, тогда честная критика будет надежно защищена от диктатуры единоличной власти (или от чиновников при власти), забывающей, что главный властелин при социализме — народ, а в конторах — его слуги.

Правда, не следует забывать и о единоначалии, ведь не случайно принцип-то из двух слов состоит: демократический централизм. Демократизм — не анархизм, а централизм не волюнтаризм. Демократия — это порядок, сознательная дисциплина, осознанная необходимость организации действий нашей деятельности, где без единоначалия просто не обойтись. **Для демократии требуется высокая культура делового общения.** Высокая сознательность, образованность, человечность и добропорядочность — слагаемые этой культуры. Значит, опять без духовности здесь не обойтись. По-

моему, демократизация — это и испытание нас на психологическую совместимость, проверка на нравственность, на дух коллективизма. Сколько из печати известно случаев, когда под флагом демократии некоторые люди пытаются свести счеты, завоевать власть для достижения групповых интересов. В таких условиях морально-психологический климат начинает ухудшаться, а атмосфера отравляться воздухом группового эгоизма и эгоцентризма, неугодные, а часто — это честные, вытесняются. Психологическая культура — важнейший слой культуры духовной.

При чем же здесь экономика?— спросите вы. При том, что любой такой климат отражается на ней плюсами и минусами. От состояния настроения людей зависит их работоспособность. Для экономики сила духа народа, его духовность — жизненно необходимая питательная среда.

Говоря о духовности в единстве с экономикой в условиях демократии, следует в человеке усматривать нечто большее, чем рабочую силу. Конечно же, для счастья ему необходима хорошая работа, заработок, благоустроенное жилье, достаток продовольствия. И все-таки этого человеку мало. Наряду с чистым воздухом природы ему нужен чистый духовный воздух, здоровая атмосфера в обществе. Хорошая песня, народные гулянья, приятная музыка, интересная книга, красивая изба, радующая глаз архитектура города, неповторимый природный ландшафт и т. д. и т. п.— все это духовная среда, без которой душа задыхается, постепенно сохнет, омертвляется. Почему опустели многие деревни Нечерноземья? Одна из причин — в разрушении ее духовной жизни, а за ней и жизни экономической.

Люди старшего поколения все чаще задаются

вопросом: почему из нашего быта ушла песня, почему мы перестали петь сообща? Может, кто-то скажет, что перестали петь потому, что запрещают пить. Нет, и пьяные уже редко стали петь, разговорами в лучшем случае обходятся. О чем говорят? Часто о бедах в экономике, о злоупотреблениях в торговле, о качестве товаров и о том, кто, что и где достал (не купил!), о повышающихся ценах, о кооператорах и индивидуалах.

Вот и выходит, что в пении наше общественное настроение выплескивается. Плохо с пением в народе, значит, что-то не ладится в экономике. И наоборот. Необходимо органичное единство двух производств: материального и духовного. Вот тогда действительно «нам песня строить и жить помогает». Пение сообща — духовное общение. Общение всегда сопровождается определенным настроем. Без духовного общения человек скудеет, черствеет. Радость познания жизни, увлеченность работой на спад идут. Экономика пробуксовывает.

Известно, что во всяком деле необходимо соблюдать чувство меры. Только работа с утра до вечера, только хороший заработок не делают людей счастливыми. Известно, что материальные потребности у людей насыщаются быстрее, чем духовные.

Конечно, когда самые необходимые материальные потребности не удовлетворены, когда самые нужные товары не достанешь, не говоря уже о том, что не купишь, тогда все призывы жить за счет духа и духовности есть идеалистическое фразерство. Но если от материального банкротства можно сравнительно быстро избавиться при наличии производственного потенциала и хорошей организации дела, то преодоление бездуховности может затянуться надолго.

«Ничего нет страшнее духовного банкротст-

ва,— утверждал известный драматург Александр Вампилов.— Что такое собственное счастье?— задавал он вопрос и сам же отвечал:— Для одних — душевное равновесие, для других — материальное благополучие. Для третьих — то и другое неотделимо». В вампиловской неотделимости я вижу единство, диалектическую меру понимания смысла жизни отдельного человека, семьи, общества. «Он хотел достичь всего через материальное могущество. Это такая грубая, такая общая ошибка — он ничего не достиг» — это тоже слова Вампилова[1].

Какая экономика нужна человеку? Очеловеченная, сориентированная на его материальные и духовные потребности. А какой человек более нужен или более выгоден экономике? С развитыми потребностями. Нужен человек разумный. Тот, кто умеет хорошо работать и хорошо отдыхать. Зарабатывать прилично и разумно, в свое удовольствие тратить деньги. Работать и умом, и руками, и, конечно же, душой. Работать и зарабатывать для того, чтоб и материально и духовно жить хорошо. Быть хорошим работником, рачительным хозяином, но обязательно обладать богатым духовным миром. И еще: хорошим семьянином. Известен афоризм: когда разваливалась семья — разваливалась и империя. Да и в самом деле представим, что сегодня у нас каждая семья здоровая, крепкая во всех отношениях. Тогда насколько могущественней была бы и наша держава. Хотя тут есть и другая зависимость: семья всегда есть и продукт общества, в котором она живет.

Из всего многообразия зависимостей людей от обстоятельств жизни для нас важно выделить социально-психологическую сторону. Мотивация

---

[1] См.: Сов. Россия.— 1988.— 3 янв.

поведения отдельного работника, психология личной, семейной, коллективной жизни постоянно согласуется с мотивацией общественного поведения, с общественной психологией. Японцы начинают планировать жизнь семьи вплоть до ее морально-психологического здоровья. Не грех бы и нам присмотреться к этому опыту.

Для развития экономики любого общества важен учет уровня духовности его народа, состояния и реакции его души на развивающиеся экономические процессы. Так, психологическая реакция на неудовлетворенные потребности, когда в нашей экономике развивалось преимущественно производство ради производства, вызывала накопление у людей отрицательных эмоций, приводила к нарастанию кризиса и нищеты духа. Почему? Потому, что энергия, духовная сила народа начинала разряжаться ущербно — не на реальные интересы и нужды людей, а на достижение показателей любой ценой. Показателей расчеловеченных. Народ это чувствовал и душой и телом. И разумом понимал. А поскольку такая ситуация повторялась из года в год, то одни теряли надежды и впадали в апатию, другие — стремились воспротивиться этому течению, третьи — отошли в сторону или ушли в себя, четвертые — стали грести только под себя. Но оставались и люди честные, нравственно и социально здоровые, крепкие духом, искренне болеющие за Отечество, которое катилось к кризису.

Чтобы поправить положение, чтобы вернуть духовные силы людям, прежде всего — веру в прогресс, нужны мощные стимулы. Нужна, если хотите, хорошая эмоциональная встряска. Нужны радикальные нововведения, а не «постепенновщина», не ползучая демократия. Эту потребность

многие люди чувствуют душой и разумом хорошо понимают. Потому и встрепенулся в регионах России народ (шахтеры, например), зарядился на народовластие, пошел за реформой. Пошел, набрав духовных и душевных сил. Теперь важно не растерять их, пустить сполна в дело. Не растерять веру людей. Не забыть в очередной раз о человеке как главной ценности человеческой цивилизации.

ХОЗЯИН ПРОТИВ ТЕХНОКРАТА

Почему произошла трагедия в Чернобыле? Почему произошло трагическое столкновение двух судов в Черном море? Почему произошли взрывы на железнодорожных станциях и в шахтах?.. Трагедии уходят в прошлое, а вопрос — почему? — не уходит. И не должен уйти, чтобы упредить причины человеческого горя в будущем.

Пушкин в маленьких трагедиях писал: «А гений и злодейство — две вещи несовместные. Не правда ль?» Как будто нам адресовал он свой вопрос. Применим его к силе атомного реактора, к мощи техники, которые разум человеческий создает сегодня. И сам себе трагедии создает. Выходит, силу духа можно по-разному использовать.

По моему разумению, одна из причин происшедших трагедий исходит от **бесхозяйственности духа.** Судите сами. Атом в руках грамотного, хозяйственного, ответственного человека есть гений, а в руках беспечного, безответственного, бесхозяйственного — злодейство. Продукт гениальности духа в руках злодейства и ведет к трагедии. Не правда ли? И такое может случиться, несмотря на самые высокие достижения технической мысли. В партийных документах отмечается, что «именно

преступная безответственность и расхлябанность — главные причины таких трагических событий, как авария на Чернобыльской атомной электростанции, гибель теплохода «Адмирал Нахимов», ряд авиационных и железнодорожных катастроф, повлекших человеческие жертвы»[1].

Ученые, инженеры творят чудеса. Но чем больше мощи в технике, тем ответственнее право человека быть ее хозяином, а не рабом. Странно, что создаваемая инженером машина порой ценится выше, чем сам инженер. Если он и дальше будет на подхвате, то его престижу в глазах общественного мнения не подняться до высот возможностей самой техники. И еще. Пока техника, естествознание будут развиваться сами по себе, а гуманитарные науки, обществоведение — сами по себе, или пока их единство, гармония будут существовать формально, аварии могут повториться. Технократизм куда опаснее на самом деле, нежели мы себе порой представляем. Известна мысль, что технические науки должны сопрягаться, «стыковаться» с науками гуманитарными, чтоб быть еще более точными и человечными.

Гармония и единство сторон жизни, потребность в очеловеченном взаимодействии общества и природы, науки и техники выдвигают острую необходимость в интеграции (наряду с дифференциацией) наук. Существенно запаздывает, отстает от запросов общества исследование проблем, лежащих на «стыке» природного и социального. Неужели надо так близко подойти к экологическому кризису, чтобы понять необходимость изучения процессов действия НТР, производства на природу как среду обитания человека? Неужели

---

[1] Правда.— 1987.— 28 янв.

надо подвести к кризисному состоянию Арал или Ладожское озеро, чтобы это взаимодействие осознать? Неужели не ясно было, что экономия на очистных сооружениях — это антиэкономия, античеловечная экономика? Не есть ли это проявление дефицита духовности в экономике, дефицита диалектического, социального, очеловеченного мышления специалистов — организаторов промышленности?

В этой связи замечу, что у нас долгие годы находилась в забвении или в опале одна из самых «человечных» наук — социальная психология. Социально-психологические стороны жизни человека, коллектива, общества практически выпали из экономики, политики и даже духовной жизни. Одна из проблем — **отношение** человека к делу, к другим людям, **отношение** к хозяйству и хозяйствованию, **отношение** к природе, ко всей окружающей среде, к проблеме мира — есть в том числе, а иногда и прежде всего, проблема социально-психологическая. Перестройка — это и изменение нашего социально-психологического **отношения** к себе, к другим, к технике, к народному богатству. Отношение — трансформатор психологической перестройки духовного мира человека. Отношением измеряются, оцениваются дисциплина и разболтанность, порядок и бесхозяйственность. **Отношение** — это барометр души человека, его душевного состояния. Значит, отношение надо не только учитывать, но и прогнозировать.

Почему рабочий, бригадир, мастер поступил именно так, а не иначе? Чем обусловлено поведение людей в обычной или критической ситуации? Причин и факторов много. Но многие скрыты в глубинной психологии, где закономерно действуют мотивы, установки поведения человека.

Зависимости и переплетения здесь сложные. Но доступные для науки.

Социальная психология — это практически всегда изучение проблем на стыке наук, ибо сами общественно-психологические явления развиваются на основе существующих экономических, политических и других общественных отношений и это есть результат их отражения людьми[1]. От состояния, культуры нашего общения на работе, дома, на улице во многом зависят не только успехи на производстве, но и наше социальное и физическое здоровье. Знание закономерностей развития этих отношений сегодня все более становится признаком культурного человека, показателем культуры общества. А для тех, кто готовит себя в руководители, без нее уже просто невозможно обойтись. Без знания техники, технологии человек опасен для техники и для себя. Без знания человековедения он дважды опасен для себя и еще более опасен для других людей, а вместе с тем и для техники.

Социально-психологические отношения по своему происхождению есть вторичные, а по сути своей — субъективные отношения. Но это не значит, что с ними не следует считаться. В один прекрасный момент они могут стать и первичными. Если даже и не будешь считаться с ними, они все равно себя проявят в случае необходимости, могут и наказать за непризнание, скажем, взрывом недовольства. Или эмоциональным подъемом, образованием посредством подражания и заражения такой могучей толпы, которая может стать

---

[1] См.: Грехнев В. С. Социально-психологический фактор в системе общественных отношений.— М., 1985.— С. 93.

неуправляемой. Вот почему ни инженеру на АЭС, ни космонавту на станции «Мир», ни экономисту, ни руководителю любого ранга, ни каждому из нас в эпоху НТР и интенсивной урбанизации не обойтись без психологии. Без нее не придать ускорения ни человеческому фактору, ни технике, ни экономике.

Ученые все чаще стали предупреждать о надвигающейся «научно-психологической революции». В основе ее будет «человекоцентризм», то есть во всем будут машину приспосабливать к человеку, а не человека к машине, как это делается сейчас. Естественно, это отразится на всей общественной психологии. Научно-психологическая революция, поставив в центр человека, должна, очевидно, создать гармонию, симбиоз природного, психологического, социального и нравственного в жизнедеятельности людей. Думается, что пришла пора взяться за ликвидацию нашего социально-психологического невежества. Перестройка требует, чтобы каждый руководитель, а не только писатель, был инженером человеческих душ. Да, именно так ставит вопрос сама жизнь. Я в прошлом инженер, и на себе ощутил эту проблему, и вижу себя в зеркале технократизма. Вижу, как многих друзей-инженеров даже термины и понятия психологической науки отпугивают. Это не вина их, а беда. Они прекрасно знают технику, но им трудно сегодня работать без знания психологии людей, без знания психологии коллектива. В вузе этому, к сожалению, не учат. На курсах повышения квалификации кое-что проходят. Вдумаемся: сегодня большинство руководителей в стране — специалисты народного хозяйства (инженеры, агрономы и т. д.). Кто стоит в резерве на директора предприятия? Главный инженер, то есть знаток

техники и технологии. А замдиректора по кадрам кто? Как правило, инженер. И он в иерархии замов на одном из последних мест. Отсюда его статус, его авторитет, его зарплата, его квалификация и так далее.

Спрашиваю одного из таких замов по кадрам:

— По каким качествам вы оцениваете людей, оформляя их на работу?

— Как по каким? Квалификация, разряд, удостоверение, диплом.

— А еще?

— И все.

— А молодого специалиста, которого направляете мастером в цех?

— Смотрю в дипломе его специальность.

— И только?

— А что еще?

— А способность работать с людьми выявляете?

— Раз есть диплом, значит, должны быть и способности.

— А душу человека учитываете?

— Что?— засмеялся он.— Душу? Я что, в церкви, что ли?

— Ну ладно, скажу иначе — психологию, характер человека учитываете?

— Да!— хмыкнув, задумался кадровик.— Если честно, то я сам-то не знаю, с чем ее — эту психологию — едят?— признался он.

Почему же у японцев, вспомнил я о прочитанном, зам по кадрам есть первый заместитель директора фирмы. Может, и нам, в целях повышения роли человеческого фактора, стоит подумать о статусе и квалификации этой должности? И чтоб он хорошо знал науки о человеке, его душе, о пси-

хологии личности и коллектива, класса и нации, народа в целом.

Забвение души и душевного в людях — это забвение их психического состояния, в котором может присутствовать и разочарование в работе, в коллегах по работе, и потеря веры в идеалы, и пессимизм, даже душевная болезнь. А больной душой — слаб и духом. Именно отсюда, от неумения считаться с данными реалиями, могут случаться не только маленькие трагедии, но и большие, как, например, массовая апатия, сопровождающаяся массовым уходом в себя или массовым пьянством. Или межнациональной рознью.

Поэтому знание духовного состояния людей, как хлеб, нужны каждому настоящему и тем более будущему руководителю. Сегодня можно констатировать некий парадокс, исходящий от технократизма и заключающийся в том, что работе с железками, с машинами учат (и надо учить) много и долго, а работе с людьми — мало и эпизодически, в основном учатся эмпирически, методом проб и ошибок. Чтобы сесть за руль «Жигулей», надо пройти специальное обучение, сдать экзамены, получить права, а для управления коллективом порой не надо никаких прав, только личный опыт, либо часто достаточно диплома техника или инженера. А эти специалисты сегодня не более как знатоки техники. Может, потому, что знаний по руководству людьми, человеческой психологии, технологии построения человеческих отношений им не дают, поэтому и техника плохая, да и хорошей-то, так как заботы человеческой, душевной о ней недостает, не хватает хозяйской опеки, и она в итоге быстро отказывается служить человеку.

Мне кажется, что ущербность технократиче-

ского мышления даже не в том, что оно абсолютизирует роль техники в составе производительных сил общества, а в том, что отрывает ее от человека, принижает роль последнего. Гармонию разрушает. При этом человек технократизируется, то есть рассматривается как механический элемент (читай — бездушный, послушный, как робот), как атрибут функционирования технической системы. Такой подход технократ переносит и в управление социальными процессами. Командно-административные методы ему видятся как наиболее действенные, совершенные. Они просты. Только в них нет места для души, поскольку при этом сам человек сводится до роли робота.

Почему так случилось? Почему в управленческом мышлении произошло засилие технократизма? Может, потому, что начиная с 30-х годов сложился некий стереотип властного руководителя периода индустриализации, когда во главе коллектива нужен был действительно технический специалист. По инерции такой подход распространился на подготовку и подбор кадров вплоть до наших дней. Имеет место явная недооценка гуманитарной культуры специалистов.

Сегодня в большинстве стран руководители и организаторы предприятий, фирм, министерств, ведомств имеют, как правило, гуманитарное образование. Очевидно, это оправдывает себя. Оправдывает тем, что во главе экономики видится человек, а уж только потом — техника.

На живучесть технократизма у нас повлияли, как ни странно, и ученые-обществоведы. Вспоминаю, с каким критическим разгромом в студенческие годы нам преподносилась буржуазная концепция «человеческих отношений», рекомендую-

щая использовать для эксплуатации работника устремления, мотивы, ценности человека. Сейчас думаю: не выплеснули ли мы тогда с критикой и ребенка, ничего не предлагая взамен? У нас должна была разрабатываться своя, социалистическая концепция человеческих отношений, ибо по сути своей наш строй человечен. Увы, этого не произошло. Одного лозунга «Все для блага человека, все во имя человека» оказалось мало. Да и лозунг-то не работал. Вот и упустили человеческий фактор, теперь наверстывать надо. Необходимо срочно взяться за разработку нашей, социалистической концепции человеческих отношений. Проблема эта комплексная. Но без социальной психологии здесь не обойтись, тем более что именно она есть белое пятно в человековедении. Чтобы обеспечить возрастание роли человеческого фактора, надо не хуже, чем технику, знать человеческое в человеке, законы и закономерности развития сознания, характера, общественного поведения людей. Знание одной техники без знания людей, ею управляющих,— это полузнание. Диву даешься, когда видишь, как специалист технику обожествляет, компьютер ставит выше своего разума, когда управление людьми все еще отождествляет с управлением машинами. От технократизма во многом, как ни странно, произошло отставание страны в технологии, невосприимчивость экономики к достижениям науки и техники. Технократизм деформировал стиль социального мышления и образ общественного поведения.

Там, где господствует технократизм, там, как правило, нет места психологии. Хорошо, что наконец-то осудили технократический, административно-нажимной стиль работы с людьми, хотя он не сдается. Да, сделать это нелегко, ведь он в нас,

во мне, по себе знаю, был, можно сказать, мировоззрением.

Всякое великое дело начинается с человека. Оздоровление народной психологии, духа человеческого, общественных отношений — основа основ. Оздоровление корней общественного бытия невозможно без морально-психологического и умственного оздоровления самого человека, без перемен в его образе жизни. Без перемен в нем как носителе исторического процесса. Тогда и экономика воспрянет, и финансы умножатся, ибо сам человек станет понимать, «как государство богатеет».

Одна из главных духовных сил экономики — хозяйское отношение к делу. Этому учил В. И. Ленин. Когда предстояло осуществить «самое важное и самое трудное» дело: «хозяйственное строительство», чтобы «экономически поставить на ноги» страну, он неоднократно обращался к проблеме хозяина. Пролетарское государство, народ должны стать «осторожным, рачительным, умелым «хозяином»[1]. Только рачительное хозяйствование, мудрое использование техники, ресурсов может привести к снижению издержек производства. Нужен был соответствующий метод социалистической хозяйственной деятельности. И Ленин его нашел: «так называемый хозяйственный расчет»[2]. Жаль, что потом эта ленинская идея не получила должного развития и применения. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС вновь обратился к этой ленинской идее. И тут возникает другая проблема, которую также ставил В. И. Ленин, суть которой заключается в том, чтобы каждый совет-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 44.— С. 150, 152.
[2] Там же.— С. 342—343.

ский человек почувствовал себя хозяином и творцом. В том числе хозяином и творцом техники.

Но хозяином невозможно стать без чувства хозяина. Творцом — без глубоких знаний и духовного вдохновения. И еще непременно нужны условия для творческого, предприимчивого хозяйствования. Человек здесь — главная фигура. Техника — средство достижения целей его хозяйствования. Значит, первенство за хозяином. Хозяином-творцом. Не добьемся такого его положения, не создадим для него соответствующих условий, не сумеем довести до ума экономическую реформу — и тогда уж действительно отстанем навсегда в развитии цивилизации. Нет сейчас для нас более важной задачи, как создать социальный простор, экономическую свободу для раскрытия в человеке такого сущностного, потенциального свойства, как быть хозяином настоящего дела. Человек-хозяин в экономике — всему голова.

Нашим соотечественником — ученым А. Н. Энгельгардтом, работы которого высоко ценил В. И. Ленин, высказаны глубокие мысли, и потому не могу удержаться, чтобы не привести их здесь.

«Различные факторы в хозяйстве,— писал А. Н. Энгельгардт,— по их значению идут в таком порядке: прежде всего **хозяин,** потому что от него зависит вся система хозяйства, и если **система** дурна, то никакие машины не помогут; потом **работник,** потому что в живом деле живое всегда имеет перевес над мертвым... Но ни машины, ни симментальский скот, ни работники не могут улучшить наши хозяйства. **Их могут улучшить только хозяева»**[1].

---

[1] Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887.— М., 1987.— С. 166. (Выделено мною.— *В. П.)*

Выходит, успех хозяйства держится на трех китах: на первом месте — хозяин, потом работник, далее — машины. И в самом деле, в одном колхозе, совхозе или заводе есть и техника (иногда даже много), есть и работники, но нет результата, коллектив кормится дотациями от государства. Почему? Не хватает **Хозяина.** И соответствующей системы хозяйствования. А в другом — все та же техника (если не меньше, хороший хозяин лишнюю не приобретет), работники вроде такие же люди, но результаты другие — с солидной прибылью хозяйство живет и процветает. Почему? Потому что здесь есть хозяин, не дрогнувший в свое время перед командной системой руководства экономикой. Здесь рядовой человек не просто работник, а хозяин, умеющий все считать и рассчитывать, дебет с кредитом сопоставлять. Или, другими словами, в таких хозяйствах есть хорошее экономическое обеспечение и техники и работника. Про одного председателя колхоза мне рассказывали, что он с калькулятором не расстается, даже ночью под подушку его кладет. Все считает и просчитывает, выгоду извлекает. И всех работников этому учит. Колхоз за два года поднялся, экономически окреп, прибыль появилась, а то в долгах, как в шелках, ходили. Еще раз убеждаешься, что человек-хозяин — основа экономики.

Что такое экономика? Хотя все об этом знают, тем не менее для последующих рассуждений освежим нашу память. В понятие «экономика», как отмечается в словарях, вкладываются два значения. В одном случае — совокупность производственных отношений, экономический базис, хозяйство той или иной страны, включающее соответствующие отрасли и виды производства.

В другом случае экономика — это наука, объек-

том которой выступает исторически определенная совокупность производственных отношений, хозяйство страны, отрасли, республики и т. д., а предметом этой науки является изучение закона развития данных отношений. Таковы, можно сказать, классические представления об экономике.

А где же здесь хозяин? Где человек? Какова его роль? Получается, что хозяйство есть, а хозяина нет?

— Как же нет?— предвижу возражение.— А мы все, весь народ, что — не хозяева? Основой экономики что является?— Собственность. У нас общенародная собственность и народ — хозяин. А государство, разве оно не хозяин? А все управленцы и управляющие, руководители хозяйств?

Все правильно. И я так когда-то рассуждал, когда сдавал экзамен по политэкономии и по конкретной экономике. Только потом из жизни понял, что иметь право быть хозяином и право на хозяйствование и реализовать его на деле — вещи разные. Между ними, как мы ниже убедимся, может быть «дистанция огромного размера». Сейчас же лишь заметим, что собственность, лишенная реального хозяина, становится ничейной. В этом кроется и основная причина бесхозяйственности. Бесхозяйственность от того исходит, у кого нет чувства хозяина, кто бездушен к «нашему».

Значит, хозяин прежде всего, а не машина, реализует себя в исторически определенной совокупности производственных отношений. К сожалению, как раз хозяин-то и выпал, притом надолго, из поля зрения нашей экономической науки. Человек для нее «фактор» производительных сил, «совокупный работник», «совокупная рабочая сила». Это справедливо для абстрактного уровня исследования. И глумиться над таким подходом

было бы неправильно. Равно как неправильным было бы исключать хозяина или, точнее, человека как хозяина из объекта и предмета экономики как науки. При таком подходе выпадает вопрос о подготовке человека к исполнению своей главной функции: быть хозяином своей — народной собственности. Известно, что государства с высокоразвитой экономикой готовят человека на роль хозяина и воспитывают у него экономические качества с детских, школьных лет. Для наших же экономистов воспитание — вовсе не экономическое дело, даже если речь заходит об экономическом воспитании. Разумеется, каждый должен заниматься своим делом. Однако учитывать взаимосвязанность экономической жизни с духовной и наоборот — необходимо. Да, воспитание есть производство прежде всего духовное, но оно имеет прямое отношение к материальному производству. Может, производство само по себе воспитает чувство хозяина? И тогда не надо организованного экономического обучения и воспитания? Но если само производство, практика отстают от запросов общества? Круг замкнулся. Значит, его надо разорвать. Как? Делать быстро то и другое. Иначе дефицит на настоящего хозяина не ликвидировать, реформы не осуществить. Зависимость тут такова: для внедрения, скажем, полного хозрасчета нужен рачительный хозяин, а с другой стороны — для воспитания такого хозяина нужен хозрасчет. Хозяин без хозрасчета — тоже не хозяин.

Михаил Антонов в журнале «Наш современник» (1986. № 1) доказывал, что человек выпал из поля зрения экономической науки. Хотя и это есть полуправда. Полная правда все-таки в том, что человек не выпал из экономики, он в ней при-

сутствует, но присутствует как бы в контексте, в скрытом, а может, в обобщенном или в снятом виде как «совокупный работник». Присутствует как элемент производительных сил, притом подчас вторичный, подчиненный технике, как придаток к ней, как обслуживающий ее. И пока не вернем человека на человеческое место в экономике, будет плохо и экономике и человеку. Невозможно, чтоб человек присутствовал в экономике без сознания, без души, без силы своего духа, без духовности.

ПСИХОЛОГИЯ ЭКОНОМИКИ КАК НАУКА

Думаю, что забыли о душе человеческой не только ученые-экономисты. Дело в том, что у нас пока слабо развиваются научные исследования на стыке психологии и экономики. Сегодня только начинает складываться психология экономики (или экономическая психология) как отрасль специального знания. Советую обратиться к работам А. И. Китова, в частности к книге «Экономическая психология» (М., 1987). Интенсивная же практика перестройки требует интенсивного развития этого нового научного направления, объектом которого является «стык» экономических отношений с общественной психологией.

«Развитие хозрасчетных отношений, различных форм кооперации, коллективного и семейного подряда — все это обязывает,— как подчеркнуто в материалах февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС,— внести серьезные поправки в общественную психологию, которая у нас долгое время, начиная со школьной скамьи, впитывала в себя неправильное отношение к самим понятиям дохода,

прибыли, личной материальной заинтересованности».

Психология экономики — это теория экономических чувств, житейских страстей, жизненных ориентаций и ценностей людей. Она исследует субъективную форму существования экономических интересов, разгадывает мотивы человеческого поведения на работе и дома, в магазине и на рынке, на поприще созидания личной и общественной собственности, раскрывает цели и идеалы личности, коллектива и общества.

Психология экономики как наука обращается к анализу настроения индивидуального и общественного экономического сознания. Она познает мотивы гнева, возмущения, недовольства, массового психоза, разочарования и социальной апатии, когда происходит деформация «устройства души» в результате реакции человеческого сознания на неудовлетворительное состояние экономической жизни. Психология экономики исследует те волны в общественной деятельности, где обнаруживаются душевный подъем и спад, радость и тоска, вера и неверие, одобрение, принятие и непринятие как результат отражения приливов и отливов в экономике.

Экономическая психология как сфера экономического сознания — это живое, страстное дело человеческой души, движение желаний, чаяний, надежд и помыслов народа, исходящих из самых насущных потребностей и интересов его экономического бытия. Она выступает как трансформатор экономического поведения, где энергия слова преобразуется в энергию действия, знания — в убеждения и поступки, интересы и стимулы — в мотивы деятельности. Через экономическую психологию пролегают пути к возрастанию роли че-

ловеческого фактора, к экономической активности людей, к экономическому творчеству, к искоренению стереотипов мышления, когда человек — только средство развития валового производства, а не цель удовлетворения его запросов, повышения качества его жизни.

Экономика без психологии неодушевленна, она не принимает в счет душевное состояние человека. Без учета его чувства собственного достоинства, особенностей характера, переживаемых им житейских трудностей, уровня духовных потребностей, нравственных качеств — экономика лишается гуманизма. Справедливо заметил академик Д. С. Лихачев в «Литературной газете» (1987 г. 1 янв.), что «совесть всегда исходит из глубины души», «отсутствие совестливости у людей, занятых в хозяйстве, в экономике, наносит ущерб материальный». И еще: «Без перемены климата в нашей культуре и экономика не сдвинется ни на шаг». Что это за экономика, если от нее, выражаясь словами академика, «мираж в пустыне человеческой души»? Сплошные дефициты, доставания, очереди искривляют человеческую психологию, нравственно опустошают душу, вытряхивают из нее положительные эмоции и заряжают стрессами. Экономика без обращения к душе человека высасывает из него все человеческое, заковывает его мышление в цепи примата производства и осуждает его в потреблении, забывает о духе и духовности. Поэтому нужен союз экономистов с социальными психологами и с социологами. Необходимо исследование философских проблем экономики, в частности экономического сознания и его сферы — экономической психологии.

В этой связи не могу согласиться с М. Антоновым, что, дескать, «экономическая психология»...

вряд ли поможет делу, а скорее, будет способствовать своеобразному возрождению концепции «экономического человека», думающего лишь о своей выгоде, в свое время распространенной в вульгарной политической экономике[1]. Боже мой, восклицаю я, читая эти строки. Почему же душу, духовность человека отдаем на откуп то религии, то вульгарной буржуазной политэкономии и сразу понимаем ее не иначе, как эгоистическую, корыстную, заботящуюся только о своей выгоде? Да почему бы иногда и о себе не позаботиться, если другие, кому положено, только о своей выгоде пекутся. Надо говорить о личной заинтересованности (вспомним Ленина) и энтузиазме, а не об энтузиазме без личной заинтересованности. О единстве личных и общественных интересов, а не о их противопоставлении. Полагаться, что человеку чуждо думать о себе и естественно думать только об общественных интересах,— это экономический идеализм. А если еще думать только о материальных интересах, вне единства с интересами духовными, то получается вульгарный материализм или вульгарный экономизм. Отрицание экономической психологии к этому и может как раз привести. Отрадно, что понятие «Экономическая психология» вошло в один из словарей, значит, лед тронулся[2].

Трудно согласиться с М. Антоновым и в том, что «психология уже порядком пострадала от вторжения в нее экономических и механистических воззрений... нужно не экономизировать мораль, а, скорее «морализировать экономику». Про-

---

[1] См.: Антонов М. Гармония прогресса//Наш современник.— 1986.— № 1.— С. 141.

[2] См.: Психологический словарь.— М., 1984.

читав эти строки, задаюсь вопросом: а при чем здесь психология? Хотя она, конечно же, неотрывна от морали. А главное — зачем такая односторонность связи экономики и морали, где обратная связь? Зачем такая жесткая «механика», построенная на противопоставлении? Где диалектика? Если нет диалектики, значит, нет единства, гармонии. «Стык» в областях нашей жизни естествен, так почему же его нет в наших представлениях, почему дифференциация наук не сопровождается интеграцией? Почему диалектика жизни — сама по себе, а диалектика представлений о ней — вроде как тоже сама по себе? Когда имеет место такое расхождение, тогда истина о жизни человека и общества получается расчлененной, вот тогда-то, видимо, и упускается главное интегрирующее звено социальной системы — Человек. И не замечается, что у него есть еще и душа. Что он способен, в отличие от машины, психологически реагировать на экономику. Мне представляется, что революционная перестройка, радикальная реформа с неизбежностью вызовут переворот в психологии как в сфере духовности, так и в сфере науки. Вот тогда-то произойдет мощное восхождение общества к духовности, к сущности человека, к возрастающей роли человеческого фактора. И прежде всего как фактора экономического прогресса. Пока же наша экономическая наука и практика нафаршированы технократическими подходами и слабо очеловечены.

Словом, человек во всем своем многообразии качеств, а главное как хозяин-творец, как предмет науки, как объект образования и воспитания до сих пор выпадает из поля зрения теоретиков и не попадает в объектив практиков. Пока идет примерка. Не попадает в фокус и человеческая

психология. Да и как ей попадать, когда долгие годы роль хозяина больше декларировалась в теории и политике, а на практике принижалась. Управленцы, руководители, от которых ждали личного примера, далеко не все оказались, как выяснилось, рачительными хозяйственниками, не все прошли испытание общенародной собственностью. Работник — это еще не хозяин. Так и не всякий управленец, руководитель — настоящий хозяин, хотя должен быть таковым. Правда, и для него нужны были условия. Их же явно недоставало. Сейчас создаются. Используются ли они сполна? Или опять будем кивать на «объективные» обстоятельства и ругать социализм?

Застой в экономике происходит тогда, когда хозяйственный механизм в значительной степени не адекватен требованиям объективных законов социализма, не отвечает сполна сущности этого передового строя. И я бы сказал — не адекватен, не отвечает сущности человека. И нечего социализм ругать. Что он, сам собой, без людей создал командную экономику? Сегодня ясно стало, что надо ума всем набираться, вытравливать из себя психологию «маленького человека», одними начальственными командами хозяйство не поднимешь, наоборот, можно быстро загубить. Хозяйство, экономику надо рассматривать не просто как абстрактные отношения, а как отношения реальных людей с их конкретными потребностями и интересами.

В экономической теории сегодня разрабатывается много всевозможных «механизмов»: механизм действия экономических законов, механизм их сознательного использования, механизм управления, механизм финансирования и прочие. Конечно, все они правомерны, ибо реально действуют.

Но почему нет механизма экономической власти? А надо бы. Но об этом ниже. Не случилось ли так, что увлечение механизмами есть неотъемлемая сторона командной экономики, не сковывали ли мы инициативу работника жесткими механизмами? А может, механизмы были некачественными? Но в любом случае: где механизм, там и винтик. Может, отсюда и пошло превращение человека-хозяина в винтик, пусть и самый необходимый? А не должно ли быть все наоборот: человек-хозяин должен приводить в действие каждый из таких экономических механизмов, управлять ими? В сущности, так оно и есть — специалисты, руководители приводят механизм хозяйствования в действие. Только достаточно ли этого? А сами трудящиеся? И они должны участвовать в управлении, а точнее, в самоуправлении, а значит, быть хозяевами, а не только исполнителями. А чтобы управлять, надо знать экономику, иметь зрелое экономическое сознание. Если есть механизм **сознательного** использования экономических законов, следовательно, требуется сознание и сознательность. А это уже духовные качества, это уже сама духовность.

Сказанное больше относится к теории. Может, на практике иначе и она как критерий истины все выправляет сама собой? Обращаясь к практике хозяйствования и фактам бесхозяйственности периода застоя, иногда приходишь к крамольной мысли, что мы своими собственными руками гасили в людях чувство хозяина (вспомним, как спустили на тормозах щекинский метод), ставили для его проявления всякие препятствия, как, например, частокол всевозможных ограничений, инструкций, указаний, своевольных распоряжений в стремлении создать экономический порядок.

В итоге ни порядка, ни предприимчивости.

Не лучше было в сельском хозяйстве. Крестьянин перестал быть хозяином земли напрочь, как сегодня говорят, «раскрестьянился». Я бы еще добавил, что крестьянин стал «бесхозным» — без чувства хозяина и без права на хозяйствование в своем же хозяйстве. Иначе с чего бы это он с помощью лопаты со своей сотки земли стабильно снимал урожай в несколько раз больше, чем с помощью сотни лошадиных сил на колхозной земле? А все почему? Да потому, что у себя на приусадебном он — хозяин, а на общенародном поле — посыльный. Здесь за него все было предрешено: что и когда сеять, когда убирать, куда деньги вкладывать. И не было ему полного доверия и свободы на проявление хозяина, тут за него и без него все решали сверху. Да и сейчас еще есть боязнь доверить народу как хозяину, все еще норовим ограничить его право на реальное хозяйствование, стремимся вроде как уберечь народ от глупостей. А если исходить из сути социализма, то не народ на службе управленцев должен быть, а управленцы на службе у народа, Народовластие, самоуправление того требуют. Об этом у нас впереди будет еще разговор. Пока же признаемся, а может, покаемся: не готовили мы всерьез работника к исполнению роли хозяина. А если и готовили, то очень слабо. Почему? Может, кому-то невыгодно было? Вроде объективно социализм, сама жизнь требуют воспитания хозяина, а на деле — робкие шаги. В теории — молчанка или отрицание, на практике — невнимание.

У писателя И. А. Бунина есть строки: «Почему именно в этот день и час, именно в эту минуту и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло мое сознание столь ярко, что даже явилась возможность действия памяти»[1].

Думается, что многие люди переживают в жизни определенные вспышки своего сознания. Не подумайте, что хочу себя сравнивать с Буниным, нет, но муки сознания, где были и вспышки и затмения, и мне удалось пережить по поводу вскрытия связей между экономикой и сознанием.

При анализе причин бесхозяйственности, сбоев в экономике, ее неочеловеченности мое сознание постоянно натыкалось на факт, что в нашем общем хозяйстве не хватает настоящего хозяина и общественной сознательности. Общественная собственность не охватывается общественной заботой, не отражается заинтересованно и глубоко общественным и индивидуальным сознанием. Почему? Рачительного хозяина, его сознание и сознательность должна запросить, определить, вывести на арену сама экономическая практика, размышлял тогда я, ведь бытие определяет сознание. Но и сознание способно изменить даже мир, а уж хозяйственную практику — тем более. Но какое сознание? — задавался я вопросом.

Перечитывал книги по политэкономии — не находил ответа. Потом вдруг в учебнике под редакцией профессора Н. А. Цаголова попадается мне на глаза тезис о прямой связи экономики и сознания. Через некоторое время предоставляется счастливая возможность быть на одной из всесоюз-

---

[1] Бунин И. А. Соч.— Т. 3.— М., 1982.— С. 8—9.

ных конференций, где выступал и профессор Цаголов. Я ему в президиум шлю записку с вопросом примерно такого содержания: правомерно ли ставить вопрос о существовании политэкономического сознания в содержании общественного сознания? Ответ с трибуны прозвучал, мягко говоря, отрицательный, в общем, я был публично «выпорот» обвинением, что искажаю смысл написанного в учебнике.

В свое время, готовясь к сдаче кандидатского минимума по философии, надолго застрял на разделе по общественному сознанию. Именно тогда «заболел» идеей о существовании этого «политэкономического сознания». Потом подготовка к сдаче минимума по политэкономии, изучение «Капитала». И «болезнь» обострилась. Не буду вспоминать о всех своих приключениях в качестве «экономического идеалиста» (так меня экономисты окрестили) и «вульгарного экономического материалиста» (так некоторые философы оценили мою позицию). И те и другие придерживались примерно одной и той же ситуации, мастерски описанной А. П. Чеховым: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!»

Радости моей не было предела, когда неожиданно в библиотеке наткнулся на книгу А. К. Уледова «Структура общественного сознания» (М., 1968) и там прочитал специальный параграф об экономическом сознании. И я благодарен судьбе. Благодарен Александру Константиновичу Уледову — крупнейшему в нашей стране методологу, истматчику. Благодарен многим другим ученым, что поддержали и не отвергли с порога выстраданную мною идею. С их помощью постепенно пришло определенное признание экономического сознания. Вышли в свет специальные работы.

Выпустил и я свою. Появились единомышленники, хотя их по-прежнему мало. Потом я «заболел» экономической психологией, которую называю душой экономики. Но это потом. А до этого? Пережил в себе еще одну проблему, имевшую прямое отношение и к душе, и к экономике.

В поисках экономического сознания увлекся я ленинской идеей «экономического воспитания масс населения».

Помнится дискуссия в конце 70-х годов в МГУ, где ряд молодых ученых отрицали в принципе существование такого вида воспитания, говорили, что ссылка на Ленина — это еще не доказательство, тем более что идея «экономического воспитания» высказана в первоначальном варианте его работы «Очередные задачи Советской власти».

Но жизнь свое взяла. Появилось новое направление коммунистического воспитания, нацеленное на развитие у человека качеств хозяина. Но на практике оно пока не сложилось в нужную систему. О нем редко вспоминают в школьных классах, вузовских аудиториях. В одном из солидных учебных заведений обнаружилось, что книгу «Экономическое воспитание масс: организация и эффективность» (М., 1979) никто в библиотеке не заказывал с момента ее выхода. Проблема оказалась межкафедральной, ничейной и для преподавателей. Не было общественной потребности в таком воспитании, так как не было нужды в хозяине, вернее, нужда-то была, но на нее закрывали глаза. Так была организована практика, так было организовано управление — то есть без самоуправления. Сейчас реформа вызвала необходимость и в хозяине, и в экономическом воспитании, и в грамотном экономическом сознании.

Вот бы и теоретикам пересмотреть привычные

позиции, но инерция мышления и здесь сказывается. Для политэкономов заниматься проблемами воспитания традиционно не принято, вроде даже как-то и несерьезным занятием это представляется. Им преимущественно законы, категории да механизмы изучать подавай, хотя поворот к проблеме экономического мышления наметился. В учебниках по научному коммунизму рассматривается лишь трудовое воспитание, без экономического. И этого, многие считают, вполне достаточно. Как для Сизифа достаточно труда.

Для философов? В учебниках по философии философские проблемы экономики отсутствуют. Так вроде бы и должно быть. А что, если философам попытаться соединить диалектику с экономикой и с человеком? Ясно, что только люди с философским мышлением способны провести такое соединение диалектическим, а не механическим образом. Философия, как известно, занимается материей и сознанием, общественным бытием и общественным сознанием, изучает законы мышления. А если посмотреть философии на то сознание, которое необходимо сегодня человеку, имеющему дело с перестройкой в экономике, с хозрасчетом, арендой, кооперацией? Думаю, наверняка обнаружится, что думающему, мыслящему хозяину-народу не обойтись без развитого экономического сознания. Выходит очередное учебное пособие по философии, а такого вида общественного сознания в нем опять нет, как нет и экологического. И будет ли?

Если есть экономическая жизнь людей, экономические отношения, в которые они вступают, то могут ли эти люди, наделенные сознанием, не осознавать, не осмысливать экономику, не отражать ее, вроде как специально не видеть свою

повседневную экономическую жизнь? Может, кому-то было просто невыгодно, чтоб народ сам правдиво отражал, осознавал экономическую жизнь, обо всем судил? Да, командно-административная система особо в этом не нуждалась. Зачем? Отсутствие необходимой производственной демократии, дефицит правды и гласности и в самом деле не вызывали у людей потребности в развитии экономического сознания и самосознания. А в экономической психологии — тем более. Командная экономика волевым путем лишила людей чувства хозяина. Да, было кому-то, очевидно, выгодно, и выгодно потому, что люди могли равнодушно закрывать глаза на бесхозяйственность, при которой многое списывалось на разные «объективные» обстоятельства. При которой легко было неплохо нажиться. Только невыгодно все это было честному труженику-хозяину, невыгодно и специалисту.

В последнее время, когда жизнь, что называется, на горло наступила, некоторые ученые изменили свою точку зрения, соглашаются, правда с оговоркой, с тем, что есть экономическое мышление, но нет экономического сознания. Почему?

— Потому что об экономическом мышлении,— отвечают они,— сказано в партийных документах, а о сознании нет, значит, последнего не может быть.

— А если завтра скажут, назовут и экономическое сознание в таких документах, то?..

— Тогда дело другое,— отвечают мне собеседники.

— А какова же роль науки и ученого?

— Этот вопрос не нам адресуйте, а политикам,— слышится нередко в ответ.

Да, было время, чего греха таить, когда политика превращала общественные науки в пропаган-

дистскую служанку, тогда как она должна быть носителем истины. Но тем не менее это лишь одна сторона проблемы. Другая — в самих ученых-обществоведах. Думаю, роль науки во многом зависит от позиции ученого. Ведь даже в глазах самих обществоведов (как знаю из бесед, встреч, дискуссий) авторитет общественных наук, к сожалению, невысок. Да и как ему быть высоким, коль скоро на острые вопросы чаще отвечали одними цитатами, а в газетах что ни публикация об ученых или науке, так обязательно упрек, разнос, критика!

Но и практики, особенно управленцы, тоже не без греха. Кое-кто из них старается свои руководящие ошибки переложить на плечи науки и ученых, предстать эдакими праведниками и впередсмотрящими, хотя на самом деле сами не раз игнорировали выводы науки, прятали под зеленое сукно рекомендации ученых.

Когда ссылаются на личный опыт, на практику как критерий истины, то надо разобраться, что за этим стоит, какая практика: индивидуальная, общественная? Даже если и общественная — то какая? Практика застоя — тоже практика. Да, практика есть критерий истины, но какая практика и какой истины? Вот в чем вопрос. Если практика есть сплошное отступление от выводов науки, игнорирование объективных законов развития, то такая практика неизбежно заходит в тупик. Вот какую истину всем нам надо осознать. Тупиковая практика загоняет в тупик и науку, для которой постоянно нужен новый материал, необходимо научное обобщение научно организованной деятельности. Вот тогда практика будет критерием той истины, поиски которой приводят к новым выводам.

Наука — служанка умного прогноза, а не щит

для прикрытия субъективиста и волюнтариста. Негоже на нее возлагать только функции пропаганды. И ошибочно полагать, что науку может заменить журналистика. Каждому свое развитие, но развитие в союзе, содружестве. И негоже, когда практики и журналисты сетуют на ученых, ученые на практику, тогда как жизнь обязывает к единству, союзу теории и практики. Разве можно успешно осуществлять перестройку, если сам перестраивающийся не понимает, скажем, сути экономической реформы, не представляет ее перспектив, не удосужился разобраться в том, чем же все-таки отличается самоокупаемость от самофинансирования до тех пор, пока они не ударили по тебе изъяном в работе. Проблема эта затрагивает сегодня и специализированное и массовое экономическое сознание. Не поняв необходимости коренных реформ в отношениях собственности, в хозяйственном механизме в целом и в частности в перестройке структуры и задач органов управления, новой системы ценообразования, кредитно-финансовых отношений и других нововведений, трудно осознать всю остроту исторического момента, не уразуметь, что речь идет о судьбе социализма, о его престижности, привлекательности в мировом общественном сознании.

О сегодняшней экономической реформе будет судить память общественного экономического сознания, хотели бы мы сегодня этого или нет. Давайте учтем это для себя. И не будем игнорировать экономическое сознание — этот разум экономики и экономическую психологию — ее душу.

Мне нравится метафора «приступы совести», которой Иван Васильев обозначает в высшей степени тревожное и взыскательное к самому себе состояние души человека. Верится, что для писателя и яркого публициста, каждый раз пишущего пером самой жизни, с болью в душе за происходящее, «приступы совести более болезненны, нежели сердечные». Именно в часы сосредоточенности на оценке и прогнозе самого себя и случаются приступы совести.

Совесть здесь выступает не только как нравственная, но и как социально-психологическая категория, выражающая состояние души человека. «Медики утверждают,— пишет Иван Васильев,— что есть прямая связь между сердечным приступом и состоянием земной атмосферы. Психологи говорят о такой же зависимости совести от атмосферы общественной. Согласимся с учеными — совесть будит общество, а общество совесть. Чем сильнее дух озабоченности, тем тревожнее наша совесть... и психологи... правильно утверждают, что утешать ее или вовсе снимать ни в коем случае не надо. Приступы совести — признак нравственного здоровья»[1]. Можно добавить — признак здоровья души, душевного настроя личности. Совесть есть тот оселок, на котором оттачивается и обостряется чувство гражданской неуспокоенности за состояние общества. Главная для нас сегодня проблема: как возродить дух всеобщей озабоченности за нашу социалистическую экономику? Экономическую реформу надо освоить совестью, вжиться в нее психологически и нравственно. Пе-

---

[1] Наш современник.— 1986.— № 1.— С. 97.

режить приступ совести в оценке прошлого еще мало. Для того чтобы не сбиться с намеченного курса обновления, необходимо добиться такого состояния души, когда бы совесть просвечивала экономику. Но при этом нужны еще муки творчества, нужен постоянный поиск, основанный на глубоких знаниях, на научном прогнозе. Надо, чтоб духу хватило довести до ума задуманное, не остановиться на полпути. Перестройка нуждается в мощном духовном обеспечении, в превращении обновленного общественного сознания, идеологии и психологии народа — в общественную силу.

Время проверяет нас на единство слова и дела. Не хватит силы духа и собранности, организованности — вернутся вновь апатия и равнодушие. Сомневающихся остается немало. Но набирают мощь здоровые силы. Однако продолжают действовать механизмы торможения, особенно исходящие от старых стереотипов мышления, от живучести административно-командного стиля руководства экономикой. Мешает и разрыв между желаниями и реалиями обновляющейся жизни. Часто слышится мнение, что, дескать, разумом понимаю, что надо делать, а душа тянет назад. Или наоборот — душой весь в перестройке, а разум — в сомнениях.

Как изменить, перестроить, поднять до задач ускорения «температуру души»? — вопрос не риторический. Он и духовный, и экономический. Для экономической реформы он кардинальный. Нельзя полагаться на некий автоматизм формирования душ. Психологическая перестройка — это перестройка душевного состояния людей. И когда мы сегодня внедряем новые экономические методы, то надо рядом ставить на вооружение и методы социально-психологические. Иначе опять

может произойти перекос в сторону вульгарного экономического материализма.

До коих пор в науке будем провозглашать единство рационального и эмоционального в человеческом сознании, а на практике эмоционально-чувственную сферу сознания, ее работу по отражению действительности считать чуть ли не пороком? Ведь по-прежнему эмоциональным людям нет-нет да подвешиваем ярлык типа: «О, нет, для серьезной работы он не годится, слишком эмоционален». Или, например, кто в полемике, в пылу дискуссии не встречал таких «железных» аргументов: «Это все эмоции!» или «Слишком темперамент выпирает».

Я не раз наблюдал, как люди при распределении премии, причитающейся на коллектив, из-за пяти-десяти рублей горячились, обижались на профком, друг на друга. Почему? — искал я ответа. И пришел к выводу, что в этой пятерке, десятке человек видит прежде всего признание (непризнание) своей значимости, своего «я», хотя в материальном отношении это для него сущая мелочь. Секрет в том, что при этом в работнике говорит чувство собственного достоинства, здоровое честолюбие. Это очень хорошая черта, если она не перерастает в больное самолюбие. Честолюбие человека есть огромная движущая сила, если умело ее применять. И она, как мне представляется, тесно связана с совестью. Честолюбивый — значит любящий свою честь, дорожащий ею, сохраняющий свое собственное достоинство, добропорядочность. К сожалению, мы этого духовного качества людей часто не учитываем. Уравниловка и здесь всех нас снивелировала. Или, точнее, перевернула представления о чести и честолюбии, когда оторвала их от честности, когда дельцы и

проходимцы стали в общественном мнении слыть деловыми людьми, а истинные мастера просто обесценились.

Отказ от учета внутренних мотивов, устремлений, подобных честолюбию, превращает стиль руководства людьми в бюрократический, когда главным «стимулом» выступают приказ, указание, наставление, разгон и тому подобные методы командного руководства экономикой. Конечно, без приказов нельзя. Полный отказ от административных методов был бы другой преждевременной крайностью. К тому же нельзя отождествлять командно-бюрократические методы с административными. Пока есть администрация, всегда будут и административные методы, но это не обязательно командные, они могут включать и экономические, политические, нравственные, социально-психологические и другие. Словом, необходимо мудрое, диалектическое сочетание всех методов, что отвечают сущности, природе человека и служат достижению очеловеченных целей. Было бы иллюзией полагать, что экономические методы могут внедряться сами собой, без всякого участия администрации, без единоначалия, без координации и организации. Тогда была бы анархия, а это уже другая беда и, пожалуй, хуже административно-бюрократического прагматизма.

Ущербность голого администрирования состоит в том, что он явно недооценивает духовный мир человека, многообразия его мотивов, ценностных ориентаций, установок, жизненных идеалов. Ему не до этого. Ему нужен результат любой ценой. Командно-бюрократическому администрированию нужна духовная, психологическая уравниловка, штамп, усредненность, стандартизация общественного сознания и поведения. Без них он будет немощен.

Прагматизм, сросшийся с технократией, считает, что стоит только провозгласить хорошую идею, придать ей официальное значение — и она сама по себе автоматически даст результат. В итоге получался некий идеалистический фатализм. При этом под практической полезностью на поверку выходило не подтверждение истинности выдвинутой идеи критерием социальной практики, а удовлетворение субъективных желаний, субъективно-личностных интересов авторов (группы авторов) этой идеи или субъекта управления, но подаваемых под прикрытием удовлетворения насущных интересов масс. (Вспомним о тех же желаниях быстро войти в коммунизм.) При этом насущные интересы сводились только к интересам материальным, забывались интересы духовные, душевные мотивы поведения, а значит, недооценивался эмоциональный, чувственный мир человека. Опять приходим к тому же выводу: забывалась душа. В итоге и экономика страдала, страдала вместе с душой народа.

Если бы экономика слилась с психологией народа и наоборот, тогда бы «от душевного смысла,— как писал Андрей Платонов,— улучшилась бы производительность труда». Тогда бы мы глубоко задумались над вопросом: «Каждое ли производство жизненного материала дает добавочным продуктом душу человека?»

Для достижения гармонии, единства в человеке — это и обеспечение «стыка» между экономикой и политикой, экономикой и идеологией, экономикой и психологией, что в итоге и может привести к «очеловечиванию обстоятельств» и экономической жизни. Ведь нам необходимо «подлинное присвоение человеческой сущности человека и для человека», когда «само общество производит

человека, так и он производит общество». И не следует при этом, как подчеркивал К. Маркс, «снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду»[1].

Социализм — это общество, где экономика и другие сферы жизни закономерно адекватны сущности человека. Сущности развивающейся. Развивающейся гармонично. А сущность-то многообразна в своем проявлении. Она есть единство в многообразии. Как его достичь — это, пожалуй, сейчас самая трудная, но самая перспективная задача. По моему убеждению, как нельзя изъять дух, душу из человека, так нельзя оторвать ее и от экономики как главной сферы человеческого жизнеобеспечения. Мне думается, что мы увлеклись одной стороной — строили отношения и под них «подгоняли» личность, у которой как будто не было души. И забывали нередко о другом — о создании отношений, адекватных сущности человека, которая всегда проявляется как единство природного и социального, материального и идеального, рационального и эмоционального, физического и духовного. Не потому ли в нашей экономике «вал» стал править бал и господствовать, понукать душой, заслонять человеческую сущность, производя огромные неочеловеченные производственные объемы?

Николай Константинович Рерих писал: «Мы знаем, что дело в качестве, а не в объеме и количестве. Но новые люди часто не видят качества, и признак внешнего объема для них заслоняет сущность»[2]. Неужели приходящие сейчас в эко-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 42. — С. 116, 118, 119.

[2] Сов. Россия. — 1987. — 30 авг.

номику новые люди не увидят этой сущности? Недооценка потребностей людей — этой, что называется, самой первой сущностной стороны их жизни — стала тормозить развитие производства и экономики в целом. Инерция такого подхода сейчас усиленно преодолевается, но груз прошлого тяжелым бременем лежит на нашем экономическом сознании, продолжает деформировать плановую, хозяйственную работу. В итоге признаки внешнего объема заслоняют качество жизни, образуя разрыв во взаимосвязи экономики и нравственности, экономики и психологии людей.

В некоторых наших планах, как в зеркале, все еще отражается инерция экономического мышления. Того мышления, у которого не было, видимо, приступов совести и температуры души. Того мышления, стереотипы которого продолжают действовать, несмотря на наступление перестройки.

В материалах XIX Всесоюзной конференции КПСС отмечается: «Возникшие трудности в значительной мере порождены живучестью стереотипов хозяйствования, стремлением сохранить привычные командно-административные методы руководства экономикой, сопротивлением новому со стороны части работников управления»[1]. Попрежнему господствуют объемы, а не качество, не потребности людей. В 1987 году в погоне за благополучными показателями не заказанной никем продукции было выпущено на 12 миллиардов рублей. Она пошла, как и прежде, на пополнение в основном омертвевших запасов. Зато почти на столько же не изготовили изделий, которых остро

---

[1] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1988.— С. 14.

ждали потребители. И это при том, что план товарооборота, можно сказать, трещал по швам. Вот тут бы приступ совести не помешал. А сказалось ли это на душах людей, на их настроении? Видя экономику, работающую на производство ради производства, люди начинали сомневаться в действенности намечаемых преобразований. Температура души у них стала то резко падать, то подниматься вновь, что не могло не сказаться на социально-психологическом здоровье людей. И на экономике.

О НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ

Мой давний приятель, став большим хозяйственным руководителем, с горечью сказал, когда пошел разговор о новинках в литературе:

— Знаешь, один план в голове. На книжки уже давно не хватает времени. Чувствую, что живу старым багажом, расходуя его, не восполняю. План любой ценой — закон моей жизни. О перспективе некогда подумать...

— А экономические законы, как большой хозяйственный руководитель, учитываешь в своей работе? — спрашиваю.

— Какие законы? О чем ты говоришь! Указания сверху не успеваю выполнять — вот мои законы.

— Может, в этих указаниях и находят свое отражение или выражение экономические законы?

— Не знаю! Усвоил одно: у кого больше власти, тот и прав. Если об этих законах речь, то я их хорошо усвоил! — закончил он.

Вскоре я прочитал в «Новом времени» (1987, № 6) статью доктора экономических наук В. Е. То-

машкевича под названием «Реквием полузнанию». Сначала захотелось возразить при встрече Виктору Евгеньевичу, но, вчитавшись, понял, что он глубоко прав, когда показывает, что у нас произошел «отрыв экономики от школы», что «все мы устали от низкой квалификации друг друга». И единственное, на чем не стоит экономить, так это на учебе, на воспитании, на развитии деловой квалификации человека, его предприимчивости. Действительно, как много мы теряем на полузнании, особенно на полузнании экономики, и именно сейчас, когда осуществляем радикальную реформу. Знание идет в хвосте реформы, как лошадь позади телеги. Положение выправляется, но отставание все еще заметно.

Думаю, не прозвучит нотацией истина: кто не понимает сути, сущности, закономерностей исторической перспективы преобразований, тот не застрахован от ошибок в поиске и внедрении конкретных форм хозяйствования. Не застрахован от субъективизма и волюнтаризма. Без знания сути дела трудно выработать концепцию управления, руководства коллективом, регионом. В итоге уплывает из-под ног твердая почва и образуется текучка, которая засасывает, как болото. Тогда-то и происходит не более как слепое, подчас гипертрофированное понимание и исполнение отдаваемых решений, так как они не от знания объективных законов исходят, а от субъективных представлений, хуже — от амбиции носителей власти. Знание законов развития общества, в котором мы живем, составляет сердцевину духовности.

Соответствие нашего поведения требованиям законов есть, очевидно, главный, хотя вроде и самый общий критерий эффективности экономики и всей нашей работы. Он несет в себе и конкретное

требование: для грамотного хозяйствования надо хорошо знать эти законы, особенно руководителям всех уровней.

Без знания законов трудно оценить перспективность передового опыта, внедряемых форм хозяйствования. Неужели прошлый опыт нас этому не научил? При встречах с хозяйственными руководителями, с работниками управления одно упоминание о законах вызывает ироническую усмешку, дескать, все это схоластика. Многие не пришли к пониманию того, что только законы точно указывают на стратегию, от которой видится яснее и тактика, способы управления. Жизнь развивается, меняются исторические условия. Проявление объективных законов тоже меняется, требуются новые формы сознательного их использования, новые методы хозяйствования. Требуется постоянное обновление знаний, развитие духовного производства. Вот почему партией так остро ставится сегодня вопрос о непрерывном образовании кадров.

Уверен, что если бы руководствовались экономическими законами, считались с объективным ходом развития жизни общества, то преждевременно не рушили бы крестьянское подворье, не ломали теплицу пенсионера, не вырывали цветы у старушки в ретивой борьбе с нетрудовыми доходами, а замечали бы, что рядом сверхмощный К-701 бегает, как челнок, туда-сюда с тележкой, которую спокойно мог бы перевозить добрый десяток лошадей. Или задумались, почему под открытым небом лежит и гниет оборудование на миллионы рублей. Или всерьез взялись бы за сохранение той третьей части сельхозпродукции, которая ежегодно теряется при транспортировке и хранении.

Есть другая крайность в отношении к экономическим законам. Раз закон, так вроде он себя и без нас проявит. Проявит, но как? Вот в чем вопрос. Может разорить, а может обогатить в зависимости от того, как люди с ним обойдутся. Законы-то эти не проявляются вне людей, не действуют в пустоте. Это же не законы природы. Успех не приходит сам собой. Требуется напряжение ума и труд души. Необходимо на основе знания законов духовно-практическое обеспечение внедрения новых форм хозяйствования. Что имеется в виду?

Для руководителей — перевод стратегических направлений экономической реформы на уровень региона, коллектива. Нужна личная концепция управления на вверенном участке. Нужны новые экономические знания, умение по-новому строить экономические отношения людей. И отношения социально-психологические.

Читаю в материалах июньского Пленума ЦК КПСС, что реальный вклад человека в общее дело, наши действия, все явления и достижения должны оцениваться социально и экономически. Мне нравится эта мысль. Но тут же вспоминаю, что планы последних пятилеток стали называться не просто экономическими, как раньше, а планами социального и экономического развития. Очень существенная поправка. Она отвечает объективной закономерности. Однако на деле вышло, что именно социальная сфера оказалась в роли пасынка и к ней, очевидно, в большей степени применима та честная партийная оценка, что общество оказалось в кризисном состоянии. Так что же, в этом законы виноваты? Нет! Виновато наше отступление от их требований.

По чьей воле все наше социально-культурное

хозяйство содержалось на остаточном финансовом и прочем довольствии, то есть на том, что осталось от стола производственников? На мелиорацию земель — миллиарды, а на подъезды к полям за урожаем, на дороги до села — копейки. На строительство нового завода — щедрость, а на жилье при нем для рабочих — скупость. В итоге и земле и заводу стало трудно, а человеку тем более. И все от чего? В частности, от дефицита на новое мышление, на духовность. На единство теории и практики. Провозглашали одно, а на деле властвовали критерии и показатели эффективности чисто экономические, вне социальных, вне духовных. Даже не экономические, если брать в строгом смысле слова, а производственные, ибо экономика включает в себя и потребителя, то есть человека, нас с вами, наши потребности. В результате развивали производство ради производства: больше тонн, литров, кубометров. И чем больше, тем лучше, не важно каких и как они удовлетворяют потребителя. Говоря политэкономическим языком, стоимость товара была оторвана от его потребительской стоимости. Пример явного пренебрежения законами диалектики. В погоне за стоимостными показателями началась возгонка цен. Чем выше цена, тем выше объем валовой и товарной продукции, производительности труда. Тем увереннее можно сидеть в кресле. А рост потребительских стоимостей? Не важно. Это не главное. Вот и выпали человек и его потребности из экономики. А социальные и духовные потребности вообще оказались на задворках экономики. Социально-культурные объекты (магазины, дома культуры, детские сады, поликлиники, школы) «мешали» производству. Их строительство приостанавливали, вели в последнюю очередь. Инерция

такого мышления сказывается и сейчас. Поэтому и сегодня социальные критерии эффективности экономики — проблема проблем. Без ее решения трудно реализовать активную социальную политику.

Социально-экономическое ускорение, комплексное развитие экономической, социальной, духовной сфер жизни общества и каждого трудового коллектива выдвигают необходимость пересмотра традиционных критериев и показателей эффективности общественного производства. Перестройка должна произойти прежде всего здесь. Пришла пора учитывать не только требования экономических, но и социологических законов — законов, отражающих сущностные связи между всеми сферами, областями и уровнями жизнедеятельности людей. В данном случае — взаимосвязь экономики с социальной и духовной сферами. Требуется учет закономерностей взаимодействия материального и духовного производства, экономики и политики, общественного сознания и поведения, идеологии и психологии, науки, политики и практики. Иначе и впредь не избежать перекосов в общественном развитии.

Встает проблема социальной и духовной насыщенности чисто экономических показателей развития производства и экономизации, усиления материальной базы социальной сферы, духовной культуры народа. А то получается, что костюмов и пальто, сшитых на душу населения, предостаточно, а на душе-то от такого «вала» горько и обидно, купить то, что хочется, невозможно. Зайдешь в книжный магазин — полки ломятся, а уходишь ни с чем. Ох уж этот много раз обруганный, но все так же непобедимый «вал». И непоколебимое «валовое» экономическое мыш-

ление. Сколько ни отрицаем, а как надо ведомству показатели натянуть от желаемого уровня, так к нему в ноги. А он в этом всемогущ, выручает. Выручает и сегодня. Неужели и дальше он будет «палочкой-выручалочкой» для оправдания «рублевых темпов»? В итоге в рублях у нас всего много, а в натуре — сплошь дефицит. От дефицита на нужные товары время теряется, нервы растрачиваются, дискомфорт бытия усиливается, неудовлетворенность нарастает. Между тем за благополучные показатели по-прежнему премии начисляются. И при этом никакого кризиса совести у производителей, так как с планом по «валу» все в порядке. А вот кризис настроения у потребителя от неудовлетворенного спроса не скроешь.

Бездушие «благополучных» показателей душит инициативу людей, их энтузиазм. Кажется, все это давно разумом понимали и понимаем, а как до дела доходит, так опять за старое цепляемся — оно надежнее, новое — это всегда риск. А риск пока, и я тут понимаю новаторов, дорого обходится, прежде всего с точки зрения духовных затрат. Признаемся как на духу, что нет пока, даже в условиях нарастающей демократизации, надежных социальных гарантий на рискованную работу. Почему? Потому, что мы еще никак не можем отрешиться от старых подходов, от сложившихся стереотипов экономического мышления.

Поиск новых критериев эффективности экономики, трудовой деятельности в разных отраслях народного хозяйства — это тоже риск. Но это и преодоление старого мышления, выход на новые рубежи социального познания, осмысление настоящего с прицелом в будущее. Сегодня уже очевидно, что традиционные критерии эффективности экономики не обеспечат нам целостного

развития общества, а значит, и гармоничной личности не получится. Эту гармоничность мы же заболтали, даже опошлили, а ведь в ней цель социализма. И пока человека, его развитие не на словах, а на деле не поставили во главу всей системы экономических, а точнее, социально-экономических критериев и показателей, эта цель так и будет несбыточной. Давайте попытаемся представить себе, что комфортность души, наше настроение экономисты взяли вдруг в качестве критерия эффективности работы общественного транспорта, службы быта, да и всей экономики. А что, неплохо было бы, а? В общем, мечты мечтами, а требуется реальное «очеловечивание» экономики, ее одухотворение, насыщение тем смыслом, который заложен в словах: «Все для блага человека, все во имя человека».

Давайте зададимся вопросом: а кому должны быть выгодны критерии и показатели эффективности экономики? Для кого эффективно-то? Для общества? Да! Для государства? Да! Для советских людей? Прежде всего и только для них! Для человека? А как же иначе?! Это же естественно. Стоп! Вот тут-то и задумаемся. Что такое человек? Это же не машина, его одними тоннами и метрами не удовлетворишь. Человек — это гамма потребностей: материальных, социальных и духовных. Тогда что же получается в свете повышения роли человека в экономике? Если он не только средство, а главное — цель производства и экономики в целом, то критерии эффективности последней, плановые показатели уровня ее развития должны, по логике, исходить от **степени удовлетворения человеческих потребностей.** Каждой из них и всех вместе. Отсюда критерии эффективности должны быть не только материаль-

ные и социальные, но еще и духовные. Иначе разрыв. Нет целостности, а значит, нет гармонии. Гармоничной личности не получится. Выходит, что один из фундаментальных критериев эффективности экономики исходит из адекватности ее сущности человека, когда сущность человека совпадает с сущностью общественных отношений. Всякое несоответствие, разрыв в этой взаимосвязи сопровождается изъянами в обществе, его деформацией, а отсюда и деформация человеческой личности. Не здесь ли берут начало многочисленные парадоксы с измерителями экономического развития страны, о чем убедительно написал Дмитрий Валовой в книге «Экономика в человеческом измерении» (М., 1988)? Измерителями, которые стимулировали расточение, а не сбережение, обходя стороной естественное стремление человека к разумности в ведении хозяйства.

«Да бросьте вы пасмурность нагнетать,— возразят мне,— и так тошно; что ни статья в газете, то очернительство. Не так уж в прошлом все плохо было. И духовность ваша учитывалась в наших экономических планах!» Что ж, вызов принимаю. Да, нельзя все огульно охаивать. И ранее учитывалась духовная потребность, но как, в какой мере. Планировалось, к примеру, собрание сочинений литературного классика в один миллион экземпляров. Издательство выпускало один миллион и сто тысяч. Ура! План выполнен на 110 процентов. Премии, награды производителям. А потребность у народа в произведениях этого классика свыше 10 миллионов. Удовлетворение этой духовной потребности получалось только на 10 процентов. В итоге дефицит, черный рынок. От такого учета духовных потребностей честному народу грустно, плановикам и производителям —

радостно. Народ просит больше, плановики и производственники — в ход «железный» аргумент: «Нет бумаги, производственных мощностей не хватает». И так десятилетиями. «Что там книги, вот металл, станки, машины, их не хватает» — вот он, расхожий стереотип «законодателей» экономики. Или еще: «Книгами ни корову, ни человека не накормишь». Получилось, что книжный бум не удовлетворили, но зато создали бум бездуховности, обеспечивая винно-водочным продуктом выполнение финансового плана и отвлечение людей от духовных запросов. Так, конечно, проще: за копейку производишь, за миллиард продаешь. С книгой труднее. Общественное производство (если оно — общественное) в равной мере должно охватывать потребности членов общества.

Может, экономистам покажется странным, но уверен — пришла пора и душу человека учитывать в критериях эффективности **общественного** производства. Капиталисты этим уже давненько занимаются. В книге американского экономиста и статистика. У.-К. Митчелла, переведенной и изданной у нас еще в 1930 году, я нашел раздел «Эмоциональный фактор и его влияние на хозяйственные расчеты», где меня приятно поразили выводы автора, в частности о том, что период индустриального расцвета неизбежно является временем сильного эмоционального возбуждения[1]. И я вспомнил нашу историю — энтузиазм периода индустриализации.

Надо честно признать, что традиционные показатели экономической эффективности у нас не

---

[1] См.: Митчелл У.-К. Экономические циклы.— М.; Л., 1930.— С. 18.

учитывают психологию масс, скажем, сегодняшнее недовольство в общественном мнении нарастающим дефицитом или, к примеру, экономические показатели работы общественного транспорта. Чем больше в единицу времени одной единицей (автобусом, троллейбусом, вагоном трамвая, метро) перевезено пассажиров, тем выше производительность труда и другие экономические показатели. А каково пассажирам, набитым в эти единицы транспорта, как селедки в бочке? Кто сегодня учитывает единицы, десятки, сотни испорченных нервных клеток от испорченного настроения, да еще перед работой? Для шума нашли единицу измерения, может, ее стоит поискать и для оценки психологической комфортности человека, с тем чтобы не забывать о состоянии его духа?

Глубоко убежден, что даже самый совершенный, но «чисто» хозяйственный механизм в будущем не будет давать желаемого экономического эффекта, если он не будет включать в себя духовные силы человека. Если не будем в новые механизмы управления вводить и духовные стимулы, а не только материальные. Почему молодые люди уезжали из села и этот процесс мы не могли остановить даже хорошим заработком? Потому, что их не устраивала, да и сейчас еще не устраивает духовная жизнь на селе. Как раз этого-то фактора мы не включали в хозяйственный механизм. Неразвитое духовное потребление, при наличии хорошего денежного дохода, приводит либо к обесцениванию материальных стимулов, особенно при дефиците на потребительские товары (когда деньги есть, а купить нечего, то зачем деньги?). Либо к развитию потребительства как погоне за остродефицитными дорогими вещами, ставшими средством самоутверждения и престижа. Либо к разви-

тию (от дефицита духовности) суррогатных потребностей. Мировой опыт подсказывает, что осуществление реформ требует грамотного социально-психологического обеспечения. А наш всемирно известный соотечественник А. С. Макаренко считал, что, «пока под социологию (я бы еще добавил — и под экономику.— *В. П.*) не подведен крепкий фундамент научной психологии... научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм»[1].

Начавшаяся у нас экономическая реформа уже убедительно показывает, какой огромной потенциальной силой духа обладает душа и духовность людей, когда их раскрепощают. А экономисты по-прежнему недооценивают такой важный фактор, как психологическая перестройка кадров. Сколько у нас принимается рекомендаций, обретающих силу решения, без предварительного изучения возможной реакции на него общественного мнения. У нас отсутствует оперативный социально-психологический анализ хода экономической реформы, а ведь очевидны потери, которые мы имеем от того, что психологически не просчитываем, не проектируем, не готовим внедрение хозрасчета, аренды, подряда. Реформа выдвигает потребность идти в глубь экономических процессов, учитывать все многообразие движущих сил их развития.

В этой связи вспоминается интервью Олега Табакова в «Известиях». Его спросили: что для вас самое дорогое в театре?

— Чудо воспроизведения живой жизни человеческого духа,— ответил он. Прекрасно сказано!

---

[1] Цит. по: Сов. культура.— 1988.— 6 февр.

Как хотелось, чтобы ученые и практики всерьез занялись воспроизведением живой жизни человеческого духа, ежедневно работающего на нашу экономику.

Без сырья и машин экономика сразу останавливается, без духовности — может продолжать еще долгое время функционировать. Функционировать, но не интенсивно развиваться. А в конечном счете может наступить кризис. Не может машина долго прожить без заботы о ней человека. Бережливость ведь тоже черта духовная. Недооценка духа и духовности, пусть не сразу, но в конце концов может и для техники, и для самого человека превратиться в опасность, в некую мину замедленного действия.

Перестройка должна привести к **возрождению духовности,** когда, как сказал Н. К. Рерих, сознание новизны каждого часа дает импульс.

Верится, что и в общественных науках и в общественной практике человек будет в центре внимания. Что сила духа человеческого проявит себя в экономике, если сама экономика будет не забывать, а развивать, ценить его и поощрять, заинтересовывать.

Глава II

ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ПСИХОЛОГИЯ ХОЗЯИНА

> Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям... вот в чем мы всегда раскрывали самую глубокую тайну.
>
> *К. Маркс*

Ресурсы? У нас огромные. Страна? Богатая. Сотни миллиардов вложили в 70-е годы в сельское хозяйство. Народ? Думаю, что таких народов, перенесших и достойно выдержавших столько трудностей, немного в мире. А экономика оказалась в застое. В чем дело? Мучительный вопрос. Но пока мы не дадим необходимого ответа, все время будем ходить вокруг да около. Некоторые на него отвечают коротко: нет хозяина. Как нет, а мы кто? — возмущаются другие.

Думается, ответ на эти самые насущные вопросы надо искать в состоянии отношений собственности. Или в отношении хозяина-народа к собственности. Радикальная экономическая реформа принципиально меняет эти отношения. Но это только начало, подступ к раскрытию огромного потенциала социализма, его самой глубокой тайны.

Собственность, отношения людей по поводу собственности — основа экономической жизни общества. Какую сферу экономической жизни ни возьми: производство, обмен, распределение, потребление,— все они прямо или опосредованно связаны с собственностью. Тип отношений собственности в конечном счете определяет тип производственных и всех других общественных отно-

шений, структуру базиса и надстройки, общественного бытия и общественного сознания.

Отношения собственности обусловливают и характер взаимоотношений людей в обществе, направленность социально-психологических отношений. Она и есть та почва, откуда берет начало развитие определенного типа психологии: частнособственнической или общественнособственнической. Или?..

Собственность — объект человеческих эмоций, чувств, нравственных мук, переживаний, надежд, радости и счастья.

Но главное — в отношениях собственности скрыта самая «глубокая тайна» всего общественного строя. К. Маркс отмечал, что «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего,— вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя...»[1]

Мы, как мне думается, еще не раскрыли для себя эту самую глубокую тайну. У нее много оттенков. К данной сокровищнице марксизма мы еще вернемся не раз. А сейчас лишь подчеркнем, что реформа управления экономикой есть наш ключ к постижению этой тайны. Многие советские люди сегодня эмпирическим путем проникают в ее глубины, развивая хозрасчет, аренду и кооперацию. Но чтобы понять необратимость экономического обновления общества, необходимо проникнуть

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 25.— Ч. II.— С. 354.

в суть ранее существовавших и нарождающихся сейчас отношений собственности. Тогда только увидится и своя роль, перспективная роль самоуправления, необходимая социализму структура экономической власти. Увидится обусловленность человеческой психологии отношениями собственности, ощутится потребность в чувстве хозяина. Шире откроются скрытые пружины людского поведения, его морально-психологические доминанты.

ЯБЛОКО РАЗДОРА И ОСНОВА НАШЕГО ЕДИНЕНИЯ

Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем. Кабаниха зверствует. Золотая рыбка и та отказывается помочь добрейшему старику из-за ненасытности его старухи. Плюшкина мелкособственническая психология до нравственной крайности довела.

А тут в наше время два соседа в садовом кооперативе поссорились из-за того, что один посадил на меже дерево, которое может потом поглощать влагу с участка другого. Мария Ивановна поругалась с соседкой Еленой Аркадьевной: собачка одной пробежала по грядке другой.

Собственность не случайно всегда волновала лучшие умы человечества. Не обходит самой глубокой тайны в отношениях и поведении людей гений Пушкина, вспомним, например, образ Барона в «Скупом рыцаре». Вот он зажигает свечи и отпирает один за другим свои сундуки. Богатство для него — это форма власти, способ господства над другими. «Я царствую! Какой волшебный блеск! Послушна мне, сильна моя держава; в ней счастие, в ней честь моя и слава!» Вот он — критерий смысла жизни, счастья и славы. Богатство

и власть! В них заключены два, очевидно, самых великих испытания для человека. Оказывается, даже любовь к детям бывает более слабой социально-психологической связью, чем отношение к собственности, к личному богатству. Барона на исходе жизни пугает одно: кто примет власть над собственностью?

Собственность — корень нашей общей экономической жизни. Она есть и то «яблоко раздора», вокруг которого вечно бушуют страсти. В ней и сотворение мира между людьми, их объединения.

Чем отличаются друг от друга первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое общества? Различиями в отношениях собственности. Во имя чего совершались все революции? Чтоб завоевать власть на собственность. Из-за чего чаще всего совершались войны, начиная с древних времен? Из-за богатств, из-за земель, природных ресурсов, сфер влияния, рынков сбыта и так далее. Выходит, самая большая злодейка — это собственность. Но не только так. Она и благо, однако, при определенных социальных условиях.

Чем принципиально различаются общественные формации? Отношениями членов общества к собственности на средства производства.

При социализме хозяином собственности становятся непосредственные ее производители — трудящиеся, весь народ. Народ в результате революции завоевывает власть над собственностью, созданной своими руками. Общественная (но не тождественная государственной) собственность — основа общественного единения. Она «взывает» к себе соответствующую общественную психологию.

— Очевидные истины. Зачем снова о них?— спросит читатель.

— Да, прописные,— согласится автор, но при этом добавит: — Прописные, но еще далеко не всеми нами осознанные, а некоторыми даже не понятые.

Для начала подчеркнем, что отношения собственности определяют объективно, то есть хотели бы мы того или нет, сознание и мировоззрение членов общества.

При общественной собственности у трудящихся как «единого», «единственного собственника» необходимо «объединяющее единое начало» (К. Маркс). Дело в том, что при общественной собственности отдельный совладелец лишен практической возможности сам по себе, самостоятельно осуществлять распоряжение ею, для этого необходима воля всех совладельцев условий производства. То есть необходимо общее согласие, общая воля. Как этого достигнуть? Функцию объединяющего начала выполняют государство, трудовые коллективы, общественные организации. Но как выполняют? Это большой вопрос из области «глубокой тайны». О нем позже. Здесь же, кроме этого, подчеркнем одну деталь, которую, как правило, сегодня ученые обходят. А именно: общественную собственность, кроме общего согласия и общей воли, должно обслуживать общее, точнее, общественное сознание. И прежде всего общественное экономическое сознание. А значит, экономическая психология как вид общественной психологии.

Сознание, мировоззрение людей всегда связано с их психологией, включает ее многие образования в свое содержание. Сознание не только отражает, но и выражает **отношение** человека к собственности. Отношение социально-психологическое, которое становится формой общественных связей инди-

вида с другими людьми, с обществом, то есть становится частью общественных отношений. Поэтому мало осознать отношения общественной собственности, надо их еще и прочувствовать, освоить душой, выработать свое отношение, свою позицию. А для этого надо пережить, ощутить не формальную, а реальную сопричастность к собственности.

Те, кто создавал Магнитку, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре, кто защищал их в войну, кто восстанавливал разрушенные города после войны, кто строил БАМ, пусть и в необустроенных условиях, в слабо развитой системе демократических отношений,—все же они, как говорится, через сердце пропустили эту нашу общественную собственность. И я не раз наблюдал, насколько эти люди переживают за общественное, как они неравнодушны к бесхозяйственности. Вот вам реалии социально-психологического освоения отношений общественной собственности, хотя и условия были непростые. Очевидно, факт участия в большом деле заменяет тысячи дидактических наставлений. А главное — формирует сопричастность, проще говоря, воспитывает заботу о народном добре.

— Выходит, каждому поколению нужен свой Комсомольск? — спросят меня.

— Не обязательно. Парта и прибор, комбайн и станок, земля и дом — все это объекты нашего повседневного освоения, нуждающиеся в осознании, в душевной заботе, в причастности к ним человеческого сердца. Хозяйское отношение к частному есть общее великое дело, подобно тому как ручейки и малые речки образуют полноводную реку. Но образуют естественным путем.

— Тогда почему же не получается такого отношения в повседневности нашей, неужели надо

попасть в экстремальные условия?— справедливо поставит читатель и такой вопрос.

— Есть такое отношение, но случаев его проявления гораздо меньше, чем требуется для поднятия экономики. Почему? Давайте задумаемся. Прежде всего попытаемся вскрыть причины отсутствия хозяйского отношения людей к общественной собственности на уровне массовой психологии.

Меня всегда поражала глубокая проницательность, мудрое проникновение в глубины нашей жизни народного академика Терентия Семеновича Мальцева. Вот что он пишет о земле, о состоянии наших душ по отношению к ней в застойные времена: «Худо ей, на колени пала, молит о помощи, а заступиться некому... Разве прежде крестьянин увел бы жатву под снег? ...Говорим: не стало хозяина, ломаем голову — куда он подевался. Так ведь многие и не хотят-то нынче быть хозяевами»[1],— заключает Терентий Семенович.

Почему не хотят? Может, потому, что отучили, руки поотбивали в свое время? Может, из плена старой психологии люди не могут вырваться? Сомнения их гложут?

Думаю, что весь секрет заключен в не разгаданной еще тайне наших отношений к собственности и по поводу собственности.

Перестройка заставила многих задуматься над главным вопросом нашего времени: как каждый и все вместе, как мы — народ советский — будем относиться к нашей — общенародной собственности? Как ее будем развивать? В этом проблема проблем. Путей решения видится много. Но и сомнений не меньше. Многие пути и перепутья в развитии отношений собственности непременно

---

[1] Правда.— 1987.— 16 нояб.

проходят через народную психологию, ее видимые и невидимые тропы. В ней и тормоза и ускорители имеются, в ней — совесть и сострадание, равнодушие и заинтересованность. Психология народа — это и его мудрость, ибо есть часть его сущности. И если проникнешь в нее, познаешь истину.

Психология хозяина и отношения общенародной собственности — вот две грани, степень соединения которых является важнейшим критерием экономического и социального прогресса. Расслоение, рассоединение их сопровождается апатией, соединение, сплав — заинтересованностью народа. Ясно, что само собой это не происходит. Кто и что этим движет? Об этом и речь. Только сразу оговоримся, что осознать настоящее невозможно без прошлого. Следствие без причины не бывает. В нашем прошлом случалось всякое, значит, надо разобраться в нем, чтобы не повторить ошибок в будущем.

О ФАКТАХ ОТЧУЖДЕННОСТИ И ПАРАДОКСАХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Когда, в какой именно месяц или день это случилось, сейчас трудно сказать. Но вдруг как прорвало. И ученые, и рабочие на разных уровнях осознания, но заговорили с тревогой об одном — об отчуждении. Выплеснулось то, что раньше было сокрыто в себе, нарывом в душе нарастало. Выплеснулось в платформах народных депутатов, в раскрепостившемся общественном сознании.

О каком отчуждении шла речь? Если отчуждают, то от чего? В данном случае от собственности. От чьей? Собственность всегда чья-то. Ничейной не должно быть. Государственная, общенародная,

колхозно-кооперативная, общественных организаций, личная. И вдруг — общая, наша собственность стала ничейной. Конечно, случилось это не вдруг, но самое страшное то, что произошло отчуждение массовое. Вроде как отвернулись все от нее, как бы ненужной она стала — в Золушку превратилась.

О, нет! Не совсем так, могут мне возразить. Немало на ней наживались всякие «несуны», стяжатели и рвачи. Для них она лакомым кусочком всегда была. Из нашей она превращалась для них в «мою». Государственный стройматериал укладывался в «мою» дачу, бензин заливался в «мою» машину. Действительно, мало ли таких случаев сейчас обнародовано! И какое уж тут, казалось бы, отчуждение. Наоборот — объект пристального внимания. Конечно, не всех. Но ведь знаем, было. Даже сформировалась оправдательная мораль: «А что, живем при социализме, все наше, народное! Государство? Не обеднеет, а народ малость разбогатеет».

Многие честные труженики сейчас задаются вопросами-покаяниями. Как это так случилось, спрашивают они себя, что мы стали закрывать глаза на тех, кто несет и тащит, отрывает от нее кусками, кто гноит купленное на золото импортное оборудование, кто закапывает без отдачи в землю рубли народные, кто землю нашу родимую отравляет? Как будто какой-то гипноз действовал. Как так вышло, что она, наша общая кормилица — собственность, и в самом деле стала ничейной? Многих и сейчас совесть не мучает, как не мучила она многих из нас и в застойный период. По этой причине, очевидно, и стал постепенно уменьшаться наш общий пирог. Отсюда и кризис. И как ему не быть, если сопричастность уступила место рав-

нодушию, содействие — неучастию, хозяйствование — бесхозяйственности, забота — беззаботности, личная заинтересованность — уравниловке.

Экономическая наша жизнь вобрала в себя немало противоречий. Одно из них: если народ — хозяин своей собственности, то почему он у себя же и тащит? Ворует! Грубое слово? Да, мне тоже не нравится, но ведь факт. А против правды, как говорится, не попрешь. Да, далеко не все тащат и воруют.

Вот что написал в своем письме в «Комсомольскую правду» (1987. 18 сент.) об охране собственности И. Карасев из Пензы: «Я сейчас никак не пойму, от кого мы охраняем, ведь, кроме нас самих, у нас никто не живет, так от кого же мы охраняем?» Справедливый вопрос. Далее автор предлагает вернуться к «суровым законам», когда за 5 кг пшеницы давали 5 лет тюремного заключения. Здесь я с И. Карасевым не согласен. Да, нужны строгие меры, но не возвращение к всеобщей психологии страха. А вот за 5 кг украденной пшеницы штраф в десятикратном размере — это можно и даже нужно. Это экономическая мера. Действительно, охранять мы должны, как ни парадоксально, нашу собственность от самих себя. От своей собственной несознательности.

— У нас сейчас все грамотные, начитанные! — возразят некоторые.

— Грамотные — это еще не значит сознательные. Почему же тогда многие, даже дипломированные, смирились с бесхозяйственностью? Почему свои деньги считают скрупулезно, государственные — еле-еле или вовсе не считают? Правда, некоторые не умеют считать ни свои, ни государственные.

Или еще такие вопросы. Почему у многих

народов мира бережливость, расчетливость, рачительность в чести, по этим качествам человеческое достоинство оценивается, а у нас они со скупостью, скопидомством отождествляются? В большинстве цивилизованных стран ведение семейного бюджета — норма, а у нас — исключение. Может, мы самые богатые в мире, что нам и считать-то не надо? Да, мы богатые, точнее, богата наша страна, наша земля, но не мы. Прежде всего бедны, на мой взгляд, на общее мудрое хозяйствование. Да, именно так. Мы богаты потенциально и бедны реально. Вот в чем основной парадокс. Мы богаты преимуществами своего строя и бедны на умение их использовать во свое благо. И не надо при этом обижаться на истину и проявлять высокомерие. Обижаться нужно на самих себя. Необходимо разобраться, почему оказались не использованными, не реализованными возможности нашей страны, социалистического строя. Вопрос сложный, но сегодня, в условиях перестройки, он выходит на первый план. И не побоюсь сказать, что от его понимания и решения зависит и конечная судьба перестройки, и даже судьба социализма. Это вопрос глобальный, а не частный. Гамлетовский вопрос «быть или не быть?». Быть собственности, оберегаемой народом, или быть и дальше ничейной? Но ничейность гибельна. Если отчуждение религиозное, например, происходит лишь в сфере сознания, как отмечал К. Маркс, то «экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*» и оно «охватывает поэтому обе стороны»[1], то есть «идеальную» и «реальную жизнь», общественное сознание и общественное бытие. Поэтому отчуждение народа от собственности

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 42.— С. 117.

может иметь далеко идущие разрушительные последствия, тогда как упразднение такого отчуждения даст последствия созидательные.

ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА

Мне кажется, что секрет отчужденности очень точно выразил Иван Васильев в письмах профессора, персонажа одного из своих произведений. Отчуждение с двух сторон — от начальства, то есть сверху, и от самих тружеников, то есть снизу.

Писатель раскрывает в «Очищении» психологию назначаемых сверху руководителей. «Выдвинутые» таким образом начальники считают, что только они больше всех пекутся об интересе государственном. Как? Проведением в жизнь линии, которая конкретизируется установками, указаниями, инструкциями, кои исходят откуда-то, где лежит невидимый низам и не подлежащий вариантному толкованию и народному обсуждению государственный интерес. Имеется ли в такой линии людская выгода? — задается вопросом профессор Иван Николаевич. Да, имеется, — и тут он вскрывает, пожалуй, корень отчужденности, когда путем наблюдений и умозаключений приходит к выводу: колхозникам не выгодно думать о колхозе, отвечать за колхоз, их благополучие зависит от степени угодности председателя. Если он угоден вышестоящему начальству — их не обделят, что-нибудь подкинут, что-нибудь скостят. Именно по этой причине, по мнению профессора, колхозники одобряют работу председателя колхоза Платонова, который, манипулируя цифрами, умеет вытянуть из государственной казны полмиллиона доплат за низкую рентабельность.

Значит, тип такого руководителя «устраивает и верха и низы,— заключает профессор.— Кого же он тогда не устраивает? **Россию!** Страну! Вот в чем суть гигантского противоречия нашего времени»[1]. Противоречие, которое таким образом ставило людей в роль поденщика: «Сегодня нам хорошо, а завтра хоть трава не расти». Глубоко пустила корни такая психология. Когда пришла в колхоз демократия, как пишет далее Иван Васильев, когда было выдвинуто несколько кандидатур на должность председателя, то колхозники — большинством в три четверти голосов! — выразили снова поддержку Платонову, пожелали и далее видеть его своим руководителем. Почему? На этот вопрос писатель отвечает устами своего героя вроде как тоже вопросом, но в нем заключен и прямой ответ: «Не говорит ли это вам о том, что психология процветания на банкротстве (на безвозвратных дотациях от государства.— *В. П.*) пустила глубокие корни и поразила сознание не только управляющих, но и рядовой массы?»[2] Вырвать эти корни и оздоровить сознание оказалось делом трудным. На научно-практической конференции в ЦК КПСС «АПК: курсом кооперации и агропромышленной интеграции» в ноябре 1987 года отмечалось, что «во многих колхозах и совхозах настолько привыкли к кредитам, различным надбавкам, а подчас и просто подачкам, что иной жизни и не мыслят. В преобладающей части хозяйств кредит стал по сути невозвратным, утратил издревле присущую ему природу...»[3]. Иждивенчество было одной из существенных

---

[1] Наш современник.— 1987.— № 8.— С. 36—37.
[2] Там же.— С. 49.
[3] Правда.— 1987.— 19 нояб.

причин затратного механизма, расточительности.

«Движущие силы» иждивенческой психологии сокрыты в эгоистических интересах как управляющих — для оправдания права на руководство, а отсюда — стремление к показу мнимых успехов, так и рядовой массы — желание жить хорошо, неважно, что расходы не сообразуются с доходами. Интересы руководства и массы таким образом смыкаются, но они входят в противоречие с интересами государства, общества. Общая, общественная-то казна не бездонна, она может при такой «щедрости» и опустошиться. Такова сегодня цена расплаты за психологию потребительства и отчуждения от общественных интересов. «Привыкли доить. Вызрело мировоззрение доильщиков. Но вызрело или взрастили?» — размышляет первый секретарь обкома партии Вагин — другой герой повести «Очищение». И тут он прикладывает мерку к самому себе: «Растил не хозяев, а банкротов». Это он о таких, как Платонов, а их немало — этих «управляющих».

Хозрасчет хоть сегодня и выводит на чистую воду, но «управляющие» искажают его своими старыми подходами. Да и прежняя психология самих людей дает себя знать еще чувствительно.

Странно как-то получается: народ вроде бы не заинтересован и в то же время заинтересован в иждивенчестве и поденщине. Почему, отчего? От невозможности повлиять на ситуацию, изменить положение в хозяйстве, отстоять свои интересы и интересы Отечества. Сам по себе государственный интерес не отчуждает. Отчуждает, порой по рукам бьют способ его реализации и те, кто негодную линию проводит в жизнь. Отчуждает отсутствие точек соприкосновения интересов.

И нечего народ в лености да неповоротливости упрекать, да все за него, вроде как немощного умом и смекалкой, додумывать. Получалось, что в конторах одни умные сидят, а в работающем народе — одни полоумные. Но никак в ум не брали, не могли уразуметь, что еще ни одна контора не научилась производить материальные блага. Тем не менее конторе полное доверие в проведении госинтереса, а народу — указания да инструкции, где каждый шаг расписан, вроде охранной грамоты. Только от чего охраняли-то? От возможности распоряжаться своей же собственностью, быть хозяином на своей земле. Вот и получалось, что охраняя — отлучали, отчуждали от нее. Да, от одних запретов человек чужаком становится. Вместе с тем запретный плод, как гласит пословица, всегда слаще. Не отсюда ли и «несуны» появились? Несут по-разному. Платонов и колхозники тоже несуны, только не напрямую, а косвенно — через безвозмездные дотации.

Давайте внимательно всмотримся в наше общее хозяйство, и, я думаю, мы безошибочно увидим, что бесхозяйственность всегда там процветала и продолжает процветать и тогда, когда хозяйство есть, а хозяина нет. Значит, и нет ответственности. Точнее, хозяин есть формально, а реально отчужден, нет у него настоящих экономических и социально-психологических связей с хозяйством, с собственностью, с общенародным богатством. О размахе бесхозяйственности застойного периода много написано. Подчеркнем лишь, что главная причина — в отчужденности трудящихся от собственности. А от отчужденности — бесхозяйственность. Заколдованный круг. Разрыв его начался с решений июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, который по-новому поставил вопрос реализации

отношений собственности, когда человеку труда стала возвращаться роль хозяина. Новая роль отводится и ведомствам, конторам, органам управления экономикой. Раньше они взяли на себя право хозяина общественной собственности, но слабо его реализовывали. Да и объективно они не смогли бы это сделать в совершенстве. Сейчас в роли совокупного хозяина — предприятие, трудовой коллектив. Однако с властью конторы трудно расстаются. Ею надо поделиться, а кто и в какие времена власть добровольно отдавал. Ее забирают. Мы видим, как одни предприятия действительно ее забирают, другие выжидают, намереваясь забрать, третьи — работают по старинке, находясь под прежней опекой ведомств.

При этом хотелось бы сказать, что власть надо делить диалектически, без перегибов.

Конторы, управления и правления нужны. Без них тоже нельзя. Огульная критика без выявления корней сложившейся системы, мотивов деятельности управляющих дает людям мало пользы. Им нужны конторы, которые бы искали и находили те точки, в которых бы сходились интересы каждого, всех и общества. А когда контора от хозяйствования, от заботы об общем достоянии, от сопричастности, от соучастия, от самоуправления отучает рабочего человека, а сама за конечный результат не отвечает, тогда плодится массовая бесхозяйственность.

О ДВУХ ПРАВАХ И ОБ ОДНОМ ХОЗЯИНЕ

Поставим для себя вопрос так: право на владение собственностью и право на распоряжение собственностью — это одно и то же? Или иначе: дает

ли завоеванное народом право на собственность право на хозяйское распоряжение ею? Вот тут нам есть над чем голову поломать.

Заметим для начала, что всякая объективная предпосылка не всегда проявляется: она может существовать, но так и не проявить себя. Другой вариант: ее проявление может сдерживаться субъективными действиями людей. И наилучший вариант: эта связь осознается и ее развитие осуществляется людьми целенаправленно. И тут, как видите, мы снова сталкиваемся с проблемой осознания сущностных связей в общественной жизни.

Что такое командное администрирование по существу? Это, говоря словами К. Маркса, присвоение себе административными органами «непосредственных отношений собственника условий производства». Таким образом они отнимают или заменяют, подменяют собой право на нее у непосредственных производителей и таким образом становятся над ними. Один профессор, экономист-аграрник, на вопрос: почему новый агропром работал по старым принципам, опять скатился на административные принципы — ответил так: «Причина в том, что он по-прежнему оставался владельцем собственности, распорядителем».

Если задуматься, то и в самом деле у административных органов до реформы, да и сейчас еще сосредоточены права на владение общенародной собственностью и на использование, хозяйствование и распоряжение ею. У народа, у непосредственных производителей, этих прав в комплексе, по сути, не было, так как не было, по существу, самоуправления и демократии. Его право на владение собственностью опосредованно реализовывалось государством и не подкреплялось в жиз-

ни прочной связью с правом на распоряжение, на самостоятельное хозяйствование. Поэтому-то постепенно формировалась психология отчужденности. Для мудрого хозяйствования не было социального простора.

Вот что беспокоит, наряду с проблемами микрохирургии глаза, известного сегодня в нашей стране, да и во всем мире С. Н. Федорова. «Мы — хозяева... Звучит красиво. Но так ли на самом деле? Взгляните кругом. Вот на заводском дворе годами ржавеет, портится дорогостоящее оборудование, и сотни рабочих и инженеров ежедневно проходят мимо, хотя они... хозяева этих станков. Позвольте, какой хозяин допустит такое!» И тут хирург попадает, как мне кажется, в самое «больное» противоречие нашего времени, которое на социально-психологическом уровне проявляется в разнополярном отношении людей к «моему» и «нашему». Ведь «на своем дачном участке,— замечает ученый,— рабочий того же завода скорее спешит убрать из-под дождя старое обшарпанное кресло, оставшееся на лужайке. Вот тут он хозяин, и за свое добро душа у него болит»[1]. Почему за «наше» не болит, а за «мое» — болит?

— Так это же естественно! — скажут некоторые.— Давно известно, что своя рубашка ближе к телу.

Немало приступов мысли сам я лично по этому поводу пережил. Много думал и писал об этом в своих книгах. Да и сейчас приступы не прекратились, ведь отношения собственности наматывают сложный клубок не только экономических, но и правовых, нравственных, социально-психологических и других связей. Они вполне конкретно

---

[1] Наш современник.— 1987.— № 1.— С. 157.

себя проявляют. Их важно не только осознавать, понимать, но и укреплять, ибо любой разрыв в них бьет по экономике, ослабляет ее. В этой связи примечателен другой вывод С. Н. Федорова: «На работе общенародное добро человек часто воспринимает абстрактно, как «ничье»,— с соответствующим к нему отношением, поскольку видит, что хозяин этих средств — государство или народ — тоже весьма абстрактен. Такое положение, на мой взгляд,— заключает хирург,— является одной из главных причин слабости нашей экономики»[1]. И я с ним согласен.

Почему сложилось такое положение? Ответ опять надо искать в разрыве непосредственных отношений собственника условий производства с непосредственными производителями. Одна из причин — в отсутствии необходимых, реальных связей прежде всего между правом народа на собственность и правом на хозяйствование. Чтобы не абстрактно, а осязаемо воспринималось человеком народное добро, необходима фактическая, а не абстрактная связь его с собственностью. Современная реформа управления есть ключ к овладению «глубокой тайной» потому, что она нацелена на создание такого хозяйственного механизма, при котором бы владение, использование, распоряжение и присвоение собственности (то есть всех форм без исключения), распределение национального, коллективного, кооперативного доходов совершались в интересах и по общей воле непосредственных производителей. Не осуществим этого — не осуществим реформу. Эту глубокую истину надо осознать нам всем. Чтобы опять не ограничиваться полумерами, не испугаться, не растеряться. И что-

---

[1] Наш современник.— 1987.— № 1.— С. 157.

бы дров не наломать, в крайность не удариться.

В контексте нашего исследования подчеркнем, что кроме рационального необходимо еще и психологическое освоение собственности людьми. У К. Маркса есть выражение: «Эта *материальная*, непосредственно *чувственная* частная собственность»[1]. Напрашивается вопрос: а общественная собственность что — бесчувственная? Конечно же, нет, хотя некоторые так считали и считают. Им казалось, что стоит выдвинуть лозунги типа «Народ — хозяин!», «Мы — хозяева!» — и все сразу станут в самом деле рачительными хозяевами.

Безусловно, надо познавать связи между правом народа на собственность и правом на соучастие в распоряжении ею, чтобы потом на практике эти связи развивать и укреплять, осваивая их в том числе и чувственно, психологически. Ведь в настоящее время уже очевидно, что эти связи имеют сложный, многогранный характер своего проявления и сознательного развития людьми. Если отношения собственности в функциональном плане обрастают системой экономических, политических, правовых, нравственных связей и отношений, то и требования к собственнику также имеют сложный комплексный характер. Упор на одну из сторон его деятельности и забвение других не дает желаемого результата.

Факт установления нового типа собственности — это вроде только ее рождение. В науке этот момент называют онтологическим. Далее осуществляется процесс ее развития с использованием права на хозяйственное использование. Его в науке называют функциональным или социологическим. Для функционирования народившихся отношений

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 42.— С. 117.

собственности тоже нужны революционные действия. Автоматического соединения этих двух сторон не происходит, хотя связи между рождением и развитием объективны. А ведь были такие надежды, что раз установили самый передовой строй, произвели всеобщее обобществление, заложили основы отношений общественной собственности, Советы взяли власть, то далее все покатится само собой, как по маслу.

В. И. Ленину пришлось много сил положить, чтобы доказать, что после завоевания пролетариатом политической власти и национализации собственности необходимо создать совершенные экономические отношения нового типа, осуществить самое трудное дело — хозяйственное строительство.

Помнится еще то недалекое время, когда слово «самоуправление» считалось чуть ли не крамольным. А раз нет самоуправления народа, значит, у него нет истинного и полного права хозяина. Понимали ли мы это тогда, когда нас отчуждали от нашей собственности? Не все. Кто же понимал, того не замечали или старались не замечать. А отчуждение тем временем нарастало. Нарастало потому, что место хозяина собственности, суверенную власть на собственность передали многочисленным конторам, оторвали, можно сказать, от базиса, от интересов хозяина собственности, от интересов рабочего и колхозника. Если вся власть у конторы, а работники — не более как объект управления, хуже того — темная масса, которую только надо погонять и подгонять, то отчуждение от общественной собственности идет с двух сторон — сверху и снизу. Как и какой заслон этому можно поставить?

Завоевав право на собственность, пролетариат

доверяет охрану ее в целом государству и его органам. Вместе с тем передает ему право на плановое распоряжение ею из центра, но с непременным участием народа, то есть как бы передает часть своей суверенной власти доверенному лицу. Доверяя собственность государству, народ, как хозяин, оставляет за собой право проверять деятельность государственных органов, контролировать, как ими используется собственность. Такие принципы построения отношений общественной собственности и закладывались В. И. Лениным. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с его работой «Очередные задачи Советской власти».

Вспомним его идею о всенародном учете и контроле. На них Ленин возлагал надежду в преодолении в массах психологии отчужденности. «Государство, бывшее веками органом угнетения и ограбления народа,— писал он,— оставило нам в наследство величайшую ненависть и недоверие масс ко всему государственному. Преодолеть это — очень трудная задача, подсильная только Советской власти, но и от нее требующая продолжительного времени и громадной настойчивости»[1]. Как же Владимир Ильич оказался прозорлив, говоря о продолжительном времени преодоления этого психологического наследства отчужденности народа от всего государственного! Впоследствии «огосударствление» всех форм собственности и, видимо, сохранение некоторых общих черт государственности, передача их по наследству создали почву для живучести недоверия масс к государственной собственности.

Ленин делал прогноз, а мы являемся сегодня

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 184.

свидетелями его правильности, когда читаем строки: «Пройдет неизбежно известное время, пока массы... поймут — не из книжек, а из собственного, советского, опыта — поймут и прочувствуют, что без всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся удержаться не может...» И «до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя перейти к рабочему регулированию производства»[1].

Таким образом, право на владение собственностью и право на ее хозяйское использование, распоряжение должны были слиться воедино. Политическое обеспечение этого единства представлялось возможным достичь посредством реализации другого ленинского принципа — демократического централизма. «Ленинский социализм» насквозь демократичен. Власть народа на собственность была первой заповедью большевиков. Но обобществление, кооперация, то есть все то, что придавало собственности общественный характер, координировались по воле народа государством, центром. И тогда «Государство — это мы!» — реальный принцип жизни, а не трафаретный лозунг. Процесс поиска оптимального сочетания права народа на собственность и права на хозяйское распоряжение ею шел, как известно, мучительно. От военного коммунизма — к продразверстке, от нее — к продналогу и далее — к нэпу.

Что было потом? Специальная тема. И она сегодня все очевиднее становится ведущей в исторических исследованиях. Для нас же важно подчеркнуть (и не более) лишь социально-психологическую сторону исторического процесса. Посте-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 184.

пенно в отношениях собственности социально-психологическая связь стала деформироваться, искажаться под воздействием несоответствия между формальной, официальной и неформальной, неофициальной сопричастностью народа к общественной собственности. Формально — он хозяин, реально — полухозяин, точнее, работник. Ленинские идеи на этот счет не получили своего развития в общественной практике, хотя формально признавались и декларировались. Разумом люди понимали, что надо заботиться о ней, а в душе зарождалась отчужденность. Страх заставлял беречь народное, а в душе таилась неудовлетворенность тем, как заставляют. Душой человек переживал свою ущемленность, порой беспомощность, а разум его голосовал за социализм. Непоколебимость веры в новый строй натыкалась на противоречия, которые простому человеку трудно было глубоко осознать.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДОГМ

«Караул! Куда нас зовут?» — нередкие отклики в недавнем прошлом по поводу развития кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности.

— Куда это годится, развиваем частнособственнический интерес,— одно мнение.

— Согласен, что нужна материальная заинтересованность, но какие цены, какие заработки?! Разве можно допускать, чтоб развивалась психология собственника, куда государство смотрит? — вот другая группа оценок.

— Не нужны никакие «частные» подряды, как всем миром навалимся, так и все сделаем,— третье суждение.

— Мы не можем следовать ни за Венгрией, ни за Болгарией. Тем более перенимать опыт у капстран. Мы другие. Наш крестьянин привык к коллективизму, это у него уже в крови, а его назад в единоличники тащат. Наш мужик широтой характера славен, а из него скрягу хотят сделать. Рост продукции можно увеличить всем народом, всем миром,— это уже позиция.

— Призрак частной собственности вместе с поросятами, гусятами и клубникой на садовом участке прокрадывается в нашу жизнь и что-то важное рушит в ней. Что? Пока не пойму. Люди, опомнитесь! Куда вас зовут? — почти предупреждение.

— Сегодня заманят в кооператоры и арендаторы, а потом, как это бывало уже, разгонять, а то и раскулачивать начнут, где гарантия? — это уже сомнение.

Все это реальные отклики конкретных людей, взятые из различных публикаций и личных встреч и бесед.

Вопросы серьезные. В них реакция общественного мнения на ход и результаты перестройки. Разве раньше возможно было такое, да еще в газетах с миллионными тиражами? А главное, какая озабоченность за судьбу страны, и конечно за свою тоже. Пусть некоторые суждения категоричны, мало обоснованы, но они искренни. Конечно, сказываются стереотипы и догмы, которыми долгое время потчевали наше сознание. Избавиться от них сразу трудно, тут необходимо пережить приступы мышления. Не случайно в полемику с авторами вышеприведенных высказываний вступили доктора наук, члены-корреспонденты, академики.

Что больше всего волнует людей? Обобщенно можно выделить, выражаясь словами полемизи-

рующих сторон, два аспекта: «призрак частной собственности» и вместе с ней «игра» цен; развитие «психологии собственника» на основе «частнособственнического интереса». То есть волнует вопрос возврата к частнособственнической психологии, не отходим ли мы от основ социализма?

На этот вопрос уже не раз давался ответ в докладах М. С. Горбачева на Пленумах, при встречах с трудящимися.

Они задумывались: не означает ли наша перестройка отход от основ социализма или, во всяком случае, какого-то их ослабления? «Нет, не означает,— отвечал М. С. Горбачев.— Наоборот, то, что мы уже делаем, намечаем и предлагаем, должно укрепить социализм, устранить все, что стоит на пути развития социализма и тормозит его прогресс, раскрыть его огромный потенциал в интересах народа, привести в действие все преимущества нашего общественного строя, придать ему самые современные формы»[1]. Но где выход?

Один из основных путей укрепления социализма пролегает через преобразование отношений социалистической собственности. Эти отношения — отношения людей, значит, они облекаются человеческой психологией, отражаются в ней. Осмелюсь заявить, что один из существенных тормозов на пути развития и социализма, раскрытия огромного потенциала народа заключается в психологии нашего мышления, в догматизме общественного экономического сознания, в традициях, в отношениях к государственной собственности. Снять его — значит освободиться от привычки мыслить старыми представлениями.

---

[1] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 25—26 июня 1987 г.— М., 1987.— С. 43.

Процесс этот идет, но идет не просто. Психологическая перестройка, как показывает ход реформы, все еще проблема проблем, хотя и заметно освобождаются от догм наша психология и наше сознание. Что это за догмы?

Прежде всего социализм нельзя представлять в виде какого-то застывшего общества, а практическую работу по его совершенствованию — как способ подогнать, подстроить сложную действительность под раз и навсегда сформированные идеи, понятия, формулы[1]. Застывшей, раз навсегда заданной представлялась нам и основа экономической системы социализма — отношения собственности. Во всех учебниках десятилетиями твердили о двух формах собственности: государственной и кооперативно-колхозной, плюс еще в ряде монографий писалось о личной. В наше сознание прочно вбивался стереотип о закономерном перерастании кооперативно-колхозной собственности в государственную. На практике следовало преобразование колхозов в совхозы, что далеко не всегда давало желаемый эффект. Встает вопрос: наш социализм — результат естественноисторического процесса или конгломерат субъективистских построений? Известно, как искусственное подхлестывание объективного процесса приводило нередко к искажению сути.

А «общественная собственность» в жизни и в понятии, отражающем сущностную, природную сторону социализма? Откроем словарь «Политическая экономия» 70—80-х годов издания и попытаемся найти такую категорию. Ее мы, как ни странно, не найдем. Найдем некую «солянку»:

---

[1] См.: Материалы Пленума ЦК КПСС. 25—26 июня 1987 г.— С. 43.

«Общенародная собственность — см. Государственная (общенародная) социалистическая собственность»[1]. Смотрим — и действительно находим статью о государственной (общенародной) социалистической собственности[2]. Но, по существу, здесь речь идет в основном о государственной собственности. И в жизни господствовала она.

Встает вопрос: государственная собственность тождественна социалистической и общенародной? Или на каком основании социалистическая собственность сводится только к государственной? Да, она ведущая. Но почему единственная? При таком подходе получается, что другие возможные формы собственности несоциалистические, от них уже непременно частнособственническим душком должно попахивать, и они нам чужды. Стремление узаконить монополию государственной собственности имело под собой, как мне представляется, определенные интересы — интересы государственных ведомств и их реализацию. Примат и единоличное господство государственной собственности нужен был командно-административной системе управления экономикой. «Отсюда стремление «огосударствить» все и вся,— связать любые успехи, достижения с административными методами управления как «наилучшими»[3]. Практическая абсолютизация государственной собственности стала причиной затратного механизма в экономике. Приравнивание государственной собственности к высшей ее форме — общенародной — обернулось на деле приматом админи-

---

[1] Политическая экономия: Словарь.— М., 1979.— С. 261.

[2] См. там же.— С. 60—61.

[3] Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества//Коммунист.— 1987.— № 8.— С. 13.

стрирования, расширением жизненного пространства для бюрократизма. А бюрократизм стал остро нуждаться в догматизме.

Оказалось, что «догматизм, насилуя жизнь, буквально за уши тянул кооперацию в государство. Шаг за шагом укреплялся стереотип отношения к государственной собственности: наше — не мое, это ничье»[1]. Вот почему так важно сегодня освободиться от старых догм. Они и сегодня, в условиях осуществления реформы управления экономикой, многим застилают глаза и затыкают уши. А некоторые просто не могут или не хотят разобраться в существе необходимых изменений в формах собственности. Поэтому остановимся особо на методологической, философской стороне этой проблемы, ибо она и в самом деле настолько важная и сложная, что, не разобравшись, трудно выработать собственную позицию, можно и истинно социалистические формы собственности принять за отступления от социализма.

С философских позиций заметим, что в обществе и живой природе нет ничего неизменного. Более того, некоторые свойства социального организма отмирают, другие способны превращаться в свою противоположность[2]. Например, централизм из положительного свойства на определенном этапе развития советского общества сыграл мобилизующую роль, но впоследствии стал сдерживающим фактором развития.

Что же касается отношений социалистической собственности, то следует иметь в виду другую философскую истину: с развитием общества возникает все большее разнообразие форм проявле-

[1] Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества//Коммунист.— 1987.— № 8.— С. 13.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 27.— С. 387.

ния развивающейся сущности. При социализме общественная собственность в сущности едина. Разумные пропорции между ее различными формами может установить только живая практика.

При оценке кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности, семейного подряда, кооперации и аренды как раз и происходит смешение: сущности с формами реализации собственности, факта установления социалистических отношений собственности с процессом их развития, функционирования, преобразования; неизменного в своей сущности объекта этих отношений (например, земли) с различными формами экономической деятельности людей (аренды, семейного подряда и т. п.). Отсюда опасения в отходе от социализма, в возрождении частнособственнической психологии. Невозможен плюрализм в сущности, в формах же он реален, даже необходим. Но и сущность многогранна и ее форм может быть несколько. Меняется сущность — меняются тип отношений собственности, а затем его формы. Меняется при этом и тип общественного сознания, и в особенности кардинально меняется общественная психология. Если же сущность остается неизменной, а меняются формы, то возврата к старому типу отношений не происходит.

Реформа управления экономикой направлена на предоставление свободы для развития той же — социалистической сущности отношений собственности, что и была, но с помощью нескольких новых форм. Здесь количественные изменения (развитие нескольких форм собственности при социализме) придают новое качество отношениям людей по поводу этой сущности, то есть общественной, общенародной собственности. Новое качество приобретает и общественная психология. Она ста-

новится плюралистической. Конечно, при этом очень важно сохранить в ней единство многообразия, общее — социалистическое основание.

Мы подчас в пылу полемики смешиваем разные формы и понятия, их отражающие. Государственную собственность смешали с общенародной, тогда как «государственная собственность... не всегда и не обязательно тождественна общенародной,— замечает академик О. Т. Богомолов,— ибо может размываться ведомственными и местническими устремлениями, групповыми интересами». Правда, тождества между ними нет не только по причине ведомственных и местнических интересов. Видимо, основным критерием тождества может быть степень реального, а не формального участия ее владельца — народа — в управлении отношениями общенародной собственности.

Общее основание разных форм собственности при социализме одно: отношения общественной собственности на средства производства. Думаю, что «общественная» здесь совпадает с «общенародной». Государственная собственность, как мне представляется, есть одна из форм общественной. По характеру и степени использования, распоряжения (а не только по праву на владение собственностью) государственная должна «дослужиться» до общенародной. Но этот процесс, как не раз отмечал В. И. Ленин, длительный. Для этого необходимо интегрировать право на владение собственностью с правом на практическое хозяйствование, использование хозяином своей власти на собственность в своих интересах.

На создание таких социальных условий и направлены решения XXVII съезда КПСС, Съезда народных депутатов, Пленумов ЦК КПСС, принятие Закона СССР о государственном пред-

приятии, Закона СССР о кооперации и других, а главное — выводы XIX партийной конференции.

Колхозно-кооперативная собственность по существу тоже общественная. От государственной она отличается по форме реализации. По своей сущности земля — собственность общественная, форма ее использования — кооперативно-коллективная.

Личная собственность. Что это за собственность? Она уже, очевидно, не прямо, а опосредованно общественная по форме присвоения, но социалистическая по форме использования, так как каждая личность живет в социалистическом обществе. И ее значение нельзя недооценивать, за ней стоят личные интересы граждан. И если личная не стыкуется органично с общественной, то слабо развивается каждая из них.

Государственная, кооперативно-колхозная и личная — все это различные формы социалистической собственности. И они могут и должны развиваться в контексте объективной диалектики общего, особенного и единичного, частного. Государственная собственность (с переходом в общенародную) будет, очевидно, еще долгое время ведущей, определяющей. Здесь общественное проявляется как общее. В кооперативной общественное выражается в специфическом, а в личной собственности как единичное, частное. Но частное не в экономическом смысле, а в философском. Единичное, например первичный коллектив, в экономике есть ее первооснова, но это уже другой взгляд на эту проблему. Объективная диалектика форм социалистической собственности обусловливает субъективную диалектику — диалектику форм ее психологического отражения прежде всего как единство и специфику государственно-обществен-

ной, коллективной и индивидуальной психологии. Первые две, по сути, имеют одну основу — общественнособственническую, а индивидуальная включает в себя сильный личнособственнический момент, что тем не менее не делает ее тождественной частнособственнической психологии. Все зависит от сущности форм экономической деятельности социального субъекта как хозяина от характера экономических отношений собственности.

Личная собственность — отношения между индивидом и обществом в процессе присвоения личностью предметов потребления, удовлетворяющих ее материальные и духовные потребности. Включение в эти отношения наемного труда человека, присвоение прибавочной стоимости превращает отношения личной собственности в частнособственнические. Как ни странно, но наши госорганы были носителями такого же по сути превращения.

Эксплуататором может выступать и государство. Нам необходимо понять место и роль кооперативов, семейного подряда и индивидуальной трудовой деятельности и разобраться, какие при этом формируются отношения и какая психология. Бродит ли по стране «призрак частной собственности»? Если такой «призрак» и маячит, то насколько он перспективно опасен для нашего общества, ведь в Венгрии, ГДР, Болгарии имеется опыт частной практики? И это их не пугает. При этом возникает и другой вопрос: а не происходит ли у нас пугливое смешение, подмена личной — частной собственностью?

Лично я не стал бы кричать «Караул!» по поводу новых форм хозяйствования с элементами личного предпринимательства, но и в эйфорию бы

не впадал от некоторых успехов. Нужен трезвый, научный взгляд с позиций теории собственности. Сегодня, наряду с рассмотренными выше формами собственности, зарождаются новые, ставящие перед нами новые проблемы. Скажем: собственность создаваемых сейчас кооперативов по форме тождественна колхозной? Чтобы хоть как-то попытаться разобраться в подобных вопросах, обратимся к конкретному опыту. Хорошо, что есть сейчас новый социальный опыт. Для нас важно увидеть его социально-психологический аспект.

НУЖЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ

Развитие новых форм собственности формирует совершенно иное социально-психологическое к ней отношение, новую экономическую психологию. Однако развивается этот процесс не просто. Это и понятно, ведь порой надо переделать самого себя, свои взгляды, убеждения, ценностные ориентации и установки. Нужно осуществить в себе психологический перелом. Но для того чтоб помочь душе понять и принять новое, решиться на него, необходимо нам всем всерьез разобраться в сути новых (кооперативных, арендных и других) отношений собственности, понять их разумом. Обратимся к конкретному примеру.

Один член московского кооператива «Экспресс» по ремонту личных автомобилей, о чем писала «Комсомольская правда», принес домкрат из личного гаража. Другой из дома перевез в кооператив сверлильный станок. Потом кооператоры «сколотили» небольшой оборотный фонд и купили кое-что из оборудования. Дальше — больше. Что же это за собственность образовалась и какие отношения людей складываются в этом кооперативе? Кол-

хозно-кооперативная, то есть все, как в колхозе? Вроде да и вроде нет. Колхозная собственность создавалась примерно так же, а дальнейшее ее развитие?.. В колхоз вступают и выходят из него, не вкладывая и не забирая из него часть своего пая. А если сегодня владелец сверлильного станка решил выйти из кооператива? Может, видимо, забрать станок или попросить денежной компенсации. Так что же это за форма собственности? Личной — не назовешь. Частной — тоже, присвоения чужого труда нет. Может, коллективная или кооперативно-коллективная?

Думается, каждый вид возникающих отношений следует оценивать: а) по форме владения собственностью, б) по форме использования, хозяйствования, в) по форме присвоения. Получается, что кооператив «Экспресс» по характеру, форме владения и использования как личных средств производства (сверлильный станок, домкрат), так и приобретенных сообща (оборудование кооператива) — коллективная собственность. Отношения — точно коллективные. Право на собственность здесь смешанное — и личное и коллективное. Удовлетворяет кооператив потребности и личные (клиента) и общественные (помогает обществу обслуживать население). Распределяется доход коллективно. Потребляется в коллективно-индивидуальной форме. И вместе с тем часть дохода присваивается обществом в виде госналога.

Но, кажется, ясно, что это одна из форм социалистической собственности, поскольку создается и используется без эксплуатации, присвоения чужого, наемного труда. Хотя неизвестно, как она может развиваться дальше, не перерастает ли через несколько лет в нечто такое, что близко к частнособственнической практике. Уже сегодня

складывается такая ситуация, что рабочему-слесарю автозавода выгоднее даже наняться к коллективно-кооперативному владельцу на работу, чем работать на госпредприятии. А если еще появится на госпредприятиях избыток рабочей силы? Как пойдет дальше этот процесс — покажет жизнь, но, чтобы не предавать его стихии, нужен научный прогноз. Эмоции здесь — плохой помощник. Но тормозом в развитии кооперативов, пожалуй, одной из главных причин являются именно эмоции и чувства, человеческая психология. Одни встревожены и порой просто негодуют по поводу высоких кооперативных цен, и считаю, справедливо негодуют. Часть людей, прямо скажем, завидует высокому заработку кооператоров и арендаторов. Другие боятся за них, а сами кооператоры и того больше, за то, что дело это временное, очередная кампания, которую потом могут прихлопнуть, третьи — из-за боязни возврата к частнособственнической психологии — стоят на «страже» приоритета государственных предприятий, развития преимущественно государственной собственности. Есть и такие, кто категорически не признает новые формы хозяйствования. И тех, и других, и третьих можно понять. Но всем надо освобождаться от той психологии, которая к истине-то никак не приближает и, кроме возмущения, ничего к ней не прибавляет. Нужна интенсификация психологической перестройки, необходимо смело и решительно стряхнуть с себя налет старых стереотипов и догм, тогда и истина быстрее прояснится. А она, как мне представляется, заключена в признании единства многообразия, то есть единства многообразных форм социалистической собственности.

Психологическая неприязнь и сомнения со-

храняются и по отношению к семейному подряду, хотя у него самого и у его сторонников серьезные экономические аргументы. Доктор экономических наук профессор Г. Шмелев в «Правде» доказывал, что у такой семьи производительность труда в три-четыре раза выше, чем в традиционно работающих бригадах, на фермах[1]. Но противники утверждают, как он пишет, что семейный подряд «не вписывается» в социалистические производственные отношения. Как же не вписывается, доказывает ученый, если земля, ферма закрепляются за семьей или подрядным звеном, оставаясь общественной собственностью? Продукция, произведенная этим коллективом, за вычетом натуральной оплаты (если она есть) принадлежит социалистическому хозяйству. В распределении сохраняется приоритет общественных интересов: фонд оплаты тесно связан с выполнением заданий. А то что заработок получается большой, так это же заработок, а не получка за выход на службу. Зарабатывать и получать, как выяснилось, вещи разные. И кто знает истинную цену сельского труда и заработка, тот не очень-то завидует. Зависть здесь тоже не помощник. Вспоминается однажды услышанный по радио и с тех пор незабываемый факт, как завистники изрубили топорами резину на колесах трактора, принадлежавшего арендаторам.

Достоинство семейного подряда состоит в том, что он развивается на основе подлинного хозрасчета. Он, по существу, является хозрасчетом, доведенным до отдельной семьи как начальной производственной ячейки. И наконец, договор о подряде с государством в лице совхоза, колхоза вносит плановое общественное начало в работу звена.

---

[1] См.: Правда.— 1987.— 7 авг.

Кажется, с точки зрения социалистического способа хозяйствования все в норме. «Так что сомнения напрасны»,— отмечает профессор Шмелев в своих выводах о семейном подряде. Вроде уже и нечего возразить, сначала согласился я с профессором. Потом, когда поглубже стал разбираться в этой проблеме, начал сомневаться. Ведь у Шмелева ни слова о том, какая же психология при сем будет формироваться. Предвижу возражение: «Что нам нужнее: продукты, которых не хватает, или ваша психология?»

Отвечу. Вопрос справедлив, но отчасти. Да, продукты нужны, и я за семейный подряд. Более того, за передачу земли в собственность семьи. Только за хорошими экономическими результатами мы должны позаботиться и о ее завтрашнем духовном облике. Не получится ли так, что у нас на столе будет достаток, у нас прекрасный заработок, но большой дефицит на духовность, на развитые духовные потребности? Куда пойдут большие деньги? Об этом уже сейчас надо думать всем миром. И сам Г. Шмелев справедливо подмечает тревожную тенденцию, когда в некоторых семьях с непререкаемым авторитетом главы семьи детей не отпускают дальше учиться, не считаются с их желанием работать по иной специальности. Представим, что дети выросли и почувствовали свою духовную ущербность. Скажут ли они спасибо отцу, да и обществу? Словом, нельзя семейный подряд, как и любое дело, пускать на самотек. Там, где подряд предан стихии и нет контроля, там появляется спекулятивная деятельность. Здесь уместно вспомнить народную мудрость: доверяй, но проверяй. Хотя есть и другая тенденция: когда слишком много проверок, тогда слишком мало доверия. И пожалуй, она все

еще господствующая. А где дефицит доверия — там дефицит на истину.

Теперь об индивидуальной трудовой деятельности. Вот распространенное мнение: у индивидуальщиков под понятием «личная собственность» скрывается частная. Где же истина? Академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов на данный вопрос отвечал, что в нашем «научном обиходе» нет четко выраженных критериев относительно частного и личного, в этом смысле творится «смешение языков»[1]. Не могу полностью согласиться с академиком. В научном обиходе есть критерии такого различия, выше они приводились, хотя сегодня их действительно недостает. Другое дело, что на обыденном уровне общественного сознания «смешение языков» действительно имеется. Даже стереотип существует: личное — значит частное. А вот последующие рассуждения академика Тихонова интересны. «Могут ли быть личной собственностью средства труда в индивидуальном хозяйстве?» — задает он вопрос. И отвечает, что могут, если они куплены на свои деньги. И в самом деле, как же им не быть личной собственностью? Но интересно далее: как и для каких целей используются личные средства труда? Академик доказывает, что нет никакой разницы между сельским и городским жителем (индивидуалом). К примеру, полугрузовой автомобиль или владимирский мини-трактор крестьянина ничем не отличаются от автомобиля «Жигули», продолжает он. Ну... а далее? — задаюсь я мысленно вопросом. Что делает владелец-крестьянин с мини-трактором, горожанин с «Жигулями»? Очевидно, мини-трактор должен пахать землю, которая не является собственностью кре-

[1] Лит. газ.— 1987.— 8 апр.

стьянина. На «Жигулях», купив патент, горожанин работает как личный (называют частный) таксист, размышляю я. Значит, личная собственность вступает в согласие, в кооперацию с интересами народа, общества. Все прекрасно. Никаких противоречий, напротив, противоречие разрешается. Но это всего лишь мое домысливание к сказанному академиком Тихоновым. Он подчеркивает, что личная собственность трансформируется в частную только тогда, когда средства производства владелец использует для найма чужого труда. Но наша Конституция, наши законы, отмечает академик, позволить этого не могут. Да и общественное мнение не позволит. Так что личное хозяйство, заключает ученый, при социализме никогда не станет питательной средой для возникновения частника. Нельзя не согласиться.

И все же прогноз развития такой деятельности нужен. Если дочитать до конца интервью академика В. А. Тихонова, то в этом как раз и засомневаешься. Ведь нечто подобное уже было, как следует из содержания публикации. Была разрешена в 1925 году аренда земли крестьянам. Потом они превратились в частников, кулаков. Не повторится ли? — вот что волнует многих сегодня. Историческая память волнует. Волнует она, очевидно, многих и сдерживает развитие новых форм собственности. Психология страха живет в народном сознании. Да и не только в этом причина. Отучили заниматься личным подсобным хозяйством на селе. Как не вспомнить отучение конца 50 — начала 60-х. Однако сегодня создаются гарантии против волюнтаризма. Свои надежды на благоприятную перспективу новаторы связывают с построением правового государства.

Перспективным представляется процесс наме-

тившейся интеграции личного и общественного хозяйства на селе. А вот с горожанином-индивидуалом дело обстоит иначе. Его тоже отучали самостоятельно хозяйствовать, но некоторые «учились» этому на поприще «теневой экономики». Никаких патентов они не покупали, процентов не платили, все заработанное — только в свой карман. Часть делала это постоянно, большинство — периодически. Делали, можно сказать, нелегально, хотя никто особо не прижимал. Сейчас разрешили, но с покупкой патента и выплатой процентов. Чтоб отработать патент, надо почти систематически подрабатывать. Задумались «теневики». Некоторые из них находятся под прессингом собственной психологии недоверия: откроешься, а тебя потом прикроют. А тут еще реплики в их адрес: «Давайте, давайте, ребята, все равно вас потом посадят...» Или чего стоят грабительские налеты рэкетиров. То есть опять психология страха и сомнений на пути. Опять надо думать, додумывать, доделывать, переделывать и прогнозировать. И бороться за новое. Вспоминаются слова Чехова, которые я впервые прочитал в музее писателя в Таганроге: «В наше больное время,— писал он,— подвижники нужны как солнце».

ДИАЛОГ ОПТИМИСТА И СКЕПТИКА

Диалог написан по публикациям в прессе, по наблюдениям в жизни, по дискуссиям, в которых приходилось автору участвовать в 1986—1988 годах, когда наиболее остро обсуждались проблемы арендной, кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности. Думается, что они будут актуальными еще долгое время. Поэтому не случайно выбраны полемисты, то есть диалог пойдет между скептиком и оптимистом.

Скептик. Как бы и кто бы мне ни доказывал, я сам хорошо вижу, что в кооперативах людьми движет только частнособственнический интерес.

Оптимист. Кооператоры и арендаторы тащат материалы и инструменты не с работы домой, а из дома на работу. Это ли не экономическое чудо! Раньше эти же люди делали все наоборот.

Скептик. Да что вы со своими кооператорами и индивидуалами носитесь, их помощь — капля в море, а пены много. Да, число кооперативов растет. Но что имеет бюджет государства от их деятельности? Судите сами: по состоянию на 1 января 1989 года в стране действовало 77,5 тысячи кооперативов, объем их реализованной продукции (услуг) составлял 6 миллиардов 60 миллионов рублей. Вроде неплохо, можно только радоваться. Но я не могу, ведь при этом платежи кооперативов в бюджет составили всего 80,3 миллиона рублей. Соотнесите с объемом услуг и дефицитом в бюджете и увидите, что повода для радости нет. А по РСФСР платежи в бюджет от кооперативов 42 миллиона — тоже капля в море. Не говорю уже о сфере обслуживания.

Оптимист. Я вижу огромную перспективу кооперативов в сфере обслуживания. И сейчас постараюсь доказать это на цифрах. А цифры вещь упрямая. Для сравнения (по данным на 1987 г.) в ГДР на каждую душу бытовых услуг приходится примерно на 110 рублей. В Москве — на 56—57 рублей, а в других городах и того меньше. В РСФСР на душу населения приходится бытовых услуг на 38 рублей. Дикая отсталость. Где выход? В развитии кооперативов. Сегодня они выполняют заказы на 6 миллиардов рублей, через 5 лет, если снять все препоны, будут сотни миллиардов. Еще два года назад число кооперативов в стране было

около 3 тысяч, сейчас — более 77 миллионов.

Скептик. Конечно, если цены по-дикому будут поднимать, тогда и миллиарды можно выжать, а каково населению-то от таких, простите, «душевных» услуг?

Оптимист. Если они будут искусственно взвинчивать цены, к ним впоследствии клиент просто не пойдет. Вначале пойдет по необходимости, а потом нет, когда кооперативов будет больше. Конкуренция не позволит цены беспредельно накручивать. И еще. Есть одна истина, от которой мы стали отступать. В народе она называется «Время — деньги!». У Маркса закон экономии времени — первый закон. Мы же время часто не ценим. Ускоренное обслуживание требует дополнительных затрат от производителя и возмещения их потребителем. Разве хорошо, если автосервис держит у себя все лето автомобиль и не гарантирует качество ремонта?

Скептик. Приведу другой пример. В одном областном городе образовался кооператив «Урожай». Чем он занимается? Перепродажей овощей, фруктов. Естественно, с выгодой перепродает. Раньше им бы было одно название — «спекулянт» и милиция его бы на место поставила, а сейчас о таких на весь мир пишут. Какие тут трудовые затраты? Ростовщики, купцы да и только. Сколько таких по стране...

Оптимист. Да, раньше перекупщики действовали, можно сказать, нелегально. Сейчас открыто, организованно. И организованные ударяют по неорганизованным, цены тем сбивают. Чем плохото? Народ обеспечивают, государству проценты платят и, конечно же, часть дохода себе. А как же? А потом получают-то за свой труд. У многих сложилась какая-то странная психология, я пытаюсь

ее понять: почему много продаваемых овощей хуже, чем мало? Пусть лучше сгниет, только без перекупщиков. Сколько овощей остается в поле, уходит под снег. Согласен, плохо, когда некоторые государственные органы расписываются в бессилии, передают свои функции кооперативам. Но надо же их неразворотливость компенсировать.

Скептик. Компенсировать любой ценой?! Нет! С такой психологией далеко зайдем. В хищных индивидуалистов превратимся.

Оптимист. А вы за какую психологию ратуете? Возьмем такой пример. Два соседа в деревне: один и в колхозе успевает, и домой придет вкалывает, у него и корова с теленком и теплица с огурцами. Другой — любитель отдыха, для него главное — хорошо время провести. Первый излишек продает, второй его покупает. Кто из них в общественном мнении выше? Любитель отдыха. К первому еще недавно множество претензий было, да и глаз народный на селе на него косо смотрел. А иной сосед еще и жалобы в инстанции на него строчил. Почему? Каково ему ежедневно видеть из окна чужой двор и огород в порядке, а свой в бурьяне? По-вашему, такая психология лучше?

Скептик. Подождите, меня волнует несколько другой вопрос: почему совхоз, завод как государственные предприятия не могут создать необходимый достаток? Тогда бы все встало на свои места.

Оптимист. Могут, но пока недостаточно. Пока до 30 процентов овощей дают личные подсобные хозяйства. И пусть кооперативы помогают государству.

Скептик. А если все убегут с заводов в кооперативы? Кто будет выпускать тогда те же «Жигули», которые ремонтируют кооперативы? Это же ужасно! Они пытаются подавить государственные предприятия.

Оптимист. Да нет же, не подавить, а составить им конкуренцию, только конкуренцию нашего, социалистического характера. Составят там, где здоровое соперничество, соревнование может лучше удовлетворить спрос потребителя, резко повысить уровень обслуживания населения. Например, двое асов-профессионалов кооператива по ремонту автомобилей способны вступить в конкуренцию с автосервисом, ругаемым каждым автолюбителем. Кооператив за один месяц произвел услуг на 1200 рублей и без жалоб, а автосервис со штатом в 30 человек и с техникой — на пять тысяч рублей. Неплохой результат конкуренции, правда? А насчет того, что люди разбегутся с заводов, что ж, пусть рабочий выбирает. И пусть госпредприятие шевелится. Правда, и госпредприятию тоже надо создать такие же условия, какие имеют кооперативы.

Скептик. Надо от государственных предприятий требовать и скорости исполнения заказа, и качества работы, а не полагаться на кооперативы.

Оптимист. Все правильно. Но когда сфера обслуживания имеет беспредельную монополию на услуги, никто ей не соперник, тогда она одна «музыку заказывает». Действует один принцип: не хочешь — не приходи, дорого — не обращайся, но куда ты денешься?! Поэтому кооперативы, я считаю, открывают широкие возможности для экономического соревнования. Нет, нет, не того соревнования, когда формально подводятся результаты на финише без всякого соперничества в процессе работы.

Скептик. Не слишком ли много они будут зарабатывать? Миллионерами советскими станут.

А на госпредприятии заработки постоянно срезают. К чему мы так придем?

Оптимист. Многих больше волнует заработок, но почему-то в стороне остается польза, которую кооператоры, арендаторы и индивидуалы приносят (могут принести) людям. Сошлюсь опять на московский «Экспресс». Вот ведомость за один из летних месяцев. Котов заработал 124 руб. 16 коп., Богданов — 266 руб. 62 коп., Коротеев — 266 руб. 62 коп., Борисов — 31 руб. 50 коп., Харитонов — 10 руб. 05 коп., Евченко — 151 руб. 28 коп. Так что до миллионеров им далеко. А в принципе, если честно заработанный миллион — то и это не порок.

Скептик. Гм!.. Честные? Жажда наживы ими движет. Некоторые неплохо уже успели урвать. Не ровен час они могут из-за денег и передраться, разница-то в зарплате какая. К тому же чем дальше, тем больше она будет усиливаться, поскольку доход кооператива возрастет, спрос-то на обслуживание личных автомобилей не ограничен. А потом, какую психологию у людей закладываем? Психологию богатеев. Ведь нам же всегда твердили: не в деньгах счастье.

Оптимист. Но и без денег его тоже как будто не бывает. Больше других, но поровну получили Коротеев и Богданов. И для остальных нет в этом несправедливости и зависти, так как все знают, что они асы своего дела. Почему по 266 руб. получили? Это примерно половина от 1200 рублей, которые они наработали за месяц. Да, это больше, если бы они работали на станции техобслуживания. Там бы они от этих 1200 получили по 160—170 рублей.

Скептик. Так вот почему асы не хотят работать на госпредприятии! Все ясно. Заработок привле-

кает. Чем это не тот же частный интерес? В автосервисе вкалывать надо, а тут...

Оптимист. Послушайте! Надо учитывать, какой ценой дается заработок и могут ли эти спецы так же работать на станции техобслуживания. Там при ремонте один раз кузов грунтуют, в кооперативе — 3—4 раза. Каждую риску выводят, выявляют все до мелочей. Иначе клиент к ним в следующий раз не обратится, конкуренция в силу вступает. Чтобы к ним шли, надо продукцию выдавать качественно и в срок, чтоб комар носа не подточил. Даже вначале делать невероятное.

Скептик. Да, уж ладно, невероятное! На чем? На станции — техника, а тут кустарщина.

Оптимист. Согласен. Но вот реальный факт, про него писали. Так что за что купил, за то и продаю. «Нам надо убить клиента»,— говорят в «Экспрессе». Один автолюбитель привез, можно сказать, в мешке совершенно разбитую машину. Взялись на спор — за день сделать. К вечеру поставили машину на виду, переливалась на солнце. Пришел хозяин и мимо проходит, не узнает, кричит: «Ну что, проиграли, где машина?» Пришлось доказывать, пока клиент не узнал свою машину.

Скептик. Зачем так насиловать себя, ради денег? Я тоже знаю о таких кооперативах. У них «волчьи» законы. Если меньше 25 часов в неделю отработал, ставится вопрос об исключении. Нарушил график, неважно, сам или ребенок заболел, получай только заработанные. Премия же однаединственная. Что они, все такие сверхсознательные, что с утра до ночи пашут? Корысть, жажда денег движет ими — вот и весь секрет. Частный интерес всегда сопряжен с эксплуатацией.

Оптимист. То, что работают много, да, согла-

сен. И труд нелегкий. Но разве лучше, когда только за выход на работу платили? Принцип здесь такой: кто больше и лучше работает, тот больше получает. Где тут что от «волчьих» законов? Что ни на есть социалистический принцип, только мы его забыли или загубили, уравниловкой подменили, мастеровых людей с лодырями в одну шеренгу поставили.

Скептик. Насчет уравниловки вы правы. Только почему такой же принцип нельзя ввести на госпредприятиях, на той же станции техобслуживания? И он вводится, с помощью хозрасчета. Так что ваши доводы, коллега, меня не убеждают. Частный интерес в противовес бесхозяйственности?..

Оптимист. Заладили — частный интерес. Какой частный? Не в этом секрет. И не в сверхсознательности кооператоров. А то, что у них есть стремление заработать — да, есть. Что же здесь плохого, когда за свой честный труд получаешь тобой же заработанное. И никакой это не частный, а личный интерес. Но личный реализуется через коллективный — вот где точка опоры кооператива. Личный интерес не реализуется, если не будут соблюдены жесткие правила игры, если от них отступишь. Раз схалтурил, другой — третий раз клиент не придет, в отличие от госсервиса. Не пойдет клиент, не пойдет дело — и никто не заплатит кооперативу за «вынужденный простой», даже по вине вышестоящих организаций или мало ли каких причин. В итоге кооперативу грозит банкротство. Коллективная собственность не собственность, если клиента нет, повиснет она петлей на шее каждого и всех вместе. Заявление «по собственному желанию» не напишешь. Отвечать всем, неразрывно и неразлуч-

но. Вот он где — секрет. Новые отношения, непривычные. Но связывающие индивидов в монолитный коллектив. Работают сами за себя и на себя. Коллективистская психология. И где тут частный интерес и частнособственническая психология?

Скептик. Ну да, еще скажите, что они только и думают, как больше принести пользы государству, народу. Скупают в государственных магазинах мясо, а говорят, на рынке. Потом втридорога дерут в кооперативных кафе. Пробовал шашлычок по 2.30 за 100 грамм? Нет? И я тоже не пробовал. Сдается, что в такие кафе ходят одни кооператоры, торговцы, только из других сфер. А те, что за мзду покупают в государственном автосервисе запчасти к автомобилям и, чуть приложив усилия, как липку, обдирают клиентов? Да, действительно, дружно дерут, объединившись в сплоченный коллектив. И уж будь здоров, закон «Ты — мне, я — тебе» действует у них без сбоя. Мафии кооперативные скоро возникнут, потом их начнут разоблачать и сажать в тюрьму.

Оптимист. Не стоит так пасмурно смотреть и обобщать, точнее будет сказать: в семье не без урода. Мне видится картина более интересной, перспективной. Возьмем, например, работу кооператива «Брикет». Делает он разные плитки из отходов. Программа у него из простейших пяти пунктов состоит. Первый: прессовать из опилок и стружек деревянные кирпичи (годится и на дачи, и на легкие перегородки в квартирах). Второй пункт: из реек, что шли недавно в огонь, прессовать или клеить облицовочную плитку. Если делать из нее деревянную панель для кабинета — обойдется раза в четыре дешевле, чем это стоит нынче, если заказывать из «целого» дерева. Пункт

третий: делать подрамники для художников (оказалось, до того страшный дефицит, что дешевая цена, назначаемая кооперативом, обескуражила). Пункт четвертый: изготавливать брикеты на топливо. И пункт последний: можно даже, считают в кооперативе, и золу оставшуюся аккуратно паковать и по умеренной цене продавать садовникам... Скажи, пожалуйста, что тут пасмурного можно усмотреть? Или еще пример: создан и работает кооператив по «добыче» со дна сибирских рек леса-топляка, что годами лежал на дне. Чем это плохо?

Скептик. Гм!.. Устраним бесхозяйственность, пока на ней наживаются кооператоры. И тогда таким «Брикетам» делать будет нечего.

Оптимист. Верю, что с введением полного и настоящего хозрасчета мы изживем бесхозяйственность. Но это произойдет не скоро. Пока же сколько тысяч, миллионов и миллиардов единиц деревянной тары и прочего дерева сжигается ежегодно, поскольку государству, в отличие от кооператива, несмотря на весь гневный пафос сатирических изданий, объективно экономически невыгодно возиться с ними! А если бы возникли сотни кооперативов, подобных «Брикету», изумлялись бы мы тогда искусству мастеров японского «чуда», сотворявших из нашей тары и нам же (!) продававших изящную и недешевую мебель? И уж тогда из области словесной удалось бы перевести разговор о безрассудном истреблении леса в область практическую. Какая была бы польза государству и народу!

Скептик. Хорошо, пусть ваша взяла. Но тем не менее движущей силой здесь является частный... ну пусть личный, для меня это один и тот же, интерес, а не общественный. Выход в том,

что социализм если и можно строить, а сейчас перестраивать, то только с помощью кооперативов и индивидуалов? Не верю этому. Да, факты — упрямая вещь. В противовес могу тоже сослаться на пример. Один завод на Южном Урале по выпуску паркета передали кооператорам. Что они сделали? Сократили рабочих и специалистов вдвое, естественно, сразу вдвое повысилась производительность труда. Все «ура!» стали кричать. А позже прослезились, когда объем выпуска паркета к концу года снизился на 20 процентов, а жилье сдавать надо. Почему так получилось? Кооператоры удовлетворились повышенной зарплатой в 500—600 рублей, больше им не надо, эту-то не могут в нужные товары обратить. А наращивать объем или сохранять прежний — трудно, дополнительные усилия и затраты нужны. Тут-то у кооператоров и пропал энтузиазм. Поэтому кооперативы как временное подспорье — можно принять. Но чтобы в принципе, всерьез и надолго — нет. Не за ними все-таки будущее социализма, а за крупными государственными концернами, трестами. И не хочу больше спорить. Точка.

Оптимист. Минутку внимания! Задумывались ли вы, коллега, почему же общественная собственность стала ничейной? Вот вопрос настоящего времени и будущего социализма. И кто считает кооператив только корыстным занятием, я этому человеку не верю. Только не обижайтесь, бога ради. Не верю, что его всерьез заботит судьба социализма, так как он всерьез не задумывался, почему государственная собственность не вмиг и не сразу стала бесхозной. Вашему примеру верится, но отчасти. Таким кооперативам надо дать толчок, чтобы они сделали следующий шаг, заинтересовать, помочь в обновлении

технологии. Конечно, многое зависит от увеличения товарной массы. Кооперативная собственность — разновидность общественной, социалистической. Поэтому кооперативы — не временное подспорье системе, а ее неотъемлемая часть, без которой ее развитие деформируется, искажается. Бюрократически-административному централизму, может, и противоречит, а истинному социализму — нет. По Ленину, социализм — это «строй цивилизованных кооператоров»[1]. Не каких-нибудь ханыг и дельцов, а цивилизованных людей. Может, из сегодняшних мелких кооперативов в производственной сфере и вырастут крупные концерны и тресты, о которых вы мечтаете, но работать они будут на кооперативной основе, на полном хозрасчете. Поэтому я верю в ленинскую идею о том, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства...— это есть строй социализма»[2]. Считаю, что мы ленинских идей о социализме и на 50 процентов не использовали еще, хотя цитировали много, по любому поводу, а на практике часто уходили в сторону. Да и сейчас идеи провозглашаем хорошие, со ссылкой на Ленина, а на деле — дефицит деловитости, мобильности, организованности и решительности, на что тоже обращал внимание Ленин.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 372.
[2] Там же.— С. 373.

Глава III
ПСИХОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

...была и экономическая власть и политическая.

В. И. Ленин

Со-хозяин собственности! Со-управление! Со-причастность делам государства и общества! Со-участие! Со-творение! Со-зидание! Мне нравятся эти слова на «со». В них заключена энергия. Энергия настоящего и будущего. В них — психология и идеология перестройки. В них — потребность в налаживании экономических, политических и социально-психологических связей между словом и делом, между желаниями и свершениями, между обещаниями и достижениями, между политикой и практикой. Между хозяином и хозяйством, между руководителем и коллективом, начальником и подчиненным.

И еще мне по душе слова на «само» — самоуправление, самосознание, самостоятельность, самореализация, самобытность... В них я улавливаю смысл: «подумай сам», «сделай сам», «хозяйствуй сам», а не надейся на дядю и не жди указаний сверху. Иногда хочется крикнуть: «Народ,— ты же сам хозяин собственности, так и будь сопричастен ей, будь ее хозяином, а не тупым исполнителем при ней, проявляй самостоятельность, созидай, твори, дерзай. Время твое пришло, не упусти исторического шанса, ведь ты верен социализму, так обрати свою святую веру в умное сотворение социалистического хозяйства».

Надо переболеть этим «со» и «само». Надо крепко потрудиться разумом и душой, чтобы вернуть себе чувство, право, долг и дело Хозяина. Чтобы освоить экономические методы хозяйственного самоуправления.

Трудно будет? Конечно. А как иначе? Быть «со» и «само» куда труднее, чем быть «под» и «возле», когда за тебя и подумают, и правила твоего экономического поведения напишут, укажут, когда и что ты должен производить, сеять, когда убирать, кому и по какой цене сдавать. Холопская психология известна: не надо думать, напрягаться, исполняй команды и только.

Пришло время жить своим умом. Народ — это я, ты, мы все. И у нас, у народа, есть своя — народная собственность. Надо научиться ее сохранять, умножать самим. Самим ею распоряжаться. И сегодня это уже не громкие слова, не призыв, не лозунг. Это испытание собственной властью. Властью хозяина.

Может, и легче, когда за меня, за тебя, за нас другие думают и распоряжаются, только нет ничего дороже для человека, чем чувство собственного достоинства, когда он хозяин жизни, а не слепой исполнитель воли обстоятельств.

Знаю, многие честные люди в период застоя остро переживали: откуда вокруг столько бесхозяйственности? В конце концов ответ сводился к одному. Его можно выразить словами писателя Владимира Солоухина. «Всяко дело хозяина любит,— говорит герой одного из его недописанных рассказов.— А ежели сто хозяев на одно дело, значит, считай,— ни одного. Да и какие мы хозяева. Никто у нас ничего не спрашивает»[1]. Вот оно, точно

---

[1] Неделя.— 1988.— № 10.

схваченное, состояние хозяйственной власти. Вроде формально все хозяева, а на деле их нет — не считаются с истинным носителем данной власти. Отчуждение от собственности, о чем речь шла выше, сопровождается отчуждением собственника, совладельца от своей экономической власти.

В период застоя произошло одновременно два вида отчуждения: 1) отчуждение народа от общенародной собственности и 2) отчуждение народа от общенародной власти. Поэтому, чтобы повернуть хозяина к собственности, надо вернуть ему его экономическую власть. Другими словами, вернуть ему право на самоуправление, на самостоятельность. Вот почему нам так нужна твердая последовательность в реализации радикальной экономической реформы.

Пришло время жить по-новому. Как мы его встретили? Вызрела потребность мыслить по-новому? И чувствовать научились ли? Нужна новая, с крутым разворотом на хозяина-коллективиста, экономическая психология. Как формируем ее? Нужен резкий поворот от психологии отчужденности к психологии сопричастности в отношениях к собственности и власти. Каковы здесь пути и перепутья? Об этом и пойдет ниже наш разговор.

ЧТО ТАКОЕ ВЛАСТЬ?

Понятие «власть» нами соотносится, как правило, с политической властью. На самом же деле содержание власти гораздо богаче. В последнее время в работах ученых называется несколько разновидностей общественной власти, в том числе

говорится и о власти экономической[1]. Однако заметим, что содержание экономической власти и механизм ее проявления у нас пока слабо исследованы. Поэтому мы сначала остановимся на общих моментах теории власти и, конечно же, власти политической как наиболее разработанной, а потом уже нам будет легче представить содержание экономической власти.

В обыденном смысле власть — это способность и возможность осуществлять свою волю (классом, группой, личностью или партией, государством и т. д.), оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью авторитета, права, насилия и других средств.

Научный подход к определению власти требует учета множественности ее проявлений в обществе, выявление специфических особенностей отдельных ее видов — **экономической, политической (или государственной) общественной** и т. д. Или по другому основанию выделяют такие виды власти, как классовая, групповая, личная. Выделяют даже семейный вид власти (матриархат, патриархат), выявление которой в обиходе идет через ответ на полушутливый вопрос: «Кто в доме хозяин?»

Наиболее привычной для всех нас является политическая власть. Поэтому на ней попытаемся уяснить, как проявляются общие атрибуты власти. Политическая власть — это способность и воля определенного класса, группы, индивида проводить в жизнь свою политическую линию в соответствии с интересами господствующего класса. То есть политическая власть характеризуется господством и политическим руковод-

---

[1] См., например: Чиркин В. Е. Политическая и государственная власть//Государство и право.— 1988.— № 1.— С. 23.

ством определенных классов. Политическая власть реализуется в процессе политической деятельности классов и через политические отношения в обществе. Политическую деятельность осуществляют и партии, молодежные политические организации. И разумеется, государство. Между собой и классами они вступают в политические отношения.

Отметим единство и специфику **общественной и государственной власти.** Общественная политическая власть осуществляется общественными организациями, представительными органами народа, классами. Общественная власть существовала до появления государства. И она, как отмечает наука, сохранится в той или иной форме или станет преобладающей после отмирания классов и государства.

Государственная власть всегда связана с правящим классом. «Признак государства — наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается *власть*»[1].

При этом важно подчеркнуть следующее. Государственная власть сосредоточивает в себе несколько видов власти, ибо она добивается целей различными средствами — экономическим стимулированием и принуждением, политическим и идеологическим воздействием, правовыми, юридическими нормами и санкциями. Но только государственная власть обладает монополией на принуждение с помощью спецаппарата в отношении всех членов общества.

К основным функциям власти относятся, во-первых, функция господства, во-вторых, руководства, в-третьих, управления и организации, в-четвертых, контроля.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 439.

Господство — это подчинение (полное или частичное, абсолютное или относительное) одних классов, групп, лиц другим. Руководство — это способность (в соответствии с правом на власть) осуществлять свою волю, установки государства, партии, класса путем воздействия различными методами и формами власти на руководимые сферы, объекты, коллективы, организации, на отдельных людей.

Иногда руководство смешивают с управлением, а психологию власти с психологией управления. Например, в современных развитых капстранах группы монополий осуществляют политическую руководящую роль в государстве и обществе. Но при этом они не берут на себя функции непосредственного управления. Последние выполняются профессиональными политиками, аппаратом государственного управления. Однако «музыку заказывают» монополии. Как, каким образом? Монополии как владельцы собственности и обладатели капитала сосредоточивают в своих руках основные рычаги экономической власти. Они финансируют политические партии, скупают конституционные режимы, монополизируют общественное мнение, оказывая давление на деятельность парламента и государственных учреждений. Все это делается ими во имя реализации своих классовых интересов. Руководят монополии, то есть буржуазия, с помощью особого слоя — бюрократии. Ленин писал: «Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это — бюрократия... в который доступ открыт только буржуазным «выходцам из народа» и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей»[1].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 439—440.

Ясно, что у социализма есть коренные отличия от капиталистической системы власти, особенно экономической, ибо принципиально иные отношения собственности. Хотя есть, как отмечают политологи, общесоциологические закономерности функционирования разных типов власти, то есть функции те же, но разные способы их реализации.

Учение о социализме, марксистская политология гласят, что руководящей силой в обществе выступает рабочий класс, который осуществляет свое политическое руководство прежде всего через партию. Функции же непосредственного управления выполняют специалисты. Партия осуществляет руководство, являясь ядром политической системы социалистического общества.

Политическую власть партия осуществляет посредством: выработки политических программ, научной идеологии и проведения их в жизнь; выдвижения на ключевые посты в сферах управления своих представителей, осуществления своей кадровой политики; контроля за выполнением намеченной политической программы и т. д. Вместе с партией непосредственным управлением экономическими и другими процессами занимаются хозяйственные, государственные и иные организации. Разграничение понятий руководства и управления в условиях социалистического общества имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Такой подход, как отмечается нашей наукой, помогает правильно распределить права и обязанности между различными звеньями политической системы, избегать параллелизма в их деятельности, делать управление максимально эффективным. При этом важно учитывать и научный

прогноз, гласящий, что в условиях коммунистического общественного самоуправления отомрет основной институт политической власти — государство. Но сохранятся руководство и управление, которые будут осуществляться **всем обществом.** То есть будет господствовать общественная политическая власть. Но это в будущем.

Для чего же здесь столько говорилось о политической власти, тогда как автор ставит задачей рассмотреть психологию власти экономической? А вот для чего. Во-первых, чтобы показать, что понятие «власть» нередко отождествляют лишь с политической властью и забывают почему-то власть экономическую, хотя из сказанного выше нетрудно заметить единство проявления этих двух видов власти. Во-вторых, подчеркнуть, что ведущую роль в реализации и государственной власти играет класс, который занимает ключевые позиции в экономике. В-третьих, обратить внимание на специфику и единство общественной и государственной власти. В-четвертых, заметить читателю, что власть связана со способностью и волей людей, а эти свойства власти имеют и социально-психологическое содержание. И наконец, необходимо сделать особый акцент на специфике и механизме взаимосвязи функций господства, руководства, управления, организации и контроля для развития народовластия, самоуправления в современных условиях.

СОДЕРЖАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

На житейском языке экономическая власть — это власть имущих, богатых. Власть денег. Зависть, корысть, зависимость, преклонение, угодничество и даже ненависть — все эти негативные атрибуты власти проявляют себя практически

в любом обществе. Главное содержание экономической власти заключено в отношениях людей по поводу собственности. Экономическая власть — это прежде всего способность класса, народа, государства реализовать свое право на собственность и на распоряжение ею в своих интересах и интересах общества. Она опосредует «отношения собственников условий производства к непосредственным производителям» (К. Маркс).

Экономическая реформа управления — это и реформа экономической власти. Сумеем здесь все поставить на свои законные места — реформа пойдет, нет — начнет пробуксовывать. Потому, что вместо экономической демократии будет развиваться экономическая бюрократия.

Экономическую власть Маркс называл высшей властью, потому что она непосредственно связана с капиталом. Для капиталиста потерять эту власть — значит потерять все. Потерять и политическое господство в обществе. «Капиталист не потому является капиталистом,— писал К. Маркс,— что он управляет промышленным предприятием,— наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист»[1]. Высшая власть в промышленности становится атрибутом власти и при социализме.

Чтобы глубже убедиться в этом, следует ознакомиться, например, с работами Ю. В. Сухотина. С большой пользой для себя я прочитал краткую, но очень емкую его работу «О мотивационном аспекте хозяйственного управления»[2]. Похвально, что экономист рассматривает моти-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 344.

[2] См.: Пути совершенствования социального механизма развития Советской экономики: Сборник.— Новосибирск, 1985.

вацию управления (а это социально-психологическая проблема) в зависимости от отношений собственности, и в соответствии с ними, и в контексте экономической власти. По его справедливому замечанию, собственность «должна реализоваться в эффективно работающих механизмах экономической власти, контроля, ответственности, нацеленных на сохранение и приумножение объекта собственности (имущества)»[1].

Экономическая власть — базисная власть, по признаку своей изначальности она первична. Она обусловливает власть политическую, ее содержание, структуру. В процессе же развития, функционирования первичной (с точки зрения обратной связи) становится политическая власть. Она может программировать экономические реформы, совершенствовать экономическую власть. Но она не меняет сути последней, а подчиняется ей, потому что главный вопрос экономической власти — вопрос владения средствами производства, собственностью. Демократизация власти экономической — основа прогресса, перестройки в нашей экономике. Это не надуманный детерминизм, такова жизнь, таково устройство власти.

«Хозяйствование — в терминах собственности есть,— как отмечают экономисты В. Дементьев и Ю. Сухотин,— сохранение и приумножение имущества». И собственник «должен быть хорошим хозяином», для хорошего хозяйствования нужна, по их мнению, «сильная и активная экономическая власть»[2].

Кто хозяин собственности при социализме? Трудящиеся, народ. Прежде всего рабочий класс

[1] Пути совершенствования социального механизма развития Советской экономики: Сборник.— С. 143.

[2] Коммунист.— 1987.— № 18.— С. 70—71.

и крестьянство. Они осуществляют власть в форме **господства.** Первичной формой проявления экономической власти является господство (о чем было сказано выше, применительно к власти вообще). Господство над собственностью. Трудящиеся ее владельцы. А как с руководством? Функцию руководства тоже осуществляет господствующий класс, но с помощью и в лице Советов, партии и государства. То есть партия выполняет волю рабочего класса, народа. Если этого не происходит, то рабочий класс, народ начинают терять политическую власть в обществе. И экономическую тоже. Советская власть, высшие органы государственной власти осуществляют руководство, реализуя цели политической и экономической власти в их органичном единстве.

Функцию же управления осуществляют в любом случае специалисты, работники аппарата. Аппарат партийных, советских органов — это аппарат управления и организации. И не надо представлять дело так, что аппаратчики или бюрократы (в хорошем и плохом смысле слова) не имеют власти. Они не имеют (не должны иметь) функций господства и руководства, законодательной формы власти, но они имеют власть на уровне управления, то есть проведения в жизнь власти, исходящей от тех выборных органов и лиц, которые реализуют функции господства и руководства.

В плане практической реализации функций экономической власти трудящиеся могут оказаться, как показывает историческая практика, в разном положении. В одном случае они могут всецело передать функции не только руководства, но и управления, организации и контроля партии, Советам, государству, общественным организациям, а свою экономическую власть свести

к минимуму и могут даже ее лишиться. В другом — наряду с таким механизмом власти они могут часть функций управления и контроля взять на себя, то есть само-управлять. Или со-управлять. Словом, во втором случае хозяин средств производства, владелец собственности берет на себя в определенной мере функции и господства, и руководства, и управления, и контроля. Берет на себя функцию Хозяина. Оставляет по праву за собой экономическую власть и наделяет лишь функцией руководства (и то преимущественно политического) партию, Советы, государство и его экономические органы. По первому варианту осуществления экономической власти мы жили во времена застоя. Закон о государственном предприятии, реформа управления экономикой в целом возвращают трудящимся, народу его экономическую власть, наделяют законным правом на собственность и на распоряжение, на хозяйствование ею.

ОБ ИСТИННОЙ ВЛАСТИ ИСТИННОГО ХОЗЯИНА

«Мы так ставим вопрос, и из этого должны исходить и хозяйственные органы, и наши руководящие кадры, партийные организации,— трудящимся до всего есть дело. Это их страна, это их строй, это их общество. Они хозяева. Партийные организации, кадры — на службе у народа, и партия вся — на службе у народа. А не наоборот». Эти слова, как известно, прозвучали в речи М. С. Горбачева в Мурманске.

«Партия, руководящие кадры на службе у народа, а не наоборот? Странно» — приходилось слышать это не раз и от других людей. А тут вскоре в «Советской России» (1987. 4 окт.) вышла огром-

ная статья Ивана Васильева «Посторонность». Помните? О незаконной подмене народовластия властью контор и начальства пишет лауреат Ленинской премии. Ох уж и подлила она масла в огонь. И так страсти были накалены. Да и почва для этого, видимо, была в какой-то мере подготовлена. Несколько раньше вышли романы «Назначение» Бека, «Белые одежды» Дудинцева, «Дети Арбата» Рыбакова, «Ювенильное море» и «Котлован» Платонова и т. д. и т. п. Все это взрывало привычный ход мыслей, общественное мнение бурлило, накал страстей то спадал, то вновь повышался. Психология людей была взбудоражена.

При этом очень сильно давала себя знать психология прошлого. Что это за психология? Разноплановая и даже разнополюсная она. Потому, что по-разному складывались и опосредовались государством отношения собственников условий производства. То доминировала психология сопричастности, массового энтузиазма, то формировалась психология нигилизма, апатии и равнодушия. То главным в общественной психологии была «высокая степень психологической приобщенности личности к коллективной деятельности, к целям созидания новой жизни», то резкое «торможение развития социалистической демократии, усиление бюрократического централизма, утверждение культа», «идейно-психологическая эволюция», когда «стали соединяться с «вождизмом», коллективистские ценности и коллективная дисциплина — с равнением на «команды сверху». Были времена, когда «распространились социальная трусость, боязнь выбиться из общего ряда, казенное, самоуспокоенное бодрячество, извращающее оптимизм творцов нового мира». Было то

«пробуждение общественного сознания» на рубеже 50—60-х годов, то снова развитие «болезненных явлений в общественной психологии и поведении, на которых сегодня сосредоточено внимание нашей общественности»[1]. И наконец, пришли к застою. Почему?

Вспомним о повести В. Распутина «Пожар». Одни готовы умереть, спасая наше — общественное, другие — тоже спасали, но хапая для себя. Последних оказалось больше. Почему? Почему хозяин вредит нашему общему хозяйству? Социологи не раз вскрывали такую картину: в одном только случае из десяти «несунов» задерживают товарищи по работе, а в остальных — девяти — милиция. Психология круговой поруки. Или круговая безнравственность. Как это тащили мы у «себя», у «нас» же самих? Парадокс какой-то. Ответ надо искать в отношениях экономической власти. В противоречиях между общественными и личными интересами, между «нашим» и «моим», между государственной и личной формами реализации социалистических отношений собственности. А может, этот парадокс складывался как результат действий тех, кто создавал такой механизм (формы и методы) реализации отношений социалистической собственности?

Словом, были в нашей общественной психологии переломы, пробуждения, застои. Потому что разным было состояние и отношение экономической власти.

Дело в том, что отношения собственности, власти, как и все общественные отношения, пер-

---

[1] Дилигенский Г. Г. Перестройка и духовно-психологические процессы в обществе//Вопр. философии.— 1987.— № 9.— С. 6—8.

сонифицируются, субъективируются, очеловечиваются, окутываются психологической оболочкой. Деятельность людей, формой которых выступают эти их отношения, непременно включает чувства, эмоции, настроения, мотивы, установки, убеждения, взгляды как результат отражения реальной действительности. Вокруг отношений собственности и власти происходит и социально-психологическая круговерть. Изменим отношения собственности — демократизируем экономическую власть, значит, выработаем и новую экономическую психологию.

Анализ осуществляемой экономической реформы показывает, что наиболее болезненно идет процесс перераспределения власти над собственностью. Дело в том, что ранее сложилась деформированная система такой власти, смешение ее функций. Анализ действующего механизма управления,— отмечает ученый-экономист Е. Г. Ясин,— с точки зрения реализуемых в нем отношений собственности показывает, что он строится на формальном разделении функций пользования и распоряжения: первые исполняются низовыми производственными звеньями, тогда как вторые в основном возложены на аппарат центрального отраслевого, а частично регионального управления. Роль предприятий в распоряжении производимой продукцией, материальными ресурсами и реализуемыми доходами сведена к минимуму.

При административном централизме, когда исполнительно-управленческие органы становятся чуть ли не законодательными, когда все средства стягиваются в центральные министерства и ведомства и они присваивают себе полное право распоряжаться ресурсами, а предприятиям, трудовым коллективам остается одно право — их зарабаты-

вать, а потом их выпрашивать у ведомств и контор, вот тут-то и происходит смешение функций экономической власти. Перераспределение в пользу тех, кто выполняет функцию управления и организации в ущерб тому, кто должен выполнять функцию господства — хозяина и созидателя общенародной собственности.

Получилось, что конторы из управляющих производством превратились в полных властителей. Представьте себе работника центрального ведомства, который ведает, например, ресурсами на десятки миллионов. Вроде они определены ему планом, план — закон, и он должен соответствующим образом, своевременно и без бюрократической волокиты распределить вверенные средства по регионам, предприятиям. Должен! А на самом деле? Он же человек. И ему присущи некоторые человеческие слабости. Одно из числа самых сильных влечений или слабостей — стремление к власти. На что только люди не идут ради власти?! Барометром души и совести человека является и испытание славой. Нередко еще — испытание деньгами. Сколько на эту тему поисписано великими умами. Но с точки зрения демократии самым сильным испытанием является испытание властью.

Вернемся к «владельцу» государственных ресурсов и взглянем на него с этих позиций. Он то там, то тут чуть-чуть придержит или обстоятельства «объективные» заставят (что-то вовремя где-то не произвели), баланса не получилось, дефицит образовался, то к нему тут же очередь из гонцов с мест выстраивается, на колени встают, подарки предлагают, упрашивают и кое-что получают. Как выдержать такое «внимание»? Кто устоит? Хотя всем ясно, что получают-то из

положенного. Из того, что самими же заработано, в министерстве ресурсы не добываются и не производятся. Вот пример, которому я был свидетелем. Председатель горсовета с директором завода неделю ходили выпрашивали у министерства средства на детсад и строительство жилья для молодежи. Одолжили часть, счастливые, радуются. А мне почему-то грустно стало. Как это получается, что Советская власть выпрашивает на коленях у министерского чиновника средства? Верховная наша власть с протянутой рукой к тому, кто должен стоять у нее на службе, на службе у народа? Представьте, что этого держателя фондов лишают права на распоряжение ими. Что от него останется? Вот где сильна инерция психологии власти. Раньше он ею упивался, наслаждался, экономическое и моральное приращение постоянно имел, а теперь власть отнимают. Легко ли отдать? Вот и возмущается он новым экономическим порядком, когда своими заработанными средствами сам трудовой коллектив, помимо него, распоряжается. Только справедливости ради заметим и о другой стороне. Уже сегодня ясно, что многие коллективы оказались не готовы взять на себя функции хозяина. Испугались: непривычно. Старая психология мешает. Сколько лет все за них решали выше, им же оставалось исполнять команды. Психология недумающего исполнителя, въевшаяся в плоть и кровь трудовых коллективов, стала серьезным тормозом.

Трибунные заклинания о народовластии, но волюнтаризм и субъективизм на практике, говорильня о демократических институтах и попрание прав граждан деформировали и общественную психологию. Расплата за такие методы оказалась

суровой, как отмечалось в материалах XIX Всесоюзной партийной конференции. В результате получили «равнодушие, ослабление социальной активности масс, отчуждение человека труда от общественной собственности и управления. Именно в окостеневшую систему власти, в ее командно-нажимное устройство упираются сегодня коренные проблемы перестройки...»[1]. Чтобы все на свои места поставить, надо экономическую и политическую власть распределить, психологию перестроить. На это и нацелена реформа управления экономикой и реформа политической системы. Тяжкое это дело, наряду с прочим — почти психологическая революция, но отступать некуда. Да и времени история не дает.

О ПСИХОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

Немало интересных книг написано по психологии управления. Но общественная жизнь стала, видимо, настолько динамичной, что многие некогда считавшиеся новаторскими работы требуют существенных дополнений, переосмысления рассматриваемых в них проблем. Да и вообще познание, как известно, не имеет предела.

В книгах по психологии управления преобладает анализ взаимоотношений на уровне руководитель — подчиненный, руководитель — коллектив. При этом рассматриваются социально-психологические методы, формы, механизмы установления здорового морально-психологического климата в трудовом коллективе, стиль руководства

---

[1] Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС.— С. 37.

(авторитарный, демократический, попустительский и т. п.), нормы и правила поведения, разрешения конфликтов и т. д.[1] Все это, еще раз подчеркиваю, интересно и важно. И все же при всей важности и необходимости выпуска такой литературы обнаружился серьезный вакуум. Главное, что в ней отсутствует,— это психология самоуправления, психология власти в целом, и особенно — народовластия. Все движение мысли, все рекомендации идут преимущественно сверху вниз, то есть как верхам управлять низами, руководителям — подчиненными. И это понятно. Таков был запрос, таков был механизм руководства и управления. Сегодня перестройка, демократизация, ставка на самоуправление народа обнаружили или, точнее сказать, создали такой вакуум. И не только его. Вскрылись и другие серьезные проблемы.

Управление всегда предполагает оптимальное взаимодействие между его объектом (это может быть трудовой коллектив, классы, нации, народ, или население поселка, района, города, области и т. д., или предприятие, несколько предприятий отрасли, совокупность отраслей и т. д.) и субъектом управления (руководитель, руководящий орган, ведомство, контора, правление, главк и т. д.).

Отсюда вывод: психология управления как отрасль социальной психологии должна рассматривать, брать во внимание психологию классов,

---

[1] См., например: Д о н ц о в А. И. Психология коллектива.— М., 1984; С в е н и ц к и й А. Л. Социальная психология управления.— Л., 1986; Ш е п е л ь В. М. Управленческая психология.— М., 1984; К о в а л е в А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства.— М., 1975 и другие.

наций, народа, а не ограничиваться изучением психологии групп, коллективов.

В литературе рассматривается и психология руководящего органа. И это вполне естественно. В коллективе руководящего ведомства тоже очень важно иметь, например, здоровый психологический климат. Но главный социально-психологический критерий оценки его состояния не в этом. Он заключается в конечном счете в том, насколько конкретный руководящий орган, руководитель настроен на учет психологии масс, классов, народа, его интересов и насколько ее учитывает. Сегодня мы знаем, какими последствиями может обернуться благополучная, дружеская и демократическая атмосфера в некоторых руководящих органах, когда при этом забываются интересы людей. Ведь что происходило? Субъект управления, административное ведомство начинали постепенно отрываться от своего объекта, его насущных интересов, от базисных потребностей и замыкаться на собственных, надстроечно-ведомственных интересах. Представим себе, что в аппарате министерства тишь и благодать, все владеют аутотренингом, в коллективе прекрасный морально-психологический климат, все живут без ссор и стычек, дружно. И кто скажет, что это плохо? Конечно же, хорошо. Можно только мечтать об этом.

Однако представим другое. В это же время на предприятиях, подчиненных министерству, планы постоянно корректируются, с качеством плохо, показатель текучести кадров ползет вверх, социальная сфера в запустении. Словом, завал, если не кризис. Вот и возникает вопрос: что с того психологического комфорта в руководящем отраслью органе, его коллективе? Скажете, что автор на-

рисовал здесь мрачную картину? Нет. Может, чуть обострил, но суть не исказил. Вспомним забастовки шахтеров. Да неужели не встречались читатели у себя в городе, селе с ситуацией, когда в управленческой конторе благодушие, а в цехе, на поле бесхозяйственность пышным цветом расцветает, а психология народа безразличием и пьянством поражена. От таких контор и исходила атмосфера отчужденности от самоуправления.

Управление — это всегда использование полномочий власти. Если посмотреть с этой позиции, то случилось в недавнем прошлом так, что конторы присвоили всю власть себе (а не только ту, что по закону им принадлежала) и занимались (на своем, конечно, уровне, копируя и подражая верхним эталонам) самоуправством, то есть подавляли самоуправление самих трудящихся. Сейчас пришла пора и для науки и для практики изучать не только психологию управления, но причины самоуправства, а главное, психологию самоуправления — то есть психологию самого народа как хозяина, властелина. А тут движение мысли ученого должно идти уже наоборот: снизу вверх. И только потом обратно. Такова спираль развития социалистического управления, идущая от природы строя, а не от произвола контор.

Только здесь следует сделать, как мне представляется, одну существенную оговорку. Дело в том, что при закономерном наличии центральных органов управления обществом (еще нет в мире страны, где бы их не было) и таком же закономерном для социализма развитии самоуправления самих трудящихся точнее будет говорить о соуправлении. То есть о диалектическом единстве, взаимодействии центрального, государственного управления и самоуправления народа. В основе такого

единства лежит принцип демократического централизма. На уровне предприятия соуправление есть сочетание единоначалия директора, администрации с самоуправлением в лице совета трудового коллектива и общественных организаций. Без такого единства может происходить неправильное развитие процесса демократизации.

И еще. Самоуправление есть функция народовластия. Самоуправление — это использование власти народа посредством и в интересах самого народа. Поэтому необходимо изучать не просто психологию управления, а еще и психологию власти и психологию народовластия. Смею утверждать, что здесь у нас даже не белое, а темное пятно. Причины тому известны, но ведь сегодня другая ситуация в стране. Живую ткань перестройки составляет демократия. А демократия всегда связана с использованием власти. Перестройка в демократии — это перераспределение власти согласно тому, как предопределено природой строя, ленинским социализмом.

В свою очередь перераспределение власти обусловлено изменениями в отношениях и формах собственности. Не изменив последних, не наделив Советы трудящихся не только правом на собственность, но и на распоряжение ею, не изменим отношений экономической власти. А значит, не противопоставим психологии отчужденности психологию сопричастности.

Развитие кооперации, арендного, семейного подряда, индивидуальной трудовой деятельности, а главное, хозрасчета и есть демократизация отношений социалистической собственности, а значит — демократизация экономической власти. Это создает предпосылки и для совершенствования

социально-психологических сторон управления и самоуправления.

«Смычка» психологии управления с психологией самоуправления связана с законным использованием предоставленной власти. С культурой управления. С социально-психологической культурой власти.

Иван Васильев в упоминавшейся публикации в «Советской России» показывает, насколько губительны для общества последствия бескультурья властвования. Раскрывая механизм злоупотребления властью, писатель отмечает, что в условиях перестройки наиболее сознательные рабочие и крестьяне, не желая больше мириться с недостатками и беспорядками, поднимают голоса протеста. Они критикуют конкретных лиц или «контору» в целом, в чьей власти и обязанности управлять исправлением положения. Возникают конфликты, борьба двух сторон: управляющих и управляемых, критикуемых и критикующих, обличаемых и обличающих. И вот тут-то и обнаруживается, у кого раньше была истинная власть, а у кого формальная. Гипертрофированная принадлежность власти конторам приводила к изуродованному по своей сути постулату: у кого власть, тот и прав. Или: у кого власть, у того и истина. Монополия на власть монополизирует и право на истину. Вот откуда мы имели немало бед.

Иван Васильев с болью говорит, что борьба критикующих, обличающих (трудящихся) с критикуемыми, обличаемыми (правящими чиновниками) за истину идет далеко не равная. «У обличаемых — власть... У обличающих — только собственный голос, и то, если пустят на трибуну. Это полное неравенство положений».

Нужны социальные гарантии и защиты обли-

чающим честно. «Вызывает тревогу,— писал в «Правду» И. Хижко,— что после многих статей в центральных газетах о принципиальных людях, выступающих против негативных явлений, их же и подвергают гонениям, увольняют под всякими предлогами, преследуют. А виновным все сходит с рук. Честные люди оказываются незащищенными перед теми, у кого власть и круговая порука»[1].

А почему это происходит? Потому, что как-то незаметно закреплялась «особость положения» управляющих в обществе, когда выборность заменялась назначаемостью, временность пребывания в должности становилась бессрочной.

Формировалась и соответствующая психология управления. Подотчетность, подконтрольность «низам» замещалась удобностью и угодничеством «верхам». У носителей административного централизма складывалось мышление, в котором граница между понятиями «править во имя народа» и «править народом» стиралась. В психологии управляющих доминировало убеждение: должность — это право повелевать. Служение делу подменялось властвованием. Отсюда — господствующий стиль управления, ибо «чистое» властвование без народовластия неизбежно порождает административно-командный стиль управления. «От демократии остается одна скорлупа, содержание выела бюрократия. Поэтому,— считает Иван Васильев,— и встречает сегодняшний поворот к народовластию сопротивление правящего чиновничества». Резко сказано, может, многим обидно читать это, но кто из них так же убедительно докажет, что здесь истина искажена?

---

[1] Все сходит с рук//Правда.— 1987.— 5 окт.

Все мы видим, с каким трудом идет процесс нашей психологической переориентации. Встают вопрос за вопросом. Как сформировать новую психологию управляющих и управляемых, когда функции их реальной власти перераспределяются? Как психологию «административно-управленческого слоя», который так все ругают, переформировать, изменить? Как преодолеть психологию отчужденности, безынициативности, раболепия и страха в народе? Ответы на эти вопросы в экономико-политическом плане даются в документах по реформе управления экономикой[1]. То есть экономическая основа для прогресса обозначена, точнее, предпосылки созданы, реформа запущена. Многообразие форм обновляющейся экономической жизни — это и многообразие проблем, в том числе проблем социально-психологического характера.

КОГО БОЯТСЯ ГЕРОИ?

Запомнилась мне фотография в «Правде» — идут три корифея нашего агропрома, три председателя богатейших колхозов, три Героя Социалистического Труда — В. Л. Бедуля, В. А. Плютинский и В. К. Старовойтов. А рядом с фотографией крупный заголовок: «Трое в «Рассвете». То есть трое собрались в колхозе «Рассвет». Собрались, чтоб обменяться опытом. Но не только. Думают Герои, переживаниями своими делятся. Опасность предвидят, волнуются загодя. Казалось бы, чего и кого им-то опасаться? Доходы их за

[1] См.: О коренной перестройке управления экономикой: Сб. документов.— М., 1987; Полный хозяйственный расчет и самофинансирование.— М., 1988.

десяток миллионов перевалили. У Старовойтова в «Рассвете» кроме плодоносных полей есть промышленный узел. Овощеконсервный цех. Цех по выпуску соков. Цех розлива минеральной воды. Элеватор с комбикормовым заводом. Швейный цех. Столярный. Кожевенный — по выпуску дубленок. Новый санаторий колхоза, где в каждой палате — холодильник, цветной телевизор, телефон, ванная, есть для отдыхающих здесь и русская баня, сауна, бассейн — в общем, полнейший комфорт для тела и души. У Плютинского при восьми тысячах гектаров угодий «Заря коммунизма» продукции производит на 26 миллионов рублей. Об успехах Бедули — председателя «Советской Белоруссии» — знает вся страна.

А боятся председатели. Кого? Бюрократа боятся. Бюрократия для них, оказывается, страшнее всякой непогоды.

— Не дает мне покоя бюрократизм,— делится с коллегами наболевшим Василий Константинович Старовойтов.— Въелся, вцепился в жизнь — не вырвать. Подряд хотя бы возьмем. Живое дело, а обставили лесами показателей. Тысячи цифр! Бумаг! Вызовов на всевозможные совещания, отчетов пропасть. Приходится правдами и неправдами оберегать своих работников от натиска бумажного вала и административного прессинга разных инстанций.

— А бесконечные повсеместные проверки,— поддерживает его другой Герой — Владимир Антонович Плютинский.— Каждая из контролирующих контор только подстерегает, где споткнешься, и уж не замедлит показать свою власть. Даже понятие «хозяйственная самостоятельность» для них криминал. Только подловить норовят, мол, инструкция, уважаемый, нарушена... Сейчас при пе-

реходе на полный хозрасчет разбухший аппарат способен лишь завалить дело.

— От бюрократизма на каждом шагу сплошной формализм,— подхватывает третий Герой — Владимир Леонтьевич Бедуля. И приводит такой пример. Попросилась к нему доярка из соседнего колхоза. Знал он ее как работящую, прославившуюся на весь район. Поинтересовался, почему она из родной деревни бежит. «Да перевели нас на подряд»,— отвечает доярка. «Ну и хорошо!» — «Какое там хорошо? Привязали к молоку заработки завфермой, помощника, механика, слесаря, учетчика. И вышло: один с сошкой, семеро с ложкой. Вместо трехсот пятидесяти получать стала половину».

Но у Бедули, как и у Старовойтова и Плютинского, тоже подряд, только у них он с умом построен. Они давно его хозяйственную силу своим нутром почувствовали. Видят его резервы. Но боятся. «Никакие советы РАПО не помогут, если не сократим бюрократический аппарат,— приходят в своих размышлениях к выводу наши Герои.— Как ни суди, а главная пробуксовка — в управленческом аппарате»,— делают они общий вывод[1].

Что ни газета, то критика бюрократии и бюрократов, ругают и управленческий аппарат. Встает вопрос: бюрократы и аппаратчики-управленцы — одно и то же? Всякий ли управленец автоматически бюрократом становится? Одни ругают начальство и называют их бюрократами и даже похлеще — «бонапартиками», председатели, начальники — вышестоящий аппарат ругают, называя его тоже бюрократами. Третьи считают,

---

[1] Правда.— 1987.— 27 окт.

что самый зловредный и тормозящий в обществе «слой» — административно-управленческий. Или иначе — управленческий аппарат распорядительных, обслуживающих контор и ведомств. То, что в нем заложены тормозные силы, мы уже выше говорили. Сейчас же хочется разобраться в этой «страшной силе», которую боятся даже руководители — дважды Герои Социалистического Труда.

Важно и здесь не допустить перегиба, следовать объективной закономерности общественного развития. А она говорит, что при совместной собственности отдельный совладелец объективно не имеет права в одиночку, не считаясь с другими, осуществлять свою функцию экономической власти — функцию собственника. Находясь в отношениях совместного владения, даже в кооперативе, необходимо единое, объединяющее начало. Иначе совместного производства и его необходимого развития не получится. И действительно, кооператоры уже начинают объединяться, создавать свои ассоциации. Словом, объективно требуется соединение индивидуального владения в общую функцию владения и распоряжения собственностью, превращение «я — хозяин» в «мы — хозяин». На госпредприятии объединяющим началом выступают администрация предприятия, совет трудового коллектива, министерство, другие государственные органы. В том числе и аппарат. Из сказанного следует, что должен объективно развиваться процесс формирования общественной психологии, интеграции психологии отдельных совладельцев — в коллективистскую, общественнособственническую психологию. Развивается она через противоречия, включая и негативные социально-психологические явления

на различных уровнях власти. Сюда можно отнести групповщину, эгоцентризм, комчванство, элитарное самовыражение, групповой конформизм, дефицит взаимного доверия в отношениях управления и самоуправления и другие.

Но вернемся к бюрократам, посмотрим на них под этим углом зрения.

Слово «бюрократия» происходит от: 1) бюро, канцелярия и 2) сила, власть, господство. В итоге дословно получается господство канцелярии. Управленец, канцелярист бюрократом может стать лишь в определенных условиях.

Существо бюрократии заключается в отрыве центров исполнительной власти от воли и решений большинства; в главенстве формы над содержанием деятельности; в подчинении правил и задач функционирования организации целям ее сохранения и укрепления; ведет к возникновению привилегированного слоя, оторванного от масс и стоящего над ними. Бюрократия — это независимость аппарата власти от исполнителей, от народа, подавление инициативы отдельных частей организации и ее членов. Вот критерии бюрократии, а значит, и выявления бюрократов[1].

Получается, что не всякий управленец, аппаратчик бюрократ, но всякий им может стать, если нет рычагов и средств ограничения, иммунитета против потенциальной болезни.

К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» и в одном из своих гениальных (по оценке Энгельса) обобщающих трудов «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» показал, что бюрократия заключается прежде всего в потере

---

[1] См.: Философский энциклопедический словарь.— М., 1983.— С. 71—72.

органом, организацией содержательной цели своей деятельности, в подчинении правил ее функционирования, деловых принципов задаче сохранения и укрепления ее как таковой. Отсюда, по Марксу, появляются формализм, бездушие, крючкотворство, административный произвол. Бюрократия бывает вынуждена, даже заинтересована «выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные»[1]. Вот когда управленец, аппаратчик переходит в разряд бюрократов. А затем уже нужные правила, нормы, инструкции могут сопровождаться бездушием и даже волюнтаристскими решениями и действиями. Выходит, не зря боятся Герои бюрократов.

ПОЧЕМУ ЖИВУЧ БЮРОКРАТ?

Бюрократия появилась вместе (или вслед) с образованием государственной власти. С тех пор ее низвергают, меняют власть в сущности и по форме, а бюрократия как явление снова воспроизводится.

Главное средство против бюрократии — демократия, народовластие. Бюрократия — тоже власть, только канцелярии, конторы, ведомства. Когда демократия ослабевает, усиливается бюрократия. Бюрократия набирает силы тогда, когда происходит отрыв исполнительной власти от воли большинства, от воли народа, трудящихся. Когда отсутствует действенный контроль снизу — со стороны самого народа как главного носителя исторического процесса. К сожалению, в условиях командной экономики все было наоборот, имен-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 1.— С. 271.

но поэтому самым целительным лекарством от бацилл бюрократии является развитие самоуправления как формы реализации народовластия. Демократия, как известно из словарей и книг, форма государственно-политического устройства общества, основанная «на признании народа в качестве источника власти».

Маркс отмечал, что власть должна быть организована таким образом, чтобы превратить государственную администрацию «из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный...»[1]. То есть как только народ, народовластие перестает контролировать государственные органы, или власть канцелярии, ведомств, контор, так бюрократия оживает, демократия страдает. Почему так происходит? В чем заключен тот момент развития данного процесса? Энгельс во введении к «Гражданской войне во Франции» К. Маркса отмечал: «Первоначально общество путем простого разделения труда создало себе особые органы для защиты своих общих интересов. Но со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам из слуг общества превратились в его повелителей»[2]. Заметим: **служа своим особым интересам.** Вот в чем тайна и причина бюрократизации государственно-управленческого аппарата! Отсюда и истоки ведомственной психологии, которую так критикуют сегодня и практики и ученые. Вот почему так важна и для реформы управления и для развития демократии последовательность в достижении диалектического единства личных, коллективных и общественных, отраслевых, региональных и государственных интере-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 19.— С. 26.
[2] Там же.— Т. 22.— С. 199.

сов, о чем так убедительно сказано в материалах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. При дальнейшем развитии демократизации жизни общества важно не отступать от фундаментальных теоретических выводов марксизма-ленинизма в этой области.

В. И. Ленин для себя выделил на полях конспекта мысль Энгельса о том, что завоевавший власть рабочий класс, дабы снова не потерять своего господства, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников. Анализируя механизм сложившейся государственной системы, Ленин уже в первые годы Советской власти вынужден был признать, что аппарат нового социалистического государства был «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром»[1]. «Госаппарат наш в целом наиболее связан, наиболее пропитан старым духом»[2]. И «что государство у нас рабочее *с бюрократическим извращением*»[3].

В. И. Ленин намечал пути преодоления «бюрократических извращений». «Мы стоим,— писал он,— за демократический централизм. И надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма»[4].

Однако судьба, как говорится, распорядилась иначе. В силу объективных и субъективных причин усиление «бюрократического централизма» привело к сужению сферы «гражданского общества». В результате, как отмечают ученые, характер взаимоотношений между обще-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т.45.— С. 375.

[2] Там же.— С. 442.

[3] Там же.— Т. 42.— С. 208.

[4] Там же.— Т. 36.— С. 151.

ством и государством «перестал соответствовать требованиям марксистской политической теории»[1]. Произошедшие чрезмерное усиление исполнительских органов власти, снижение активности Советов, формализм в их работе сделали государственную бюрократию и чиновников могущественной силой, во многом неподконтрольной широкой общественности. В результате непомерно возросла роль исполнительной власти в ущерб выборной, законодательной.

Политологи отмечают такую тенденцию: чем выше степень защищенности индивидуальной и общественной жизни от жесткой регламентации со стороны государства и его органов, тем эффективнее развитие общества. Только следует подчеркнуть защищенность от жесткой регламентации, а не вообще от регламентации, иначе будет анархия, а не демократия. Чрезмерная регламентация и есть как раз самое сильное оружие бюрократа. Он может кого угодно свалить с ног ссылкой на жесткую инструкцию. И опять — инструкция инструкции рознь. Несоблюдение ее может кое-где обернуться и трагедией (как в Чернобыле). Но в данном случае речь о другом: об отношениях народовластия и бюрократии через призму марксистского понимания между обществом и государственно-управленческими органами. «Тайна» бюрократии состоит в том, что при жесткой регламентации различных сфер экономической, социальной и духовной жизни со стороны этих органов нарушается основной принцип отношений власти: государственные организации из подконтрольной обществу силы превращаются в бесконтрольного господина власти.

Мне кажется, точно выразил эту мысль ин-

---

[1] Вопр. философии.— 1987.— № 8.— С. 80.

женер Валентин Ельчанинов. «Стал читать Ленина,— пишет он в «Комсомольскую правду» (1987. 23 окт.),— и оказалось — ничего не нужно выдумывать. Всего-навсего нужен контроль снизу». Вспомним и мы еще раз ленинскую идею о всенародном контроле и учете.

Решения Съезда народных депутатов и нацелены на то, чтобы впредь не было таких нарушений. И не случайно так смыкаются реформа управления экономикой с реформой политической системы, с демократизацией жизни всего общества. Ведь главный вопрос власти, как мы отмечали выше, состоит в том, являются ли трудящиеся реальными собственниками условий и средств производства.

А МОЖЕТ, БЮРОКРАТУ НАДО ПОМОЧЬ?

Полагаю, что, поставив вопрос таким образом, могу быть заподозренным в принадлежности к бюрократам или, по меньшей мере, в симпатии к ним. Что ж, судить читателям, а мне аргументы предлагать. Только прошу: не отвергайте их с порога, выслушайте, пожалуйста! Вопрос о бюрократах, говоря языком одного из героев романа Андрея Платонова «Котлован», «встал принципиально, и надо его класть обратно по всей теории чувств и массового психоза», ибо все чаще слышится: «Что это за класс нервной интеллигенции здесь присутствует, если звук сразу в бюрократизм растет?»

Так вот, если «класть» вопрос о бюрократах «по всей теории чувств» и здравого смысла, то следует сказать еще раз, что бюрократия как явление рассматривается не только в отрицательном смысле (назовем ее бюрократией со знаком минус), но и в положительном (со знаком

плюс). Классик буржуазной социологии М. Вебер использовал понятие «бюрократия» только в положительном смысле, то есть как формализацию профессионально-трудовых и управленческих отношений. Он считал, что эффективность, рациональность организации трудовых отношений могли достигаться только в условиях строгой регламентации и формализации деятельности людей, особенно управленческой. Экономика любит порядок. Беспорядки ее подтачивают, а главное, дезорганизуют и развращают работников. Кто назовет государство, где бы развитая экономика на беспорядках строилась? Организованность, сознательная дисциплина, регламентация трудовой, экономической деятельности — слагаемые ее эффективности. Однако как и всякое другое явление способно превратиться в свою противоположность, так и рациональность, организованность и регламентация здесь превращаются в бюрократию со знаком минус: регулирование управленческих отношений становится самоцелью.

Бюрократ — продукт наличного состояния общественных отношений. Бюрократизируются отношения — появляется бюрократ. Он — дитя своего времени. Гипертрофированные административным централизмом управленческие отношения гипертрофировали мышление, сознание, психологию управленческого слоя. Смею утверждать, что даже сильные личности, попадая в этот слой, вынуждены либо приспосабливаться, либо уходить с повинной, с ярлыком «неуживчивого», «неспособного» или «негодного для серьезной работы». Переходя с самостоятельной работы в «слой», он попадал под прессинг противоречия между искренним желанием служить делу и народу, как призывали,— с одной стороны, и служить

на практике своему ближнему начальнику — с другой. Начальник рядом, здесь, а народ — там, далеко. Хорошо, если интересы обеих сторон совпадают. Но ведь в обюрократившемся учреждении они, как мы выяснили, расходятся. Поэтому приходящий сюда работник превращается действительно в расплюснутый «слой», который сегодня многие и во многом справедливо отождествляют с бюрократией со знаком минус. И когда только бьют по бюрократам, оставляя в стороне отношения, командно-административную систему, которая их воспроизводит, то удары истинной мишени не достигают, она остается как бы за некоторым забором, состоящим из этого «слоя».

Ну а есть ли у нас бюрократия со знаком плюс? Или в процессе перестройки мы от всякой бюрократии естественным путем освободимся? Коль скоро от централизма, ведомственного и прочего управления мы не можем пока избавиться, значит, не избавимся и от «слоя», а значит, от бюрократии или, по крайней мере, условий для ее существования. Поэтому тем, кто останется и будет представлять «административно-управленческий слой», надо помочь, чтобы не поменять с плюса на минус свою принадлежность к бюрократии как форме упорядочения и регламентации управленческих и других отношений. Помочь и в том смысле, чтобы не дать превратиться в бюрократа с минусом и тем, кто желал бы этого. Или не сопротивлялся бы этому. И особенно помочь тем, кто на волне перестройки попал в «слой» из самых светлых намерений и не подозревает обо всей опасности своего обюрокрачивания.

Какие средства помощи могут дать эффект?

Не берусь утверждать, что открою здесь какие-то чудодейства, нет, назову лишь те, что известны мне самому. И те, что носят прежде всего социолого-психологический характер.

Для того чтобы изжить бюрократов, необходимо ликвидировать бюрократию как социальное явление. Задача эта ох как не проста. Для устранения явления следует устранить условия его жизнеобеспечения. «Бюрократ — это дитя несбалансированных взаимозависимостей в обществе», — справедливо подметил драматург Александр Гельман. Несбалансированных взаимозависимостей в иерархии власти. Только народовластие как высшая форма демократии может противостоять бюрократии. Клин клином вышибают. Если поставить управленца в положение, когда от него будем все зависимы, — считай, «испекли» бюрократа. А если поставить все наоборот, тогда даже бюрократа со знаком минус можно переделать в бюрократа со знаком плюс. Если голос народа, общественное мнение для бюрократа при власти будет не более как «жужжащая муха», то он для нас и в новых условиях может выбросить сладкое клейкое полотно, к которому прилипнем и прекратим жужжать, будем опять о его злодействе тихо шептать меж собой или про себя.

Кардинально переделать десятилетиями складывающуюся психологию управленческого слоя равносильно тому, что перековать мечи на орала в руках бюрократа. Что это за меч? Бумага. Вспомним народную прибаутку: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек». В руках бюрократа она становится всемогущей. Наряду с экономическим валом управленческие организации имеют еще одну страсть — приверженность к валу бумажному. Чтобы последний воспроизводить, на-

до обладать великим искусством и работоспособностью. Самые ценные работники в административно-управленческом аппарате те, кто наловчился писать бумаги. Их и ценят. Они нужны валу, а вал — тем управленческим отношениям, которые сложились.

Ценят пишущих и начальники, ибо от них тоже требуют бумаги. И как правило, требуют срочно. На кого тут приходится опираться? Кто быстро пишет или умело отписывается. Здесь бумага не фиговый листок, она куда значительнее. Сама по себе бумага ведь ничего не значит. Ценность она приобретает тогда, когда становится неотъемлемым атрибутом власти — распоряжением, разрешением, указанием. И если общественные отношения не могут без последних развиваться, значит, без бумаг и без пишущих не обойтись. Значит, чтобы оградить управленца от бюрократии и наделить его функциями советского менеджера, социалистического предпринимателя, ему **надо помочь освободиться от бумажного вала.**

Чтобы переделать психологию административно-управленческого слоя, уберечь его от бюрократии, нам всем надо изменить и свою психологию. Сколько можно кланяться, просить у бюрократа то, что надо от него потребовать? Конечно, для этого нужно изменить наши общественные отношения — управленческие, межличностные и вообще человеческие во всем их многообразии. Забюрокраченные отношения воспроизводят нас, наше мышление и образ поведения. Поэтому наряду с прочим надо делать прорыв в своем сознании, особенно на психологическом уровне. Ведь мы воспроизводим себе удобных и себе достойных управленцев-бюрократов, которых потом мо-

жем беспощадно критиковать (когда подскажут) или с надеждой смотреть на них, когда нужда прижмет. А иногда и прикросмся ими со ссылкой: «Мы-то при чем, наше дело маленькое, они так велели, верхам видней». Ох уж как въелись в нашу общественную психологию эта «езда на верхах» и позиция маленького человека. Сегодня коллективам дали право на самостоятельность, так нет, многие только и норовят в рот «верхам» глядеть. Понимаю, что так приучали десятилетиями. И приучили. Но ведь пришло время отвыкать. Шагу многие боятся сделать без перста указующего, но при случае бюрократов ругают, модно стало этим заниматься.

Вот что рассказал мне один руководитель небольшого предприятия: «В заключение собрания, на котором избрали совет трудового коллектива, один из ненавистников бюрократии предложил:

— Давайте сократим все заводоуправление, зачем нам теперь эти нахлебники?

— Все смотрят на меня, по привычке, что я скажу,— рассказывает директор.— А что, давайте попробуем в качестве эксперимента. Пусть месяц совет берет на себя полностью не только управление, но и руководство заводом. Только договоримся — все инструкции побоку, их нет. А всех работников заводоуправления — этих бюрократов поставим на рабочие места, распределим по цехам, а сам я и главные специалисты на время уйдем в «подполье», займемся аналитической работой, прогнозом работы предприятия и условиями перехода на полный хозрасчет.

На том и порешили на собрании. Проходит неделя, работаем, как договорились. В конце второй прибегает ко мне председатель совета и говорит:

— Нет, так мы работать не можем, дайте инструкции, формы отчетности, бланки учета и управленцев в помощь.

— Может, месяц-то обойдемся?

— Нет, что вы, нас рабочие съедят, анархия же скоро начнется, может объединимся, а? — просит совет «отставного» директора.

На этом эксперимент закончился. Однако результат его оказался ощутимым. Совет предложил реорганизовать структуру заводоуправления, сократить часть работников. Так и сделали. В свою очередь заводоуправленцев попросили внести рекомендации по результатам эксперимента. И что вы думаете? Интересные предложения получили по совершенствованию организации труда, особенно во вспомогательных цехах. Сократили часть баласта, оставшимся добавили зарплату. Взяли в штат социолога и психолога. Но главное, управленцы, поварившись в рабочей среде, уловили настроения людей по отношению к хозрасчету, к перестройке и к заводоуправлению. В итоге подкорректировали свои позиции, решили даже провести специальное социологическое исследование».

Для себя же я из рассказа директора вывел другой итог. Рабочие и управленцы (бюрократы) поняли, что не следует себя противопоставлять друг другу, поскольку работают на один интерес. Рабочие поняли, что бюрократам надо помогать, тормошить их, не давать засиживаться над одними бумагами, пусть чаще в народ идут. Но без них не обойтись. Вот для чего нужна рабочая демократия. Тогда управленцы не будут из бюрократа с плюсом превращаться в бюрократа с минусом. Конечно, важно, чтобы это поняли и директор, и те, кто выше его. Этот директор

понял. Будем надеяться, что поймут и другие. Поймут и рабочие, что лучшее избавление от бюрократии — по-деловому, без игры в демократию использовать свое право хозяина. И помогать управляющим и управленцам тоже стать демократами, а не бюрократами. Ведь самоуправление — это сопричастность к общему интересу. Это и соуправление, значит, содружество, а не противостояние.

Чтобы помочь бюрократу (со знаком плюс), надо разрешить ряд социально-психологических противоречий[1].

Основное из них, как мне представляется, есть противоречие между чрезмерно заформализованными трудовыми, организационными, управленческими отношениями, старыми стереотипами мышления, консерватизмом ценностных ориентаций, с одной стороны, и огромной (объективной и субъективной) потребностью к демократически регламентированным отношениям и связям, к их саморазвитию, очеловечиванию и персонификации — с другой.

Чтобы его разрешить, надо существенно переделать, переналадить действующие психологические механизмы. Оказывается, формализация отношений, даже самая жесткая, на руку не только бюрократам. Чересчур заформализованные трудовые, управленческие отношения выгодны бывают, как доказывают психологи, и отдельным работникам, и трудовому коллективу в целом. Потому, что при этом снимается личная и групповая ответственность — срабатывает механизм «самосохранения»,

---

[1] См.: Григас Р. Социально-психологические противоречия и пути их решения//Психологический журнал.—1987.— Т. 8.— № 6.

обретения «социальной безопасности»[1]. В чем он проявляется? Можно снизу доверху, от коллектива до министерства, показывать пальцем в небо и говорить: «Виноваты там, я (или мы) ни при чем, приказы, циркуляры не мы пишем». И наверное, пока в управлении будет господствовать постановленческий фатализм, когда на каждый чих — приказ, распоряжение, до тех пор бюрократу будет обеспечена процветающая жизнь. Нет, давайте лучше поможем ему в другом. Вызовем к себе доверие и заставим уважать массы, поверим в совесть слова, деловых связей управленцев друг к другу, и бюрократу будет легче — меньше циркуляров писать и больше в народ ходить. Ведь не случайно сложился стереотип аппаратчика, отличительным свойством которого является боязнь масс, стремление управлять только через контору, через бумагу, только с помощью постановлений и решений. Он действительно часто теряется, когда вынужден объясняться с людьми непосредственно, напрямую, без трибун и заготовленных текстов. А все почему? В написании решений, в подготовке справок погряз аппаратчик. Может, только народу и сподручно его выручить, взяв власть в свои руки?

Сегодня многих бюрократов (как с минусом, так и с плюсом) продолжают сокращать. Очевидно, правильно делают. Но им надо и помочь. Они же наши люди, нашими руками сделанные. При всем сарказме и справедливой сатире в песенке Эльдара Рязанова о бюрократах, прозвучавшей в кинофильме «Забытая мелодия для флейты», есть и нечто грустное. В назидание — все очень здорово, а просто по-человечески некоторых жаль.

---

[1] См.: Григас Р. Социально-психологические противоречия и пути их решения//Психологический журнал.—1987.— Т. 8.— № 6.

Не всех. А скромных и честных, у которых всегда чубы трещат, когда паны дерутся. Им хочется помочь. Нельзя на всех поголовно вешать ярлык «народного вредителя». Наши управленцы — это вроде как советские менеджеры. Не так ли? Но они у нас в большинстве своем зарабатывают гораздо меньше, чем в других странах. У старших специалистов во многих наших министерствах зарплата не выше, а чаще ниже средней зарплаты рабочего отрасли. Вы скажете, что нашим и этого достаточно за их работу. Вот тут-то и получается заколдованный круг, который можно описать простой формулой: сколько стоит, на столько и работает, на сколько наработал, столько и получил. Много развелось управленцев? Это другой вопрос, хотя и он требует более точной оценки.

Общественное сознание запугали количеством бюрократов в стране. В печати широко распространилась цифра, будто чиновников, разного уровня «бонапартиков», у нас 18 миллионов. Здесь я нахожу возможность хоть раз возразить авторитету в публицистике — Ивану Васильеву, и он этой цифрой оперирует. Ведь в это число входят более трех с половиной миллионов инженеров и техников, занятых непосредственно техническим обслуживанием машин и оборудования. Ну какие же это бюрократы? Сюда же относятся машинистки, операторы, младший обслуживающий персонал и т. д. Разве это «бонапартики»? Кроме того, в эти 18 миллионов входят 11,5 миллиона человек — управленческий персонал предприятий и организаций, которых, кстати, в народе ругают, но меньше. Они ближе, на виду и подконтрольны нам с вами. Итого остается 2,5 миллиона работников органов управления, оплачивае-

мых не из средств предприятий, а из госбюджета[1]. Вот этой группе больше всего досталось критики. Часто справедливой. Но ее нельзя распространять на все 18 миллионов, создавать ажиотаж и нагнетать таким образом социальное напряжение в общественном мнении. Да, бюрократия в этом слое большое зло. Для того чтобы его изжить, необходимы продуманные, демократические методы, а не кавалерийские наскоки. А главное — смотреть опять же в корень, в систему, их воспроизводящую. Если не изменим коренным образом старую командно-бюрократическую систему, то она снова запросит для себя прежнее количество управленцев, которые снова превратятся в таких же бюрократов. По-иному сегодня должна, очевидно, решаться проблема качества подготовки управленческих кадров и их использования. Думается, что не лишним было бы обратиться к опыту других стран.

Посмотрим нашими глазами на чиновников, скажем, Японии. Число служащих правительственных учреждений в Японии в 1986 году было около 2 миллионов (точнее — 1970 тыс. человек). Это вдвое меньше, чем в США и Франции, и втрое меньше, чем в Великобритании. Они везде в цене. Бывший глава правительства даже заметил: «Министры приходят и уходят, а чиновники остаются».

Для каждого японского чиновника эффективность бизнеса, а значит эффективность и его предложений, оборачивается более высоким ежегодным увеличением заработной платы. Но и готовят чиновников к своей работе основательно. При приеме выпускника университета ему устраивают вступительные экзамены. И это при том, что дей-

[1] См.: Попав под сокращение//Правда.— 1988.— 21 янв.

ствует конкурсная система. Например, в одном из министерств на 350 вакансий было 1370 претендентов. Кроме того, прошедшим по конкурсу еще предстоит испытательный срок — несколько месяцев. Выдержав его, чиновник впоследствии регулярно проходит курсы повышения квалификации. Если он следует заданной системе и ее требованиям, то может проработать в министерстве всю жизнь, постепенно поднимаясь по служебной лестнице. Более того, при окончательном приеме на работу в аппарат специалисту внушают примерно следующее: «Мы не мобилизовали вас. Здесь не армия, и вы сами выбрали наше министерство. Следовательно, мы ожидаем, что вы с ответственностью отнесетесь к собственному выбору и останетесь в министерстве все тридцать лет... Никому не дано жить дважды, и мы надеемся, что предстоящие тридцать лет (то есть до ухода на пенсию.—*В. П.*) окажутся самым ярким периодом в вашей жизни, что, уходя от нас по возрасту, вы не пожалеете о прожитых годах. Это было бы трагедией».

У всех служащих одного из министерств семейный доход вдвое выше среднего по стране. Чем выше должность, тем этот разрыв больше.

И еще о морально-психологическом климате в среде чиновников. В министерстве незыблем закон: начальник сидит в своем кресле определенное и заранее всем известное количество лет и ничто, даже самые искусные доносы и анонимки, не вытолкнет его оттуда.

— Ну и что? — возразит читатель, — это же там, у них, своя система — свои порядки.

Да, так. Своя система и своя психология — свои традиции. И копировать их полностью было бы смешно. Но, думается, разумным-то вещам не

грех поучиться, как призывал в свое время В. И. Ленин. Неужели лучше жить под скорлупой некоего снобизма и не замечать низкой организации управленческого труда на всех уровнях? Надо всерьез готовить кадры наших менеджеров. И в этом смысле, делаю для себя заключение, советским бюрократам надо помочь. Помочь встать по квалификации на уровень управленческого персонала цивилизованных стран. Естественно, с учетом наших социальных особенностей, наших традиций, нашей психологии. Если мы хотим овладевать социалистической предприимчивостью, не имея опыта, то надо учиться предприимчивости у других, переделывая ее на социалистический лад.

Следует, видимо, учесть при этом и такую «малость»: все управляющие, менеджеры и министры на Западе и Востоке имеют обязательно гуманитарное образование на уровне университета и постоянно проходят переподготовку (плюс еще и самообразование) в области экономики, финансов, социологии и психологии, права и иностранного языка. Чтобы понять, насколько это важно, посмотрим на себя глазами японца.

Владимир Цветов приводит любопытное наблюдение Акио Морита — крупного бизнесмена, побывавшего в нашей стране и проникшего во взаимоотношения наших министерств и ведомств. «Мне показали телевизор, который русские собирались пустить в продажу в Европе, и попросили высказать мнение о нем. Не в моих правилах обижать хозяев, да еще таких хлебосольных, как русские, но и кривить душой я не привык. И я сказал, что Россия славится лучшими в мире музыкантами и артистами балета, что ее культурный уровень необыкновенно высок. Россия богата и выдающей-

ся технической мыслью,— подчеркнул бизнесмен.— Однако почему же в этом телевизоре не отразилась ни ваша прекрасная культура, ни ваша технология?» Наши чиновники помолчали, потом один ответил: его министерство вопросами культуры не занимается. Ничего себе ответ. Но зато искренний. Остается надеяться, что реформа управления вызовет и у наших чиновников потребность в культуре гуманитарной, экономической, предпринимательской.

На многих советских людей произвело почти ошеломляющее впечатление откровенное признание на страницах газеты «Правда» другого японского бизнесмена. Он рассказал, как выискивал в маленьких публикациях, в приложениях к нашим журналам, в их рубриках типа «Сделай сам», идеи, продавал их фирмам и нажил себе на этом капитал, исчисляемый сейчас в тридцать пять миллионов долларов. И теперь продолжает тем же заниматься. «Вот уже двадцать лет я «торгую» вашими идеями,— признается японский предприниматель.— Это... фантастически выгодное дело». В другом же его признании прозвучал, на мой взгляд, откровенный упрек, который для наших управленцев может быть очень поучителен. «Вы, русские,— замечает он,— необычайно талантливы, вам принадлежит приоритет во многих областях современного научно-технического прогресса, но импортируете зачастую свои же собственные идеи, золотом расплачиваясь за собственную безалаберность. Финансовое благополучие моей фирмы,— продолжал он,— покоится на вашей неразворотливости, нерасторопности, неумении взять то, что лежит буквально под ногами». Вот тут и подумаешь о месте и роли чиновника в системе управления экономикой. Хотя дело, конечно, не только

в нем, но и в самой экономике. Поэтому вновь приходишь к мысли: нашим специалистам в сфере управления надо помочь стать предпринимателями. Они тоже нуждаются в доверии и уважении, в самостоятельности и творческом поиске, в заинтересованности и поощрении.

Главная же помощь им должна состоять, очевидно, в том, чтобы поставить их с точки зрения прежде всего социалистической экономической власти на свое законное место.

Спрашиваю одного министерского работника — начальника отдела:

— Скажи, какие у тебя права и обязанности?

— Права и обязанности? — задумался он. — Прав... не знаю... много ли... а вот обязанностей много, вон сколько надо мной начальства, все спрашивают, о правах у нас никто как-то и не думает, — заключает он.

— Ну вот, скажем, когда тебя на работу принимали, знакомили с перечнем служебных обязанностей, где и о правах должно быть сказано?

— Не помню что-то. Да и зачем нам эта бюрократия, что, без этого не ясно?

А может, этой как раз бюрократии в хорошем смысле нашим бюрократам и не хватает? Регламентация прав и обязанностей государственного персонала тоже нужна, тем более что поставлена задача создания правового государства. Когда над некоторыми работниками министерств нависла угроза увольнения, тогда они и о правах вспомнили, но не у каждого они оказались.

В этой связи еще об одной необходимой помощи нашим бюрократам в хорошем смысле этого слова. Им, как и всем нам, нужны определенные материальные гарантии. Взять хотя бы такой вопрос: почему многие крупные чиновники дер-

жатся за место или кресло? Потому, что в кресле он все, без него никто. С чисто морально-психологической точки зрения потеря кресла дело чуть ли не драматическое, порой даже трагическое, а тут еще и весьма ощутимые материальные потери. Совершенно справедливо, на мой взгляд, вступился в «Известиях» (1988. 5 февр.) за наших управляющих Александр Васинский. «Вся их жизнь, по сути, проходит на работе,— замечает он,— а ушли — и не то, что умерли, а даже будто не существовали. Был начальником, получал 400—450 рублей, ушел — 130—140. Но дело даже не в деньгах, а в том, что не имеет денежного эквивалента. Был при должности — все окружение считалось, кто-то искренне уважал, чем-то просил помочь, кто-то льстил, а кто искренне и по делу подчинялся. И вдруг: куда все девается? Как будто выпал человек из жизни, из интересов окружения. С кем остается? С семьей. И с друзьями, если сохранились, не отвернулись».

Получилось действительно странно. Занимаясь управлением, они не создали защитных гарантий для самих себя. А все почему? Потому, что находились в иерархии власти, полностью зависимыми от ведомства, которое смотрело на своего работника чуть ли не как на личную собственность. Он не имел права, чего греха таить, на возражение вышестоящим начальникам. Не мог в случае необходимости подать в отставку. У него не было возможности остаться материально независимым в конфликтных ситуациях. Отсюда психология: мнение начальника — закон для подчиненного, как бы ни был неправ начальник. В общем-то психология вынужденного угодничества.

Этому способствует и определенный настрой

общественного сознания — недооценка, а порой просто неуважение к науке управления и к людям управленческого труда, неумение ценить знания, идею, мастерство, замысел, голову, мозги. Если человек занимается умственным трудом — ученый ли это, служащий, управленец, то он вроде как дармоед, якобы сидит на шее у трудового народа и сосет свои «нетрудовые» доходы. Хорошо, что сейчас взялись за восстановление престижа знаний, смотришь — и людей интеллектуального труда зауважаем. Уже депутатами многих избрали.

Помочь овладеть бюрократам-управленцам методами экономическими, коль скоро радикальная экономическая реформа на дворе, методами политическими, коль скоро началась кардинальная перестройка политической системы, методами административными, не забывая о них (да, именно так), коль скоро есть и будут органы административной власти, методами социально-психологическими, коль скоро взялись повышать роль человеческого фактора, методами научными, коль скоро хотим не допускать комчванства, волюнтаризма и субъективизма, демократизировать отношения власти. Нужна диалектика, необходимо единство, сочетание всех этих методов, а не их противопоставление. Но все они должны выверяться принципами народовластия.

ИНТЕРЕС — ВСЕМУ ГОЛОВА

Узловым моментом реализации нарождающегося многообразия форм социалистической собственности, перестройки экономической власти, психологии «административно-управленческого слоя» и борьбы с бюрократией и путей формирования новой экономической психологии, в особенности развития психологии самоуправления, являются интересы.

Еще Ж.-Ж. Руссо подметил, что «если бы не существовало таких точек, в которых сходились бы интересы всех, не могло бы быть и речи о каком бы то ни было обществе».

Интересами занимаются экономисты, социологи, психологи. К сожалению, случилось так, что каждая наука берет «свой» интерес, не стыкуясь часто с данными других наук, а значит, упуская проблемы, лежащие на «стыке». Такое разделение интереса в теории правомерно. Между тем нужен и целостный взгляд, в особенности необходима научная оценка адекватности субъективного, отраженного, личностного интереса, то есть интереса в сознании, интересу объективному, то есть интересу в действительности. Иначе можно пойти в управлении на поводу не тех интересов. Проблема эта имеет сегодня непреходящее значение. Думается, что и ученым, и руководителям, и самим трудящимся еще и еще раз следует сделать для себя выводы из тезиса, который я бы назвал «гвоздем» теории и практики управления: «Смысл перестройки в конечном счете и состоит в учете интересов, в воздействии на интересы, управлении ими и через них»[1]. В подтверждение важности данного тезиса можно было бы привести положения классиков марксизма-ленинизма, ссылки на работы советских ученых, но поскольку я это делал не раз в своих публикациях, то сейчас не буду повторяться[2]. В данном случае хотелось бы больше поразмыслить над психологической стороной управления интересами.

---

[1] Материалы Пленума ЦК КПСС. 25—26 июня 1987 г.— 21 янв.

[2] См.: Попов В. Д. Экономика плюс педагогика.— М., 1986.

Интерес — всему голова. Академик Л. И. Абалкин в одном из интервью сказал, что проблема сочетания общественного и личного интереса применительно к кооперации — это «самый сложный вопрос социалистического преобразования»[1]. В интересах и корень психологической перестройки. Разгадаешь интерес — угадаешь поведение человека. Обратишься точно к интересу — получишь заинтересованность. Реформа управления тогда оправдает себя, когда будет создана массовая заинтересованность (материальная и духовная) в достижении ее конечных результатов. Нужна психология всеобщей заинтересованности, на почве которой будет произрастать чувство хозяина-коллективиста.

Как это сделать? Стратегический курс здесь определен. Теоретический подход обозначен, и он уже приобрел экономический и политический характер. Теперь пора реализовать его на практике. В материалах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС отмечается: «Главный вопрос в теории и практике социализма — как на социалистической основе создать более мощные, чем при капитализме, стимулы экономического, научно-технического и социального прогресса, как наиболее эффективно соединить плановое руководство с интересами личности и коллектива»[2]. Фундаментальное положение. Фундаментальное еще и потому, что как теоретически, так и практически очевидно: «Интерес трудящихся, как хозяев производства,— самый сильный интерес, самая мощная

---

[1] Абалкин Л. И. Перестройка: пути и проблемы.— М., 1988.— С. 70.

[2] Материалы Пленума ЦК КПСС. 25—26 июня 1987 г.— С. 44.

движущая сила ускорения...»[1] Чтобы этот интерес превратить в мощную движущую силу прогресса, надо «на деле превратить труженика в реального и активного хозяина общественной собственности»[2]. Как видите, опять приходим к проблеме собственности, но теперь уже в плане соединения права хозяина на собственность с правом на распоряжение, объективного интереса с субъективным — заинтересованным отношением к объекту социалистической собственности — общественному богатству.

Решение вопроса о создании мощных стимулов непременно пролегает через психологию людей. К сожалению, эта его сторона часто не учитывается, поскольку главную и, пожалуй, единственную «скрипку» реформы держат в руках экономисты. Психологи же в оркестре почему-то отсутствуют. Правда, ряд экономистов, видя этот пробел, исследуют и социально-психологический аспект материального стимулирования. Что имеется в виду? Реальная мотивация экономического, хозяйственного поведения хозяина собственности и всех управленческих подразделений. Общий их интерес объективно диктуется отношениями собственности. Проще говоря, чем богаче общество, тем шире возможности для повышения материального благосостояния всех и каждого. Это закон экономической жизни. Но проблема в том, как его реализовать, как сделать объективно существующий интерес субъективно действующим в этом же направлении. Вот тут и нужны стимулы. В отлаженном хозяйстве работника не надо подгонять, им управляет материальный стимул.

---

[1] Абалкин Л. И. Перестройка: пути и проблемы.— С. 70.

[2] Там же.

Стимулы должны оптимально состыковаться с интересами, чтобы получить заинтересованность и нужную мотивацию поведения. Иногда управленцам кажется, что задача эта простая, что решить ее можно в кабинете, не обращаясь к народу, его психологии. Но не тут-то было. Уже не раз обжигались. Анализируя уроки экономической реформы 1965 года, ученый Ю. В. Сухотин справедливо замечает, что, положившись на предполагаемую мощь материального стимулирования и стремление лишь к денежной выгодности производства, многие сумели получить все виды поощрений, выплат и льгот без сколько-нибудь существенной интенсификации работы и повышения ее эффективности. Стимулирование оказалось нестимулирующим. Почему? По мнению ученого, во-первых, нельзя было исходить из априорной, однозначно заданной уверенности в эффективности применяемых стимулов, необходимо было изучение «фактически действующих мотиваций». Во-вторых, не учитывалось, что эффективность хозрасчетных способов управления всецело зависит от того, в какой мере они согласованы с отношениями собственности — главным основанием системы хозяйственных отношений[1].

Изучение «фактически действующей мотивации» — это уже социально-психологическая проблема. Здесь важно рассмотреть трансформации, превращения в цепи: интерес — стимул — реакция на стимул — заинтересованность (незаинтересованность) — мотив поведения (соответствующий интересу или не соответствующий).

Только при условии, что стимул в максимальной степени соответствует интересу работников,

---

[1] См.: Пути совершенствования социального механизма развития Советской экономики.— С. 143.

можно вызвать соответствующую ему заинтересованность, а она — необходимое поведение. Разумеется, связи здесь непростые, и приведенная схема есть лишь стержневая линия социально-психологических превращений. А ее развитие может протекать поливариантно в зависимости от форм проявления в психологии людей отдельных звеньев указанной цепи и вместе взятых. Ведь тот же интерес в сознании может быть эгоистически искаженным, пораженным, например, потребительской психологией. Это надо всегда учитывать. И все же в глубине мотивации действий человека проявляется интерес, обусловленный потребностью. Например, у молодого рабочего появилась семья, дети. Ранее у него потребности были холостяцкие, теперь семейные. Раньше на свою зарплату он мог «пошиковать», теперь надо «тормоза включать», кое в чем себя ограничить. Сделать это бывает непросто, на первых порах идет психологическая ломка прежнего образа жизни, вживание в новый. Происходит резкая трансформация потребностей, раньше отвечал за себя, теперь за семью. Потребность, например, в питании, одежде, содержании жилья резко увеличивает интерес к заработку как средству удовлетворения этих потребностей. Отсюда меняется мотивация поведения. По моим наблюдениям, наибольший интерес к арендной, кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности проявляют как раз молодожены. И это понятно. Потребность заставляет.

Поэтому при разработке системы социальных стимулов надо учитывать состояние потребностей и интересов людей того или иного коллектива, слоя, класса, группы. Более того, пришла пора считаться с интересами каждого работника, с

тем чтобы получить от него желаемый эффект, удовлетворяя его потребности и интересы. Не слишком ли большая блажь возиться с каждым, есть ведь общие требования и нечего тут с каждым рассусоливать — скажут некоторые управленцы. Так-то оно так, только внешне. Традиционно... Но пришла пора эту традицию ломать, если уж серьезно поставили вопрос о повышении роли человеческого фактора. Кто из управленцев, если хотел докопаться до истины, не встречался с такой ситуацией, когда, казалось бы, действенные, на их взгляд, стимулы не срабатывали, более того, давали обратный эффект, часто непредсказуемый. Дело в том, что при этом как раз не берется в расчет социально-психологический механизм превращения стимулов в мотив поведения. Не учитывается, что при одних и тех же стимулах может быть несколько вариантов поведения человека в зависимости от его преобладающих в данный момент интересов. И все они должны быть просчитаны, спрогнозированы. Без этого сегодня трудно сформировать, как показывает практика, хозрасчетные звенья и бригады.

Следует учитывать социально-психологический настрой людей как реакцию на экономическое состояние в стране, регионе, коллективе, которая проявляется в нас, хотели бы мы того или нет. Немало, скажем, известно случаев, когда хорошему работнику — слесарю, токарю высшей квалификации — сулят большие деньги за выполнение срочного заказа во внеурочное время, а он не соглашается. Отчего так случается? Причины тому разные, вплоть до личной амбиции. Но есть и более глубокие мотивы. Один из них: денег на сберкнижке немало, а купить на них то, что потребности его подсказывают, не может. То

есть деньги уже перестают играть роль стимула, превращаться в заинтересованность и мотив поведения. Бывает иначе: свободное время в данный момент дороже, чем деньги. А, бывает, для некоторых честолюбивых людей (то есть тех, что честь свою любят и не растрачивают ее) простое «спасибо» прилюдно, в коллективе дороже «сверхурочных червонцев». И наконец, сегодня вполне реальная ситуация, что за это же сверхурочное время ас заработает «левым» путем, да даже не левым, а законно, в кооперативе, больше, чем ему обещают на государственной работе. И ничего тут не попишешь, реальность жизни.

В ряде автохозяйств Москвы введена такая система стимулов. Перерасходовал водитель бензин — с него вычет по розничной цене — 40 копеек за литр, сэкономил — получил добавку к зарплате по 10 копеек за литр, уложился в норматив — ничего не получил. И льется бензин в баки частникам по 30 копеек литр. И «продавцам» и «покупателям» выгодно, как бы ни усердствовало в администрировании и морализаторстве начальство автохозяйства. Когда же мы будем просчитывать мотивы поступков работников при введении таких «новаторских» стимулов? Когда же будем учиться обращать с помощью стимулов интересы людей в их заинтересованность? Для начала хотя бы не игнорировать, а учитывать интересы работников. Да, учитывать интересы и мотивы каждого и всех вместе.

Кто это будет делать? Психологию индивидуализма разведем! Считаться с каждым эгоистом, куда зайдем? — предвижу возражения.

Вот в том и дело, что пришла пора считаться не только с общественным, а прежде всего с личными интересами, чтоб достичь общественного.

А кто это будет делать? Управленцы, администраторы, чиновники, конторы, ведомства. Ведь «управленческая пирамида» по-прежнему состоит из миллионов столов и кресел. Вот пусть они разберутся с личными интересами подопечных, управляемых ими людей. Может, это и вылечит их от бюрократизма и административного эгоцентризма. Вылечить же экономику можно только через задействование интересов людей, через создание стимулов, вызывающих массовую заинтересованность. И не только вылечить, но и сделать ее процветающей.

Перестройка рождается в муках интересов. Об этом свидетельствует, в частности, практика создания кооперативов и арендных отношений. Демократия непременно включает демократизацию интересов людей. Перестройка — это борьба интересов и за интересы. За интересы общества. **За интересы Человека.** Социализм все время развивается через диалектику интересов личности и общества. Но эту диалектику в разное время понимали по-разному, часто ошибочно. И потому допускали ошибки, нередко неосознанно. А может, иногда и осознанно, когда кому-то это было выгодно для использования власти в корыстных целях.

Долгое время я был загипнотизирован теорией, излагавшейся во всех учебниках и монографиях о примате общественных интересов над личными.

— При чем здесь гипноз, так ведь оно и есть? — возразят некоторые.

— Да, так оно и есть, только как этот примат понимать?

— Так и понимайте, как есть в жизни и в теории. Общественные интересы — главные, личные им должны быть подчинены,— скажет каждый,

кто прочтет на эту тему главы из учебников по экономике, философии, научному коммунизму 70-х годов.

— Так вот это и есть гипноз. Трудно возразить, все вроде бесспорно. Иначе общество уже не общество, а сумма эгоистов-индивидуалистов.

— А что, не так?

— Да, не так, если вдуматься в объективную диалектику личных и общественных интересов. Примат имеют те и другие интересы, если посмотреть на них в развитии.

Было время, когда мечтатели считали, что социализм можно построить на одном энтузиазме. Ленин их поправил. Его слова о том, что социализм надо строить не на энтузиазме, а с помощью энтузиазма, более того, на **личной заинтересованности,** были ударом по экономическому идеализму и возвращением к диалектическому материализму.

Знаю одного ученого, ныне профессора социологии, у которого от кандидатской диссертации до докторской изменились взгляды на диалектику личных и общественных интересов. В кандидатской доказывался примат интересов общественных, в докторской признал первичность личных. Спрашиваю: «Как вас, коллега, понимать?» «Считай, что мудрость меня все-таки посетила»,— ответил он, будучи уже профессором. Он уверенно отстаивал концепцию первичности личных интересов. А ему навстречу и вослед возгласы типа «этого занесло». Или — «ничего не понимает в социализме». Либо просто молчаливое несогласие и невнимание, мол, «мели, Емеля, много мы вас, обществоведов, слышали, не знаешь, кому верить». Но все же были и те, кто верил и поверил этому профессору.

Истина же, как всегда, лежит посередине, в

единстве личных и общественных интересов. Только единство это не искусственное, как часто мы пытались сотворить, а естественное, от диалектики общественного развития идущее. От естества социализма. А диалектика такова, что один без другого, то есть ни общественный интерес без личного, ни личный без общественного, развиваться просто не может.

Из курса философии известно, как первичное и вторичное меняются ролями, первичное становится вторичным, объективное субъективным и наоборот. Так вот и с приматом интересов. Личный интерес в первоприродном и первопричинном смысле первичен. Чтоб было понятно, скажем так: не будь личностей, индивида, не было бы и общества. В этом измерении без личностного интереса, без личной заинтересованности и личностной мотивации реализовать общественный интерес невозможно. Вот эту истину и надо иметь в виду при разработке стимулов. Вектор личного интереса должен совпадать по направлению с вектором общественного интереса. При их диаметрально противоположном направлении общество не сможет существовать. Общество ставит своей целью всестороннее гармоничное развитие личности, удовлетворение ее материальных и духовных потребностей. Как это можно сделать, не объединив личные интересы индивидов с интересами общества? «Столкновение интересов приводит к необходимости установить с общего согласия правила,— писал Н. Г. Чернышевский,— определяющие отношения между людьми в разных сферах их деятельности»[1].

Как бы ни хотел каждый человек в отдель-

---

[1] Чернышевский Н. Г. Избранные педагогические произведения.— М., 1953.— С. 455.

ности удовлетворения своих интересов, все равно наступает момент столкновения, согласования, соединения его с интересами других людей. Возможным это становится только под крышей общественных интересов. Значит, чтобы выжить, надо жить по законам общества, руководствоваться общественными интересами, соблюдать правила «общей игры». Руководствоваться общественным сознанием, соблюдать нормы общественного поведения. И в этом смысле общественный интерес есть интерес господствующий, приоритетный. Функционально — при обратном влиянии на индивида — общественные интересы становятся определяющими. Представим на миг себе такую ситуацию: во имя личного благополучия мы с вами разобрали бы из государственного бюджета все средства и поделили между собой. Или все заработанные бригадой, кооперативом деньги полностью забирали бы себе, не перечисляя ни копейки в общую казну. Долго бы мы могли так жить? Думаю, что ответ однозначен. И тем не менее исходной точкой развития, изначальным пунктом формирования всеобщей заинтересованности является личный интерес.

Вот поэтому надо демократизировать, раскрепостить личные интересы, диалектично связать их с интересами всего общества. И не надо преждевременно, еще не попытавшись всерьез раскрепостить истинных, глубинных интересов советского человека, не дав им сполна раскрыться и реализоваться, пребывать в страхе от возможного возрождения частнособственнической психологии, да и не надо ее смешивать с личнособственнической. Не дав простора личному интересу, не достигнем общих целей, не сформируем и общественнособственническую психологию.

Глава IV

РАЗДУМЬЯ У «ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ», ИЛИ О НАРОДНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ОБНОВЛЯЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКЕ

Без истины стыдно жить.
Андрей Платонов

На высоком берегу Волги, между старинным купеческим городом Кимры и новым городом ученых Дубна расположена одна из типичных российских деревень — Богунино. Чуть выше по течению реки — красивая излучина. Над излучиной — холм, продуваемый сильными местными ветрами. Когда-то был здесь песчаный карьер, но потом, после мелиоративных работ, рядом образовалось нечто вроде болота. И вот на этом месте, почти за полтораста верст от столицы, москвичам щедро отвели калининцы место под садово-огородный кооператив. Волею судьбы и жребия и нам достался один из ста сорока шестисоточных участков — на окраине этого землевладения. Между увядающей деревней и процветающим кооперативным поселком, на спуске к излучине реки я однажды обнаружил камень, выступающий из глубины земных пластов и, видимо, из глубины веков. Сначала он для меня был не более как большим булыжником, которых, как потом обнаружилось, здесь много. Но вскоре, когда изможденный цивилизацией и деэкологизацией, я приезжал сюда и выходил к излучине матушки-Волги и когда мне хотелось снять умственное и психологическое напряжение, «исповедаться» перед самим собой, понять себя в нашем нервном потоке времени,

то невольно оказывался у этого камня. Даже приезжая сюда на час, я сразу бежал к своему (да, уже присвоил) камню-исповедальнику. Однажды осенью, после быстро наступившей ночи, но при яркой луне, выйдя на прогулку, вновь оказался около него. И вдруг наваждение: мой камень из отблесков и теней от лунного света предстал передо мной в виде сказочного уральского богатыря. «Достал и здесь меня родной Урал, от себя не уйдешь,— подумал я.— Настиг. А взгляд какой? Упрек за измену. За побег в погоне за столичными харчами» — вот таким судом совести начался наш «диалог» с вековым мертвым и вместе с тем живым камнем. С тех пор этот камень стал для меня неким «Сверх-Я». Да, мне лично нравится в психологической структуре личности Фрейда это «Сверх-Я», которое он связывает с идеалом, с совестью, со стремлением к совершенству, когда в самом человеке есть «надзиратель», «критик», «запрещающий» и т. д.

Постоянное общение с моим «Сверх-Я», конечно же, не могло быть незамеченным другими. Соседи по нашей окраинной улице прозвали камень «философским» (видимо, по моей ученой степени). Я же про себя его чаще называю еще и «камнем совести», хотя соглашаюсь и на «философский», ибо любовь к мудрости не бывает вне совести и честности. Истина всегда честна.

У каждого человека, видимо, есть свой «философский камень», если его волнуют вопросы смысла жизни и общества, в котором он живет; если его мучают трудные вопросы личного и общественного бытия; если он переживает приступы мысли и совести в поисках ответа в диалоге со своим «Сверх-Я».

«Философский камень» — это больше образ,

мысленный камень преткновения, у которого человек в думах своих задерживается, останавливается. Здесь и исповедь перед самим собой происходит. Или, говоря языком психологов, здесь душевная жизнь проявляется, когда ты о самом глубоком, во многом даже интимном, размышляешь, сопереживаешь, себя своими нравственными критериями меряешь, часто исходящими от критериев духовного бессмертия своего простого земного Я. По мне, иметь «философский камень» или быть у своего «философского камня» — значит думушку думать.

Большая часть моего «философского камня» состоит из вопросов и загадок, лежащих на стыке философии, экономики и психологии, на самой острой, как мне представляется, грани этого камня.

Что это за вопросы? Их много. В частности: почему наша экономика плетется в хвосте экономики цивилизованных стран? Почему рядом Финляндия, некогда окраина России, так вырвалась вперед, а наша страна оказалась в застое? Почему мы не можем обеспечить достаток в самом необходимом при таких-то богатых ресурсах? Почему наша экономика, имея так много тонн, метров, кубометров, гектаров и прочее, и прочее, так неочеловечена? Почему берега Волги прежде всего для удобства заводов, а потом только для удобства быта и отдыха человека? Почему излучину реки, видимую с моего камня, коснулась индустриализация, но не коснулась культура? Почему на шести сотках частника неиссякаемая энергия, работа от зари до зари, все ухожено и прибрано по-хозяйски, а на совхозных гектарах — сиротство? Почему деревня Богунино ветшает, а сто сорок садово-дачных домов так быстро набирают силу?

Почему экономическая реформа хромает, что мешает ей, нет ли у нее самой своего «философского камня», который мы обходим стороной? Почему буксует демократия, и есть ли она здесь, на волжском утесе, и насколько она нужна этим — конкретным селянам, есть ли в ней у них нужда? И наконец, главный вопрос: почему буксует перестройка? Куда и как мы сами ее выведем?

На теоретическом, общеполитическом уровне ответ на все эти вопросы, при обобщении выступлений депутатов на Съезде, может быть таким: нам нужна принципиально обновленная система общественных отношений, новый тип хозяйствования, в основе которой «сращение» народа с общенародной собственностью. Нужен новый тип экономических отношений, на что и направлена экономическая реформа. Но диалектика жизни, диалектика экономики и политики, всех сфер жизни общества такова, что всякое изменение в одной из них вызывает потребность в преобразовании другой, иначе неизбежна однобокость и пробуксовка каждой из них и всех вместе. Вот почему при осуществлении экономической реформы встала проблема реформы политической, а политическая реформа невозможна без демократизации власти. Какое цивилизованное общество без высокой духовности? Словом, решения XIX Всесоюзной партийной конференции, Съезда народных депутатов увязали в один узел проблемы перестройки. Но почему перестройка идет так трудно? Причин тому немало, о них открыто и много говорится и пишется. Многие трудности естественны, ведь когда семья дом перестраивает, то она временно вынуждена терпеть лишения, скажем, жить какое-то время во времянке или снимать квартиру. Однако важно и другое:

как эта семья подготовилась к перестройке дома, сколько и какого заготовила материала, хорошо ли рассчитала свои финансовые возможности, крепко ли подумала над проектом будущего дома, как споро взялась за работу и т. д. Так и в обществе.

Конечно, в ходе строительства могут возникать и неожиданные сложности. При перестройке нашего общественного дома мы столкнулись с серьезными психологическими трудностями. Особенно сказывается привязанность к старой системе управления экономикой и обществом в целом. Нас всех тянет назад старая психология: политическая, экономическая, правовая и даже просто бытовая. Тянет традиционная психология мышления, культура поведения, а новую-то не купишь в магазине.

С другой стороны, верховная власть приняла Закон о госпредприятии, широкие права трудовым коллективам дали и тут же как будто испугались этого — мгновенно Закон опутали сетью ведомственных инструкций. То есть опять проявилась старая психология власти, когда отступление от Закона исполнительной властью считалось нормой. Да и многие руководители еще считают, что только они «власть имущие», только они могут накормить народ, а не сам народ себя обеспечить, разумеется, с помощью власти, руководящих органов. Правда, и сам-то народ (или часть народа) подчас тоже так думает, привычка сказывается. Думать народу не запретишь, он думал всегда, только думал молча, про себя, в одиночку больше. Сейчас вслух и сообща думает, но груз прошлого все же тяжел.

Народ из российской центральной «глубинки» крепко озабочен перестройкой, демократией. Вот одно, как мне представляется, характерное

мнение — «голос из народа», в котором аккумулируются проблемы нашего времени и размышления о них. Стремление понять реакцию простых людей, где, по моему мнению, лежат многие истоки народной мудрости, вывело меня на интересного собеседника — Марию Семеновну, давнюю жительницу деревни Богунино. Эта мудрая женщина — и философ, и психолог, и экономист от природы. И умение «схватить жизнь», передать в мысли подкупает не одного меня.

Долгие у нас с ней бывали беседы, можно целую книгу написать. Но всякий раз, когда заходила речь о жизни ее родной деревни, о совхозе и его экономике, об ожидаемых изменениях к лучшему, Мария Семеновна заключала: «Хозяина у нас нет; пока не будет хорошего хозяина, дела не будет. Всем все нипочем. Были раньше хозяева, так их поуничтожали, разогнали, не стало у земли хозяина». Наблюдения простой женщины вновь возвращали меня к проблеме власти — экономической и политической. К проблеме хозяина земли и хозяйской психологии.

При разговоре о хозяине Мария Семеновна высказывала и другое свое умозаключение: «У нас каждый год меняется директор совхоза, от нас на повышение идут, хотя совхозу мало проку дают, где же тут до хорошего хозяина. А люди — как в песне: «Все вокруг колхозное — все вокруг мое». Так и живем.— Сделав короткую паузу, продолжала: — Нет, пока начальство не возьмется, ничего и из перестройки не выйдет. Все дело в руководителях. Чтоб добиться порядка, надо народ заставить как следует работать, подраспустили нас. Да и работать-то уж некому... Демократия дело хорошее, нужное, но нашему народу палка нужна, что поделаешь, так уж нас приучи-

ли. Раньше всего боялись, а как страх начал проходить, так с собой не совладаем, дисциплины никакой, распоясались, мужики ударились в пьянку, сейчас их прижали, но толку пока мало. Нет, нам и при демократии без требовательного начальника не обойтись. Для нашего брата твердая рука, порядок сверху от государственных властей нужен, на сильном правителе всегда наша матушка-Россия держалась»,— махнув рукой, завершила разговор Мария Семеновна.

Вот так, вроде как между делом сделает вывод и пойдет дальше. «Ну что, пусть себе говорит, подумаешь — деревенская баба помыслила вслух о наболевшем?» — скажут некоторые. Ан нет! Не все так просто. Почему даже мудрая Мария Семеновна колеблется? С одной стороны, она — за «сильного начальника», а с другой — за демократию. Может, ее умозаключения выражают, если вдуматься хорошенько, нечто более глубокое, что мы часто не учитываем, принимая крупные решения? И это нечто глубокое, может быть, заложено в тайниках народной психологии, куда мы не заглядываем. А почему бы нет? Но это были вначале всего лишь мои личные догадки. Они то вспыхивали в моем сознании здесь на берегу, у камня, то затухали там, в московской суете.

ОТКУДА ПРИЛЕТАЕТ СКАЗОЧНАЯ ПТИЦА ФЕНИКС?

В предисловии к письмам В. И. Вернадского, опубликованным в журнале «Новый мир» (1988, № 3), доктор философских наук И. Мочалов высказал одно обобщение, которое мне не дает

покоя, особенно когда оказываюсь наедине со своим «философским камнем».

Что это за мысль? «Меня лично,— как признается И. Мочалов,— дневник Вернадского натолкнул на некоторые размышления относительно содержания переживаемой нами революционной перестройки... в нашей, «домашней» истории в глаза бросается одно обстоятельство,— подмечает И. Мочалов. И вот тут я прошу читателя вгрызться в нижесказанное: — Начиная по крайней мере с эпохи петровских реформ, если не ранее (в самом деле — ранее, вспомним хотя бы Ивана Грозного.— *В. П.)*, и до наших дней при всех больших и малых, прямых или косвенных, удачных или неудачных, глубинных или верхушечных, мирных или насильственных социальных преобразованиях просматривается общая **закономерность** — ни одно из этих преобразований не смогло не то что разрушить, но даже сколь-нибудь основательно расшатать некую социальную сверхструктуру, некую авторитарную, элитарно-бюрократическую по своей природе суперсистему, словно гигантским обручем стягивающую общество». Что это за суперсистема, что за обруч? Не преувеличение ли? Вдумаемся: «на протяжении столетий,— отмечает философ,— Россия была лишена способности к самоорганизации и саморазвитию в силу полного или почти полного отсутствия эффективно функционирующей системы обратных связей (читаю — отсутствия демократии, народовластия.— *В. П.*), вследствие чего малоподвижное, консервативное «целое» буквально расплющивало «маленького человека». Проникающая во все поры общества, эта суперсистема играла и играет роль своего рода инварианта российской истории,— делает

вывод И. Мочалов,— словно сказочная птица феникс, она вновь и вновь возрождалась в новых одеяниях и «доспехах». Устойчивость ее, сопротивляемость внешним воздействиям (почему внешним, ставлю я здесь вопрос, если такая выживаемость? — *В. П.)* оказались просто поразительны: терпели поражения классы, партии (? — *В. П.)*, государства, армии, личности — она одна оставалась и до сего времени остается непобежденной». Вот уж действительно есть над чем голову поломать современнику, не правда ли? В самом деле «при всей важности и необходимости решения тех экономических, социальных и других частных задач, о которых сейчас так много говорится и пишется в связи с перестройкой, ее сверхзадача видится мне,— замечает И. Мочалов,— как раз в сокрушении этого инварианта русской истории». Вот уж поистине сверхзадача! И мы видим сегодня, насколько сильна, насколько глубоко проникла командно-административная суперсистема власти в наше общество. «Думаю,— заключает И. Мочалов,— что дневник Вернадского 1890-х годов помогает нам высветить и понять этот глубинный смысл переживаемой нами эпохи»[1].

Можно возразить: как по дневникам, пусть даже и гениального В. И. Вернадского, выводить такую закономерность? Но заметим, что именно Вернадскому принадлежит великая идея ноосферы — сферы разума. Так почему бы, обращаясь к наследию его энциклопедического ума, не выйти на такое обобщение, хотя не все бесспорно в глубокой догадке И. Мочалова? А может, загадке?

---

[1] Новый мир.— 1988.— № 3.— С. 207.

Все-таки в чем корни живучести командно-административной суперсистемы? Вот глубинный вопрос, который ставит Мочалов, но, к сожалению, не отвечает на него. Да и как тут сразу ответишь! Он указывает на устойчивость и сопротивляемость внешним условиям. Что это за условия? Если есть внешние, то имеются и внутренние? В чем они? Может, больше в них, во внутренних причинах, заключена выживаемость командно-административной суперсистемы? Может, по их велению возрождалась в новых одеяниях «сказочная птица феникс», укрепляя «некую социальную структуру»? Не ответив на эти вопросы, мы не сможем до конца, как мне думается, понять всю полноту необходимости и сложности начатой перестройки. А значит, возможны серьезные просчеты, забегания вперед и отставание в объективно возможном ускорении. Одной из причин торможения экономической реформы Л. И. Абалкин называет низкую культуру, у которой «много истоков, есть и глубокие традиции, к сожалению, не лучшие, которые веками сохранялись в нашем народе. Есть и относительно новые традиции, которые создавались в годы, когда многое бралось, так сказать, рывковыми усилиями, огромным перенапряжением: навалились всем миром, выложились, потом наступает какой-то спад...»[1]. Заметим: «новая традиция», а признаки типа «рывковые усилия», «навалились», «выложились», а чуть расслабились — как снова «спад» все той же командно-административной системы.

Почему такой живучей оказалась командно-административная система? — один из самых

[1] Абалкин Л. И. Перестройка: пути и проблемы.— С. 113.

трудных вопросов отечественного исторического бытия. Вот поистине «философский камень», даже не камень, а глыба. Один из ответов, как мне представляется, лежит в области глубинной социальной психологии. Историческая судьба России оказалась, к сожалению, таковой, что многовековое существование элитарно-бюрократической суперсистемы сформировало адекватную психологию народа, которая впоследствии становится сама фактором жизнеобеспечения такой системы. Действительно, так уж сложилось, что несколько веков российским народом правила командно-административная система монархического типа. Заметим, что именно эта господствующая система всегда подавляла народовластие, голос народа, общественное мнение, вплоть до Октябрьской революции[1]. Словом, элитарно-бюрократическая суперсистема строилась на экономическом и политическом бесправии, на структуре экономической и политической власти, исключающих власть самого народа. С одной стороны, сильная, а иногда и слабая, но монархическая власть, с другой — раболепское положение народа, а отсюда — психология холопа. Очевидно, у нашего народа имеется тяжелое психологическое наследие в форме глубинных традиций, глубинной психологии, которые проявляют себя и в приверженности к командной суперсистеме, к «сильной руке», к сильной центральной власти и некой обреченности на повиновение ей, на раболепие перед «сильными мира сего».

Где лежат истоки такой системы и такой психологии? Мне кажется, определенный ответ на

---

[1] См.: Горшков М. К. Общественное мнение.— М., 1988.— С. 34—105.

эту проблему дает публикация члена-корреспондента АН СССР С. С. Аверинцева «Византия и Русь: два типа духовности»[1].

ПОЧЕМУ ТРУДНО «ВЫДАВЛИВАТЬ ИЗ СЕБЯ РАБА»?

Обратим внимание на факт генетического восхождения российской государственности. Он имеет глубокие религиозно-нравственные корни. С. С. Аверинцев убедительно показывает «черты глубокого сходства между религиозным пониманием государственности в Византии и на Руси». В чем же это сходство? В Византии образцом власти было «строго централизованное государство», «христианская монархия», «универсальность христианской империи должна отвечать универсальности христианской веры»[2]. «Как идея это было серьезно». «Учителями русских,— как отмечает ученый,— были православные византийцы... настаивавшие на полной неразделимости церкви и государства»[3].

Что же из этого следует? А то, что бог — монарх (царь) — государство впоследствии практически отождествлялись в народном сознании, в духовной культуре Руси. Наставления византийцев: «Невозможно для христиан иметь церковь и не иметь царства» или «Церковь и царство пребывают в великом единении» — не прошли бесследно, хотя история внесла свои особенности в решение этого вопроса. Особенность византийца стала проявляться в том, что он оставался верен своей державе «во веки веков» и «своему государю», правда,

---

[1] См.: Новый мир.— 1988.— № 7, 8.
[2] Там же.— С. 212, 214—215.
[3] Там же.— С. 215, 217.

до тех пор, пока был уверен, что «особа этого государя прагматически соответствует величию державы»[1].

И что же произошло с представлениями на этот счет на Руси, в России? В русской психологии сохранилось, как доказывает Аверинцев, традиционное единение, кровная зависимость Бога и Царя. Этот «мотив традиционной русской психологии» уходит в века, тысячелетие.

Историк В. О. Ключевский показывает, что в XVII веке в русском обществе преобладали «однообразные изгибы автоматической совести». В результате, когда нарождалось новое, оно делилось на два лагеря: на почитателей родной старины и приверженцев новизны. При этом «руководящие классы общества» оставались «в ограде православной церкви». Многие люди просто возненавидели новшества, особенно привозные, «приписывая им порчу древнеправославной русской церкви»[2]. Кстати, данный анализ состояния российского общества Ключевский делает в период подготовки программы предстоящей реформы.

Конечно, традиции, даже глубинные, нельзя принимать как неизменную и вечную заданность, объяснять их в фаталистическом духе. Но и не считаться с ними нельзя, когда мы беремся за революционное дело — ломку многовекового обруча командно-административной системы власти. История свидетельствует, что одни народы свои традиции развивают (как, например, Япония развивает свои феодальные традиции, Ан-

---

[1] Новый мир.— 1988.— № 8.— С. 220.

[2] Ключевский В. О. Соч.: В 9 т.— Т. III.— М., 1988.— С. 340.

глия чтит свои национальные устои в образе жизни), другие — изживают, хотя это очень трудно, третьи — приспосабливая к современности, кардинально их переделывают.

В данном случае речь идет о традициях командно-административной системы и ее неотъемлемом атрибуте — единоличной власти. Царь-самодержец, культ «вождя» рождаются не сами по себе, они продукт командно-административной системы власти. Упредить новое появление культа и культиков, бюрократию и бюрократов невозможно, не переделав систему, не переформировав психологию народа, ибо такая система снова способна ее воспроизводить, сохраняя свои глубокие корни, уходящие в вековые традиции нашей духовной культуры. Не потому ли для нас таким трудным оказался процесс выдавливания из себя раба, холопской психологии? Не на этой ли традиции сманипулировал Сталин, когда вновь возродил, пусть и в новом качестве, но по сути такую же систему, только уже в иных одеждах?

Аверинцев в процессе своего исследования выявляет несколько характерных признаков формирования и проявления «русской традиции», которая во многом носила божественный, мифологический характер. Впоследствии религиозное отношение к власти, ее признаки трансформировались в социальные, политические. Что это за признаки?

Один из них состоит в том, что «русская духовность» делит мир на две крайности — «удел света и удел мрака; ни в чем это не ощущается так резко, как в вопросе о власти». Божье и антихристово здесь без всякой буферной «прокладки». Для земли и для земных или рай, или ад, а «носитель власти стоит точно на границе обоих

царств»[1]. Царю дано право от бога повелевать, миловать и карать. Получалось, что «сама по себе власть, по крайней мере власть самодержавия,— это нечто, находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но во всяком случае в него как бы и не входящее»[2]. Не отсюда ли воспаряет та сказочная птица феникс, о которой пишет и Мочалов?

Другой признак или «полюс» «русской традиции» проявлялся в «грозной святости», когда ее ожидали только от святителей-епископов, «наделенных церковной властью, которую трудно отделить от политической. Власть должна вызывать страх»[3]. Не отсюда ли пошла власть страха и психология раба, холопская психология в отношении «сильной руки»? Характерными чертами «русской традиции» были также «терпение ко злу», «русская кротость», «мотив непротивления», «добровольной обреченности», преклонения перед божественной силой власти и властедержателей. Не оттуда ли истоки сегодняшней тоски некоторых людей по командно-административной системе?

И наконец, еще об одной характерной особенности «русской традиции», проявляющейся в «двух полюсах единой антиномии, лежащей в самых основаниях «Святой Руси». Два полюса здесь — это развитие психологии мышления по принципу: «или — или», «либо — либо», но ни как не «и — и». Говоря языком философии, только противоположности без единства, без чувства меры, только раскачивание в крайние стороны.

---

[1] Новый мир.— 1988.— № 8.— С. 234, 235.
[2] Там же.— С. 235.
[3] Там же.— С. 232.

Только проявление «кроткого» или «грозного» типов святости, которые «не опосредованы цивилизацией». На Руси они выступали с «такой потрясающей обнаженностью и непосредственностью, как, может быть, нигде». В «Русской святости» так: если святой грозен, то до того грозен, что «верующая душа может только по-детски робеть и расстилаться в трепете». Если он кроток, то его кротость — «такая бездна, что от нее, может быть, еще страшнее»[1]. Не отсюда ли два полюса другой антиномии: уживаемость тоталитарного режима единоличной власти «наверху» и раболепское преклонение, бездна кротости «внизу»? Не от этой ли антиномии такая живучесть командно-приказной системы?

Прав С. С. Аверинцев в том, что за этими двумя антиномиями в русской традиции стоит «очень серьезный, недоуменный, неразрешенный вопрос. Вопрос этот многое определяет в русском сознании, в русской истории. Его скрытое воздействие не прекращается и тогда, когда о православной традиции и не вспоминают»[2]. И видимо, не только в русском сознании, но и в сознании других наций, населяющих Россию, всю нашу страну в силу ее исторического развития, где широко культивировалась эта монотрадиция. Действие ее проявилось и в советское время, особенно в период сталинизма, да и позже. И сегодня она как бы вновь выходит из тайников подсознания, переходит в сферу сознания и вызывает у части людей тоску по «сильной руке», по сталинизму и вызывает испуг от демократизации общества, от плюрализма мнений. Вспомним хотя бы судебный процесс

[1] Новый мир.— 1988.— № 8.— С. 231, 232.
[2] Там же.— С. 231.

по иску юриста Шеховцева, обвиняющего писателя Адамовича за якобы несправедливое оскорбление Сталина. Но сегодня процесс демократизации набирает силу, народ начинает выдавливать из себя раба. Начинает, но еще не освободился от имиджа, от мифа, что все зависит только от верховной власти, а «мое дело маленькое». Живы еще традиции, жива старая психология. Нельзя отмахиваться от предупреждения Аверинцева о том, что и сегодня «наша опасность заключена в вековой привычке перекладывать чуждое бремя власти на другого, отступаться от него, уходить в ложную невинность безответственности»[1]. Знакомое явление, не правда ли? Так не здесь ли, не в вековых ли привычках, заложены духовные силы сопротивления перестройке командно-административной системы? Уйти от этой проблемы невозможно, с ней необходимо считаться, но не идти у нее на поводу, не приписывать вечную жизнь данной традиции. Перед современным обществом стоит огромнейшей трудности задача — заложить новый тип духовности, новые, демократические традиции. На встрече с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов М. С. Горбачев отмечал: «Необходимо избавлять общественное сознание от такого вреднейшего комплекса, как вера в «доброго царя», всемогущий центр, в то, что кто-то сверху наведет порядок, организует перестройку. Это худший вид социального иждивенчества»[2]. Да, такова реальность. Но от понимания ее глубинных причин и трагических последствий еще величественнее смотрится здание перестройки.

[1] Новый мир.— 1988.— № 8.— С. 235.
[2] Правда.— 1988.— 25 сент.

Октябрьская революция сломала монархическую суперсистему, власть завоевал народ, и, казалось бы, администрированию, понуканию, холопской психологии, преклонению перед сильным монархом должен навсегда прийти конец. Но нет, Сталин и его окружение возрождают командно-административную систему, и она, как ни покажется странным, в определенной степени устраивала значительную часть народа, в которой жила эта старая традиция. Но и сейчас определенные силы, очевидно, ею подпитываются. Решения XIX Всесоюзной партийной конференции о проведении экономической и политической реформ выбивают, казалось бы, почву из-под ног у приверженцев командно-административной системы, но она их по-прежнему имеет, особенно в тех случаях, когда демократия переходит в анархию.

Важно понять, что культ личности — это не просто личность, а отношения власти и деформированные социальные отношения. Это целая система механизмов осуществления власти. Это система административно-командного управления, построенная на определенной системе отношений собственности, власти и духовности. Дело в том, что всеохватывающее огосударствление собственности объективно требовало соответствующей системы государственной власти, мощного аппарата для осуществления функции распоряжения, использования и распределения этой собственности. Сведение всех форм собственности к единой — государственной — неизбежно вызывало потребность в сильной административной власти, а в итоге — командно-бюрократической системе. Все это предопределяло далее и характер общественного мышления, образ поведения кадров и всех трудящихся. Насаждаемая десятками лет,

эта система стала для многих даже основанием их мировоззрения, она пропитала своим духом все поры общественного сознания, общественной психологии. И конечно же, психологии индивидуальной.

Особенно оказались пропитаны сталинизмом многолетние носители такой власти. В этой связи вспоминаются слова писателя Александра Бека в романе «Новое назначение», сказанные об Онисимове — этом крупном руководителе союзного масштаба. Когда его освободили от занимаемой должности в связи с реформой управления промышленностью, он и трагично переживает за уходящее, и боится нового. И в этом он остается верен себе, своим воззрениям, своей психологии. Он «настолько сросся нервами, сосудами, костями с прежним временем,— пишет А. Бек,— за которым, наверное, так и останется навек название сталинского, что уже не в силах примениться к новому, перенести смену порядков».

Вроде время неизбежно зовет Онисимова к новому, к другой системе правления, но как старая психология тянет назад! Даже совет уважаемого академика Челышева: «Бросьте себя мучить, вылезайте душой из тех времен. Чего к вам они цепляются. Перед вами еще будущее» — Онисимову принять и понять очень трудно. В душе он надеется еще на возврат к сильной, единоличной власти, к жесткой централизованной системе управления обществом.

И не без оснований. «Ничего, немного потерпите,— успокаивает академик Онисимова,— глядишь, и организуется некий Центросовнархоз или Главиндустрия. У нас любят, чтобы под рукой был человек, с которого за все можно спросить. А то и спустить с него три шкуры. Вот тогда

и скажут: «Подать сюда товарища Онисимова, как раз место для него. Я вам, Александр Леонтьевич, это предрекаю». Да! Несмотря на некоторую иронию, академик, к сожалению, оказался прав. Птица феникс вновь появилась на горизонте, когда реформы конца 50 — начала 60-х начали давать сбои. Появилось желание вернуть прежнюю систему, только Онисимов не дожил до этого часа. Вернули и что же получили? Всплеск ее, а вскоре застой. Почему? Прежняя командная система, наряду с прочим, требовала прежних — командных методов и старой психологии, а вернуть их полностью уже было невозможно, уже состоялся XX съезд КПСС, началось очищение от сталинизма, хотя он продолжал жить в запасниках сознания еще многих людей. Казарменной системе правления нужны были репрессии как способ насаждения психологии всеобщего повиновения, без этого она просто не могла бы существовать. Вспомните проявления психологии Онисимова. Перед Сталиным он, не скрывая, демонстрирует психологию раба, перед подчиненными же — психологию властного повелителя. Правда, надо отдать должное, Онисимов — хороший, даже талантливый организатор. Но и он был подавлен беспредельной и жестокой властью культа.

Какой же при этом формировалась психология народа как собственника, хозяина? Принцип иерархической зависимости от кого-то стоящего над тобой, вершащего твою судьбу лежал в основе общественной психологии.

Культ личности насаждал диктатуру всеобщего страха, формировал психологию всеобщего народного повиновения. От нее еще многое исходило. Откуда, например, в каждом из нас до сих пор сидит самоцензор, ставящий постоянно вопрос:

то ли сказал, так ли написал, что мне за это будет? Психология страха и воздержания от критики и инициативы оборачивалась на практике заповедью «не вылезай!». И это было угодно и удобно для осуществления авторитарной единоличной власти. Поэтому демократия для нашего общества есть великое целительное средство. Но похоже, и она деформируется.

Диктатура культа была осуждена, а психология страха и повиновения продолжала жить. Вот что еще совсем недавно писал в «Комсомольскую правду» А. Шляпин из Уральска: «Что нам мешает в перестройке? Отвечаю — СТРАХ. Страх, копившийся в людях годами, десятилетиями. И пока мы не изживем в себе этот страх, ни о какой перестройке не может быть и речи».

Причины приверженности командной системе заключаются еще и в психологии восприятия, в частности, в неправильной интерпретации многими людьми самого понятия «демократия». Часто ее отождествляют со слабой властью, с попустительством и анархией, отсутствием политической воли, господством толпы. В ней видят причины антиобщественных вспышек, националистических настроений. Тогда как основная причина в деформированных общественных отношениях, в низкой политической культуре нас самих.

Однако надо иметь в виду, что демократическая власть — это сильная власть. Когда достигнуто единодушие большинства, когда руководитель получил доверие масс, когда есть закон и выборные власти уполномочены народом защищать его интересы, то тут следует по необходимости и решительно власть употребить. Если же этого нет, тогда потребность в наведении порядка переходит в тоску по сильной единоличной власти. Вот

тут, очевидно, и срабатывают глубинные традиции, появляются вспышки в сфере бессознательного, переходящие в сознание, открывается банк исторической памяти. Можно ли в этом отказать людям?

Поговоришь по душам с хорошими, умными, простыми людьми и видишь: у них появляется тоска по «сильной руке», по командной дубинке (вспомним разговор с Марией Семеновной). Откуда? Вроде разумом поняли, что надо из себя выдавливать раба, жизнь доказала, что диктаторская суперсистема бесперспективна, а как до искреннего разговора дойдет, так проскальзывает потребность в «сильном государе». И недоверие к демократии.

Почему? Неужели ничему не научила кровавая власть сталинизма? Ведь столько идет публикаций, от некоторых аж мороз по коже, судороги сводят. Неужели не поняли обреченности командно-административной системы хозяйствования? Откуда такая жизнеспособность, тяга к ней и сегодня? Академик Л. И. Абалкин отмечает, что «преобладающей (не наполовину, а преобладающей) и сегодня остается административная система. И так будет до конца пятилетки. Поэтому завершения преобразований мы можем ожидать только к началу девяностых годов. С этого времени мы можем ожидать серьезных перемен в экономике»[1]. Да, прогноз не очень радостный, но, видимо, не без оснований.

Ученые Института экономики Уральского отделения АН СССР опросили более 60 руководителей крупных и средних заводов. Среди факто-

---

[1] Моск. правда.— 1988.— 23 сент.

ров торможения перестройки хозяйственного механизма на предприятии на первом месте оказалось стремление вышестоящих органов действовать старыми методами[1]. То есть стремление сохранить административную систему «сверху». На вопрос: «Имеется ли у руководителей предприятий уверенность в том, что в будущем введенные положения хозяйствования будут соблюдаться?» — ответы распределились следующим образом. «Только 15 процентов ответили утвердительно, 65 — сомневаются, 20 — уверены, что положения будут нарушаться[2]. Среди причин торможения ученые называют и такие, как «психологическая неготовность», «недоверие центральных ведомств и органов управления к экономическим методам», «требования самостоятельности оказались иллюзорными»[3]. Словом, директора кивают на центральные ведомства и министерства как приверженцев административной системы. А как сами они относятся к развитию демократии «снизу»? Опрос показал: при оценке целей перестройки хозяйственного механизма на первое место они выдвигают заинтересованность трудящихся в результатах работы предприятий, а на последнее — демократизацию, привлечение к управлению широких масс. Налицо установка: требуя от вышестоящих организаций прав для себя, директора не считают, что должны быть в той же мере расширены права подчиненных. Выходит, что и они не могут пока вырваться из плена привычек, стереотипов, исходящих от командно-админи-

---

[1] См.: Задорожный В. Н., Макаров А. В. Мнение директоров Урала//ЭКО.— 1988.— № 9.— С. 80.

[2] См. там же.— С. 81.

[3] Там же.— С. 84—85.

стративной системы управления экономикой. При этом настораживает такой факт: концепция перестройки ясна на уровне предприятия 62 процентам опрошенных, на уровне отрасли — только 19 процентам директоров, не полностью ясна — соответственно 37 и 60 процентам. Большая группа руководителей испытывает страх перед переходом предприятий на новые условия хозяйствования[1].

А как же сами трудящиеся? Многими компромиссными и непоследовательными решениями «вокруг перестройки создали,— по мнению Л. И. Абалкина,— отрицательный фон, посеяли панику, раздражение», и, оказывается, «концепция перестройки не усвоена общественным сознанием. Оно как бы скользнуло по поверхности, уловило лишь какие-то частности»[2]. А что же тогда говорить о глубинных традициях? — подумал я. До них оно, выходит, вообще не дошло. Вероятно, отчасти дошло и скользнуло больно по некоторым (плакальщики-то по командной системе — тому подтверждение), а отчасти коснулось экономики плодотворно, дало эффект (в подряде, кооперации и аренде).

Однако если оценивать состояние слома командно-административной системы, то пока еще не создано, как мне представляется, надежных заслонов на пути к ее возрождению, в том числе по причине действенности глубинных традиций народа. Чтобы не допустить этого, надо, наряду с преобразованиями в экономике, политике, идеологии, всерьез заняться преобразованиями

---

[1] См.: Задорожный В. Н., Макаров А. В. Мнение директоров Урала//ЭКО.— 1988.— № 9.— С. 83—85.

[2] Моск. правда.— 1988.— 23 сент.

в сфере общественной психологии, изучением социально-психологических факторов торможения и обновления. Но это общий призыв. А конкретно? Переделывать кому-то психологию командного администратора, кому-то — психологию раба. Очевидно, в прошлом весьма сильно действовал такой социально-психологический механизм, когда власть командной системы переходила во власть «холопства во мне». И чтобы переделывать систему, надо переделывать каждому самого себя, решительнее вырываться из власти глубоко сидящих в самом себе, во всех нас образов, представлений и мифов об этой системе.

ВЛАСТЬ АРХЕТИПОВ

Для понимания причин жизнеспособности командной суперсистемы недостаточно только исторического или философского, социологического, экономического, политологического анализа проблемы. У нас отсутствует глубокий социально-психологический диагноз общества. Но именно здесь таятся многие причины выживаемости командно-административной системы власти и управления обществом. Хранятся они в форме различных образований, заложенных в глубинах народной психологии, в особенности — в архетипах. Да, в них. Так мне думается, представляется.

Сразу замечу, что, в частности, на архетипы Юнга и других психологов следует смотреть через призму и в контексте диалектического единства: биологического, психологического и социального в человеке; сознания и психики, сознательного и бессознательного, разума и души.

Думается, что такой подход в марксистской науке бесспорен, да об этом немало написано работ, хотя есть и другие точки зрения. Одной из последних публикаций, что привлекла мое внимание, является статья В. П. Казначеева и Е. А. Спирина «Феномен человека: комплекс социоприродных свойств»[1], название которой говорит само за себя. Здесь авторы раскрывают человека как «биосоциальный вид», указывают на механизмы «психосоциальной активности», на «архаические культурные традиции» и т. д.

Почему такое особое обращение к архетипам? Потому что они, по утверждению психологов, открывают нам многие тайны душевной жизни людей. Архетип по Юнгу характеризует «коллективное бессознательное», «сверхличную или коллективную психику», которая включает в себя, как это подтверждают и ряд советских психологов, «коллективные содержания, то есть такие содержания, которые принадлежат не одной личности, а группе индивидов, народу, всему человечеству». Архетипы «упорядочивают психические элементы в образах»[2]. Особенно они примечательны тем, что характеризуют «коллективное» в психике людей, то есть отражают определенный уровень общественной психологии, в том числе посредством таких понятий, как «коллективная душа» людей или «душа народа».

Слышу вопрос: «При чем здесь командная система и какая-то мистическая «коллективная душа» или «душевная жизнь» людей?» Не торопитесь с выводами. Дело в том, что команд-

---

[1] См.: Вопр. философии.— 1988.— № 7.

[2] Какабадзе В. Л. Теоретические проблемы глубинной психологии.— Тбилиси, 1982.— С. 102—103.

но-административная система власти, действующая в России столетиями, оставила в народной психологии такой глубокий след, который отложился в ней и в виде архетипов, которые, очевидно, не раз способствовали возрождению в новых одеяниях сказочной птицы феникс. Суперсистема сформировала систему архетипов — образов в народной психологии, заложила в нее своеобразный «социальный ген». Привычка надеяться на бога, на сильного царя, на властного начальника, а не на себя, не на свой разум, ждать милости только сверху перешла со временем в архетип-миф. И как только возникал инвариант российской истории, так из глубинной психологии народа возникал данный архетип, часто действуя, как это ни парадоксально, вопреки интересам самого народа. Действует он, как мне представляется, и сейчас, в условиях перестройки. И тому можно найти объяснение, или одно из объяснений психологического свойства. Психолог М. Г. Ярошевский отмечает, что правомерно различать бессознательные формы созидательной работы в деятельности сменявших друг друга поколений. И конечно же, в формах сознательного, когда из векового бессознательного, коллективного и безличного труда поколений выделялись даже способы открытия новых научных истин[1]. Так что проблема взаимосвязи командно-монархической системы власти с архетипами не настолько банально-психологическая, как это, возможно, кому-то представляется на первый взгляд.

При переходе бессознательного (возможного сознания) в сознание и сознательное и наоборот

[1] См.: Психологический журнал. — 1988. — Т. 9. — № 5. — С. 31.

свершается, по мнению психологов, «непостижимое чудо сознания». Этим свойством обладают и архетипы как одна из психологических форм выражения коллективного бессознательного и глубинной психологии российского народа. В этой связи нельзя обойти вниманием позицию С. С. Аверинцева в отношении архетипов.

Доказывая наличие глубинных традиций в психологии российского народа, он пишет, что архетипами «невозможно не только объяснять, но даже описывать феномен национальной психологии»[1]. Согласиться с таким категоричным выводом трудно. Разумеется, не все в национальной психологии можно объяснить «древними архетипическими представлениями», тем более соотносить архетипы с такими двумя признаками, как быть Руси «всем миром, вмещающим даже рай; второй — быть миром под знаком истинной веры» и считать, что только «у нас Белый царь над царями царь»[2]. Такую «национальную» психологию, действительно, не объяснишь только архетипами. Тут, видимо, в научный анализ надо включать другие факторы. Да и сами архетипы, образовавшись, не бывают абсолютно застывшими, неизменными. Очевидно, и они, как и все в мире, изменяются, преобразуются, превращаются в нечто качественно новое.

В этом смысле мне более близка позиция академика Ю. В. Бромлея, который отмечает, что «одна из специфических черт психики каждого этнофора — наличие в ней слоя, сформировавшегося безотчетно, стихийно. Этот слой охватывает всю сферу приобретенных в данной этнической среде

---

[1] Новый мир.— 1988.— № 7.— С. 217.
[2] Там же.

установок и шаблонов поведения, слабо контролируемых разумом»[1]. При этом многие социально-психологические механизмы проявляются в таких формах, которые кажутся самопроизвольными, ибо они стихийно воспринимаются от старших поколений как естественные. И с наличием «этнически специфических черт психики людей, разумеется, нельзя не считаться»[2],— заключает ученый.

Думается, такой подход позволяет нам понять место и роль, в том числе и архетипов, их прочность, устойчивость и вместе с тем возможную изменчивость в контексте общепсихологических аспектов развития национальной психологии.

Характеристику архетипа Юнг, как это следует из его работ, связывал с такими понятиями, как «внутренний мир» человека, «участь», «внутренний голос», «внутреннее укрепление», «наличествующий дух», «душевная жизнь» и т. п. Отсюда можно понять, что архетипные представления есть то, что мы часто называем сокровенным, личностным, интимным, откуда архетип по зову внешних обстоятельств как бы «выныривает» из сферы бессознательного в сферу сознательного. Возможно, этим объясняется и то, что обычно спокойный для нас человек вдруг, как вулкан, взрывается, выплескивает массу горячих страстей. Видимо, где-то в тайнике его сознания и психики находился соответствующий архетип. То же самое, очевидно, можно сказать о коллективе, народе, нации. Это, до поры тайное, способно проявиться явно как в прямой, так и в опосредованной форме, но мотивы одни и те же. Про-

---

[1] Вопр. философии.— 1988.— № 7.— С. 22.
[2] Там же.

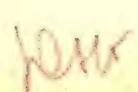
является архетип как только возникает ситуация-потребность, ситуация-стимул.

Главный герой романа В. Дудинцева «Белые одежды» Федор Иванович говорит своей будущей жене: «У нас, Елена Владимировна, в сознании всегда звучит отдаленный голос. Наряду с голосами наших мыслей. И наряду с инстинктами. Мысли гремят, а он чуть слышен. Я всегда стараюсь его выделить среди прочих шумов и очень считаюсь с ним. ...А голос — отражение наших бессознательных контактов с той сутью, которой никому не скрыть. Хотя бы потому, что эту суть сам человек в себе не может почувствовать».

По-моему, сказанное прямо относится к архетипам. Он открывается человеку чаще неожиданно. Нередко в сновидениях предстает то, чего в душе хочется или чего человек страшится. Снятся сильные, эмоционально окрашенные желания.

Вместе с тем архетипы часто выступают как мифы. Но и миф есть тоже реальность, пусть и субъективная. Архетипы как типичные способы понимания встречаются, по мнению ученых, повсюду, где мы имеем единообразие и регулярно возобновляющиеся способы понимания. При этом мы имеем дело с ними независимо от того, узнается их мифологический характер или нет[1]. Архетипы как «психические явления, выражающие глубинную суть души», «представляют то бессознательное содержание, которое изменяется,— писал Юнг,— становясь осознанным и воспринятым»[2]. По Юнгу, массы всегда живут архетипами-мифами, от которых могут избавиться лишь в переходные эпохи и то только небольшие

[1] См.: Вопр. философии.— 1988.— № 3.— С. 128—129.
[2] Там же.— С. 135.

группы людей, разрушающих старые божества.

Архетипы выступают и как корреляторы инстинктов, вместе с которыми они образуют область бессознательного. Подобно тому как разум, сознание направляют волевые акты, так и интуитивное постижение архетипа направляет работу инстинкта. В архетипе жизнь интуитивно постигает самое себя, при этом постижение «первообраза» (у нас — первообраз суперсистемы) как бы «спускает курок» инстинктивного действия в соответствующей ситуации. Но если инстинкты являются автоматическими действиями, то архетипы — условиями возможности таких действий. В последних накапливается опыт тех ситуаций, в которых бесконечному числу предков современного человека приходилось «спускать курок» именно такого восприятия и действия. Когда ситуация повторяется и для последующего поколения, то «курок» снова может быть спущен, к тому же спонтанно. При этом «архетип в себе» уже «уподобляется инстинкту» и выступает как сильный «регулятор душевной жизни»[1].

В архетипах потому аккумулируется психическое отражение опыта поколений, что в них запечатлевается опыт жизни народа и тем самым закладывается его генетический, социальный код. Архетипы развиваются, как показывает Юнг, вместе с человеческой историей и проявляются в «духе эпохи», в «народной душе». Таким образом они выступают одним из носителей духовной преемственности поколений. Ученые показывают, что ряд архетипов является «частью унаследованной структуры психики и может поэтому спонтанно

[1] Какабадзе В. Л. Теоретические проблемы глубинной психологии.— С. 103.

проявлять себя повсюду и в любое время»[1]. Задумаемся: не отсюда ли живучесть повторяющейся в разных одеждах и доспехах суперсистемы? Может, она оказывалась и оказывается угодной тайникам народной психологии?

Итак, архетипы проявляются в неких действующих образах и образцах, регуляторах поведения, мифах и символах. При этом они постепенно превращаются в догматы, которые уже не переживаются, не подвергаются сомнению, а воспринимаются на веру. Встречаем сегодня и мы некоторых людей со слепой верой в командно-административную систему, не правда ли? Утвердившись в их сознании в форме своеобразных догматов и догм, командно-административные методы до поры до времени глубоко сидят в психологии народа, как в своеобразных накопителях, и появляются на свет лишь по востребованию острой социальной ситуации. Они могут выходить наружу взрывом или действовать, как мина замедленного действия. Не выходят ли они и сейчас, когда настал трудный этап перестройки? Не драматизируя такую возможность, следует все-таки учитывать, что потребность в сильной руке, в «просвещенном монархе», способном навести порядок в родном отечестве, сидящая в архетипе, может проявиться и в стихийном бунте, и в организованном митинге, и в спонтанном действии толпы, проявиться взрывоопасно либо исподтишка брать свое «тихим сапом». И ссылка при этом внешне может быть благородная — на демократию, на известный тезис «народ того хотел» или «такова воля народа».

Действие архетипов может проявляться и в

[1] Какабадзе В. Л. Теоретические проблемы глубинной психологии.— С. 130.

форме политического идолопоклонства, угодничества, лести, раболепия. Сформировавшись как сторона естественноисторического состояния народной души, архетип воспринимает командно-административную суперсистему также естественно, поскольку он есть ее же продукт. Поэтому для того, чтобы сломать суперсистему, надо вместе с тем разрушить старые архетипы и сформировать новые убеждения, соответствующие новой политической структуре общества, в центре которой народовластие. Сделать это предоставляется возможным, лишь активно включившись в обновляющуюся политическую жизнь страны. Только при этом следует учитывать и такую реальность: когда разрушение архетипов происходит через отрицание прошлого, этот процесс всегда протекает болезненно. Так было, как показывают историки, в старой России, особенно в период осуществления реформ. Общество, утрачивающее своих богов, кумиров, свои мифы и догматы, свои идеалы, должно серьезно переболеть, чтоб обрести новое качество. Когда, например, миф-идеал рушится, человек начинает ощущать свое существование бессмысленным, особенно если нового идеала он для себя в этот период не находит. Более того, надломы архетипа в борьбе за свое существование могут, как отмечают психологи, приводить индивидов к душевным болезням, а народы — к массовым психозам.

И еще об одном качестве архетипа: он несет в себе некую социальную усредненность, штамп, уравниловку. Политологи в свою очередь подметили такую тенденцию: чем сильнее единоличная власть и централизованное большое государство, тем сильнее проявляется всеобщее усреднение. Что и необходимо архетипу, а точнее — его носи-

телю. Не отсюда ли наша приверженность к уравниловке в экономике? Не архетипами ли в том числе объясняются доносящиеся до нас факты погрома арендаторов? Ведь «архетип,— как замечает А. М. Руткевич,— властно навязывает всему обществу свои нормы, им насильственно подчиняет несогласного». Но «когда общество в целом начинает давить на своих членов, подчинять их узкому морализаторству, то усиливается бессознательная деструктивность, дикость, готовая прорваться в поведении всех подряд толп»[1]. Вот они, очевидно, и причина и следствие (или одни из) силы и слабости, живучести и бесперспективности командной суперсистемы власти. Не исключено, что чаша весов может перевесить в любую сторону. Поэтому так важно развивать демократию и вширь и вглубь.

Вот какие глубинные пласты жизни нашего народа, нашего Отечества затрагивает перестройка. Вот насколько тяжела ноша нашего социально-психологического наследия, от которого также тяжело освободиться. Неужели над нами властвует рок? Неужели демократию мы будем пить глотками, а не дышать ею полной грудью? Может, как раз архетипы, как одно из проявлений глубинных наших традиций, нам же не раз перехватывали горло? Да, конечно, в них лишь одна из причин. Но без учета ее сегодня трудно создавать гарантии необратимости перестройки всей системы власти. Сказанное об архетипах не есть нечто законченное, концептуально завершенное. Нет. Это все поиски ответов на мучительные вопросы у «философского камня», приводящие лишь к одному утвердительному умозаключению: осуществляе-

---

[1] Вопр. философии.— 1988.— № 3.— С. 131.

мая перестройка должна включать в себя и социально-психологический фактор, учитывать традиции, глубинную психологию всего советского народа и его отдельных наций и народностей, классов, групп, слоев населения.

ПСИХОЛОГИЯ НАРОДА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ

Психология народа аккумулируется в его обычаях, привычках, в отношении к сложившимся формам организации труда, быта, хозяйствования. Поэтому ее нельзя отрывать от истории, от господствующих в обществе экономических, политических и нравственных отношений и даже природной среды. И сейчас, когда мы стремимся решительно изменить свою психологию, следует учитывать, кем мы были, как мы жили и кто мы есть сейчас, какова наша психология. Надо знать, что нам перестраивать в самих себе.

Управлять психологией народа — значит учитывать каждый раз ее состояние, ее глубинные доминанты при выработке управленческих решений. «Вглядитесь в глубины народные, и вы увидите истину»,— писал Гюго. Демократизация всех сторон жизни общества сегодня настоятельно требует, чтобы при принятии крупных экономических решений, касающихся страны, союзной, автономной республики, области и даже района учитывалась психология населения. Психология народа, нации должна учитываться (о чем подробно будет сказано ниже) при разработке экономических реформ, перспективных программ, например по развитию научно-технического прогресса. И здесь не грех, как я думаю, поучиться у развитых капиталистических стран, а не

смотреть им с завистью в рот и не скупать за валюту или золото технику, а самим производить ее не хуже. Неужели в нас не осталось гордости?

Капиталист вынужден считаться с психологией своей нации, конечно, имея в виду свои интересы, а нам-то при социализме сам бог велел этим заниматься. Капиталисты давно считаются с тем, что «хозяйственное поведение передовых наций» отличается друг от друга в зависимости от тех характерных черт, которые «коренятся в темпераменте этих наций»[1]. Они сравнивают социально-психологические черты француза, американца, англичанина и изучают их связь с успехами или спадами, то есть с цикличностью развития экономики.

О французах буржуазные ученые говорят, что они обнаруживают меньше деловой предприимчивости, чем американцы, которые имеют склонность ставить себя в этом отношении на первое место. По-видимому, французы не имеют слишком большой склонности к азарту предпринимательства. Они стремятся бережным ведением своего дела по проложенным путям обеспечить состояние, затем уйти от дел и поместить свои накопительства в ренту. Может быть, этим, как, в частности, замечает У. К. Митчелл, в значительной мере объясняется то, что циклические колебания во Франции имеют сравнительно узкие рамки и редко сопровождаются серьезными кризисами. Можно было бы без труда, по его мнению, пойти в этом направлении дальше, указывая на многочисленные отличия в хозяйственном поведении, которые, по общему мнению, характеризуют северных и южных американцев,

[1] Митчелл У. К. Экономические циклы.— С. 182.

японцев и китайцев, русских и скандинавов. И далее делается очень важный, на мой взгляд, вывод: «Не подлежит сомнению, что всякие отличия в национальном темпераменте обязательно оказывают влияние на всю экономическую жизнь указанных народов»[1].

Давайте с этих позиций честно, глядя в глаза друг другу, посмотрим на себя. Найдем ли мы хоть одну книгу по экономике и организации производства, по планированию, по философии или социальной психологии, где бы давались рекомендации по развитию нашей многонациональной экономики с учетом психологии наций? Есть ли в методиках Госплана, хоть одной строкой, рекомендация по учету психологии нации той или иной республики, скажем, в части размещения производительных сил? Нет ли здесь своеобразного штампа и уравниловки? Национальная психология — дело очень тонкое.

Да, несомненно, приоритет за общенациональными экономическими интересами, за интересами новой исторической общности, которую мы называем советский народ. Его интерес — это интерес Союза Советских Социалистических Республик. Единый народнохозяйственный комплекс — залог единства и мощи страны, экономический фактор прочного союза наций. Беречь его — святое дело для всех нас. Но это не противоречит диалектике общего и особенного в многонациональном обществе. Ведь есть особенности культуры, традиций, а значит, психологии каждой нации, о чем хорошо сегодня всем известно. Так почему в экономике мы этого не должны учитывать? А если и учитываем, то пока слабо. Конечно, опасны крайности, когда экономические интересы

---

[1] **Митчелл У. К.** Экономические циклы.— С. 182.

той или иной нации обособляются. Здесь, как подсказывают наука и практика, должно быть единство многообразия. Думаю, что надо исходить из диалектики объективных интересов, как это было выше сказано о диалектике личных и коллективных интересов. Учет национальных психологий и психологии общенациональной в принятии управленческих решений есть важнейший фактор развития экономики и демократизации экономической власти.

У нас уже привыкли удивляться успехам японской экономики. Только чему чаще удивляются? Специалисты — технике, экономисты — экономическому чуду. И реже обращают внимание на то, как умело японцы используют во благо своего процветания свои «социальные гены», свои традиции, свой образ жизни, свою традиционную психологию. Они ее не перестраивают, а достраивают. Нам же действительно сейчас надо перестраивать, даже во многом восстанавливая и утраченное.

Сами же японские исследователи на весь мир гордятся тем, что успех их экономики во многом определяется учетом в управленческих решениях национального характера. Так, экономист Масанори Моритани пишет, что они обязательно учитывают, чтобы, например, «качество изделий отражало японский интеллектуальный и эмоциональный строй и было бы предельно глубоко связано с духом и культурой нации»[1]. Вдумаемся и сделаем выводы. Думаю, правда, если сказать нашему управленцу-технократу об этом (без ссылки на японского ученого), так ведь, чего доброго, еще высмеет, в лучшем случае мимо ушей пропустит.

[1] Современная технология и экономическое развитие Японии.— М., 1986.— С. 146.

А в Японии «творческое начало невозможно развивать», не беря в основу «особенности национальной психологии». Они делают ее «стержневым элементом в исследовательской работе» для того, «чтобы этот японский подход стал реальной силой». И даже учась на примерах США и Европы, Япония, как подчеркивает Моритани, «идет своим собственным путем в соответствии с обычаями и устоями японского общества»[1].

Как тут с сожалением не скажешь о таком печальном проявившемся среди наших управленцев психологическом механизме, который называется подражанием. Подражание загранице и потеря своего честолюбия. Чести марки «Сделано в СССР». Что, у нас нет своего национального характера, своей гордости, своей мастеровитости? Или есть, но управленцы не берут нашу народную психологию в расчет?

Японцы называют себя страной группового поведения. А как мы себя можем назвать, какую социально-психологическую черту выделить в самих себе, которая бы нас отличала от других народов и наций и вместе с тем объединяла с ними в плане обмена общечеловеческими ценностями?

Когда я начинаю думать об «экономическом характере» российского человека, о его экономической психологии, о его умении вести хозяйство, то вспоминаю произведения русских демократов, писателей, чаще всего Некрасова, Чехова и Льва Толстого. И открываю противоречие: широта характера русского человека и вековая закованность в хозяйственные путы. Не было этой широте простора для проявления хозяйской сметки.

И когда говорят о русском человеке как о пло-

[1] Современная технология и экономическое развитие Японии.— С. 141.

хом работнике и никудышном хозяине, да еще со ссылкой на Ленина, то просто забывают историю, не учитывают, что такое народная психология, как она складывалась, менялась. Да и высказывания Ленина при этом, как не раз убеждаешься, интерпретируют так, как выгодно бывает. Цитируют одну часть ленинского тезиса «Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями». И все, ставят точку, делают заключение. А далее текст, где Владимир Ильич дает этому факту историческое объяснение, опускают. «И это не могло быть иначе,— отмечал он,— при режиме царизма и живости остатков крепостного права»[1]. Но психология русских, как и других народов, не была односторонней и неизменной. За годы Советской власти она претерпела качественные сдвиги. Познать их — наша задача. Надо нам реально смотреть на самих себя, знать и прошлое во имя будущего. Ничто самое великое в мире не развивалось вне диалектики — рядом с добром всегда уживалось зло, положительное боролось с отрицательным, новое — со старым. И наверное, одним из самых совестливых качеств любой нации является скромность, трезвый взгляд на самого себя и желание изжить свои недостатки, стать лучше. Скажем, в прошлом у «великороссов» в их экономической психологии были плюсы и минусы. Так, наряду с расчетливостью, с умением «делать загад» имели место игра в «авось» и «умение жить задним умом». Вот что писал о характере русского человека историк В. О. Ключевский, труды которого получили сегодня у нас как бы свое новое рождение: «Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 189.

отразившаяся в нем природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу погоды каприз собственной отваги». Вот она, диалектика русского, российского характера, который есть, оказывается, еще и часть природы. И далее Ключевский отмечает, что «эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось... Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед... Это умение и есть то, что мы называем задним умом».

Прочитал последние строки еще и еще раз, и что-то грустно стало. Может, и застой от «заднего ума»? Неужели, думаю, и впредь будем в экономике жить этим же умом? Нет, решил про себя, ведь это про какие времена — Россия была крепостная и неграмотная. Да и командно-административная суперсистема никогда не нуждалась в общественном экономическом сознании, в экономической просвещенности народа. Более того, она ей была противопоказана, иначе у народа мог голос прорезаться, неподчинение суперсистеме могло появиться. Но даже и тогда русский крестьянин, как известно, хорошо владел загадом, умением смотреть вперед. Конечно, не все, но была мудрость, хотя и не было столько дипломированных людей. А ныне-то у нас всеобщее среднее, ученых много, мощный аппарат Госплана, министерств и прочих ведомств, значит, умение

жить задним умом должно уйти в прошлое. Но жизнь-то не обманешь, если повнимательней присмотреться, то наряду с хорошими приобретениями по-прежнему сидит в нашей психологии «умение заднего ума». Признаемся честно, в экономике, на уровне массового общественного сознания мы пока слабоваты. Высокоэффективное использование общенародной собственности закономерно требует высокого уровня общенародного общественного сознания, впитывающего в себя процессы объективной концентрации и специализации производства, дифференциации и интеграции отраслевых и общегосударственных, национальных и интернациональных экономических интересов.

Писатель Василий Белов, анализируя в «Правде» письма-отклики, отмечает, что читатели высказываются по поводу национального своеобразия сельскохозяйственного труда. Это своеобразие, как замечает он, эти «особые национальные традиции» сельских тружеников необходимы не только русской, украинской деревне. Их нужно «восстановить и развить всем крестьянам: молдавским и белорусским, грузинским и армянским, эстонским и башкирским»[1]. Вместе с трудовыми национальными особенностями, справедливо считает писатель, крестьянин сохранит и упрочит национальную культуру своего народа, своей республики. Развитое и мощное сельское хозяйство республик и регионов страны стабилизирует не только экономику всего народного хозяйства, но и сделает устойчивыми национальные отношения.

Действительно, видя общие, считаясь с обще-

---

[1] Правда.— 1988.— 22 окт.

социологическими, общеэкономическими закономерностями развития единого народнохозяйственного комплекса, необходимо брать во внимание и специфические особенности вековых традиций той или иной нации. Правда, не все, ведь есть среди них немало таких, от которых надо решительно отказываться. Особенно это касается архетипов старой экономической психологии. Именно они как некий внутренний голос подчас не дают развернуться человеку, держат его в своих духовных цепях, хотя он вроде разумом понимает, что нельзя жить, хозяйствовать сегодня по-старому, время обнажило несостоятельность командной экономики. Однако на психологическом уровне мучают сомнения, засевшие глубоко в сознании и подсознании, вбитые сюда командной системой. Современного селянина призывают, агитируют заводить богатое подворье, брать в аренду землю, а внутренний голос (когда индивидуальное и коллективное бессознательное переходит в сознание) одолевает сомнение: не получится ли как с моими дедами и отцами, не повесят ли потом ярлык «кулака», «единоличника»? Современного горожанина в кооперативы зазывают, кредиты предлагают, к предприимчивости взывают, а внутренний голос шепчет: а не вернемся ли вновь к всеобщему огосударствлению собственности?

Думается, отчуждение от общественной, государственной собственности произошло у нас даже на уровне глубинной общественной психологии. Всеобщее всеохватывающее огосударствление собственности, подчинение ее командно-административной системе сформировало архетип, где социалистическое, государственное ассоциировалось с вековым «казенным», к которому всегда

было отношение как к чуждому, не моему, не нашему.

При командной экономике низам вроде и хорошо, думать не надо. Тем более что многим думающим-то на глазах народа хребет в свое время поломали, другие больше уже не высовываются. А разве уравниловка не по душе некоторым, ведь иначе напрягаться надо, а тут вроде всем из общего котла поровну, хоть и не много, но жить-то можно. При хозрасчете же самим зарабатывать надо. Раньше у прибыльного хозяйства весь доход — в общую казну, а из нее и на покрытие нерентабельности других, давали им часто не просто в долг, а в своеобразный бесплатный кредит, потому что со временем государство его списывало с должников, оно ведь общей-то казной было богато. Все это имеет свои психологические последствия. Не потому ли у некоторых так и получается: на собрании да на словах — за хозрасчет, а в душе, наедине с собой — сомнения, особенно у тех, кто работать не привык.

Неприятие определенной частью людей слов «конкуренция» или «предприимчивость» в социалистической экономике, может, тоже засело глубоко в народную психологию. Или слепая вера в силу плана — чем не архетип? А индустриализация психологии нашего мышления — разве не сидит она в печенках? Сколько говорим, а группа «Б» все остается «на задворках».

Однако справедливости ради следует заметить, что не все приобретенные за столетия традиции, архетипы, стереотипы, привычки несут в себе негативный заряд. Не все уж так плохо было в российской истории. Следует и сегодня учитывать лучшие экономические, трудовые традиции наших народов. Главный субъект исторического процес-

са — народ, и хотя он был столетиями повязан командно-административной суперсистемой, все-таки свой талант, свое свободолюбие он сумел в меру возможного проявить. Так что были и есть в тайниках его глубинного самосознания такие архетипы, традиции, что могут и сегодня сослужить великую службу экономической реформе. Академик Ю. В. Бромлей справедливо отмечает, что «ныне в условиях экономической реформы вряд ли следует игнорировать самобытность производственных, трудовых традиций народов нашей страны»[1].

Возродить лучшие традиции, архетипы, социально-психологические черты характера народа очень и очень непросто, ибо рядом и ближе находятся привычки от командной экономики. От нее многие сложности и трудности перестройки. Правы те авторы, кто замечает, что сложившиеся отношения собственности сформировали тип социального иждивенца, массовую иждивенческую психологию.

При обновлении экономики действительно «изменениям в жизни должны предшествовать изменения в сознании. Похоже, тут-то и кроется опасность для перестройки,— замечает Василий Селюнин.— Радикальный ее вариант, единственно способный оздоровить экономику (и не только экономику), пока трудно укладывается в головах. Слишком глубоко укоренился в нас тот предрассудок (думаю, что не только на уровне предрассудка, а глубже — в архетипах.— *В. П.)*, что власть государства над производительными силами — безусловное благо, прямо-таки императивное требование исторического процесса. Этому

---

[1] Вопр. философии.— 1988.— № 7.— С. 22.

предрассудку не семьдесят лет, он гораздо старше»[1]. Да, это надо учитывать сегодня. Не отсюда ли, как замечает В. Селюнин, «инстинктивное предпочтение привычно, традиционно», тоска по сильному «хозяину» от командной суперсистемы? Не отсюда ли факты современной реальности, где «консерватизм бюрократии сомкнулся с настроениями низов»[2]. Подтверждение тому — наличествование глубинных традиций в народной психологии. Здесь мы затронули лишь часть условий их существования.

На этом сложившемся фоне нашей экономической жизни правомерно сделать заключение: без связи экономической реформы с общественной психологией, с самосознанием народа, без переделки последних перестройка будет серьезно буксовать.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Обратимся к статье известного публициста-экономиста Василия Селюнина «Истоки»[3]. Его публикации всегда дают серьезную пищу для размышлений. В «Истоках» он дает интересный анализ основ системы хозяйственного управления в дореволюционный период и в советское время в контексте современной перестройки. Автор показывает, что в те периоды, когда российскому работнику предоставлялась экономическая свобода, условия для предприимчивости, когда действовали не угрозы, не принуждение, а экономические стимулы, то есть когда допускалась экономическая демократия, тогда наблюдался взлет экономического прогресса, хотя и кратковременно-

---

[1] Новый мир.— 1988.— № 5.— С. 180.
[2] Там же.— С. 189.
[3] См.: Новый мир.— 1988.— № 5.

го, подчас локального. И наоборот, когда всю экономическую власть брала в свои руки жестко централизованная структура управления, тогда в конечном счете темпы экономического роста были ниже возможных, хотя на первых порах иногда и высокими. Для командной экономики неизбежно требовалась психология всеобщего повиновения и страха, ей всегда нужен был огромный административно-бюрократический, даже репрессивный аппарат. И он создавался. Такая система быстро набирала темпы и также быстро заходила в тупик, поскольку она в принципе негибка, неповоротлива, поскольку не включает в себя экономические, очеловеченные (в том числе психологические) механизмы саморегулирования, в особенности такие, как личный интерес, стимулы, мотив, массовую заинтересованность.

Селюнин, приводя данные из нашей экономической истории, еще раз убеждает в наличии адекватных такой системе архетипов, сформировавшейся за века глубинной психологии. Историки экономики давно заметили, что Россия всегда больше тяготела к государственному регулированию хозяйства, чем Запад[1]. Обращаясь к выводам ученого Ричарда Пайпса, Селюнин замечает, что «стереотип россиянина: люмпен в экономическом смысле, он неизбежно является рабом государства в политическом отношении». Российский рабочий, это уже по заключению М. Туган-Барановского, «совершенно отвык от свободной деятельности и первое время после освобождения совсем потерял голову». Но «вольные фабрики», как доказывает Селюнин, ссылаясь на реформы, в частности реформу 1861 года, действовали успешнее, чем «обязанные», государ-

[1] См.: Новый мир.— 1988.— № 5.— С. 184.

ственные. При этом «экономика, словно гири с себя стряхнув, круто пошла в гору»[1].

Какие архетипы глубинной психологии советского человека можно использовать по-деловому в интересах современной экономической реформы? Что демократического в части хозяйственной практики можно взять из прошлого для настоящего, придав ему, естественно, новое, современное звучание? Или экономическая история и психология народа не имеют для нас уже никакой ценности? Поиск ответа на эти вопросы и заставил обратиться к современным публикациям ряда авторов, в том числе и к упоминавшейся здесь статье Василия Селюнина. Дело в том, что он пытается показать, какую «негативную роль играла знаменитая русская община в российской экономике»[2]. С таким однозначным выводом трудно согласиться. Автор рассматривает общину только с одной стороны — как носителя отрицательных традиций, тогда как «знаменитая русская община» (действительно знаменитая) несла в себе и глубокие традиции весьма прогрессивного порядка, особенно в плане сочетания демократии и высокого экономического порядка, свободоволия, дисциплины и эффективной работы.

Известно, какую роль русская община сыграла во взглядах идеологов революционного народничества (П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева), которые считали общину идеалом русского народа, видели в ней зародыш будущего общества. Близкими к ним были экономические концепции либерального народничества и убеждения их носителей (Н. Ф. Даниельсона, В. П. Воронцова и других), которые также идеализировали кре-

[1] См.: Новый мир.— 1988.— № 5.— С. 183, 185.
[2] Там же.— С. 185.

стьянскую общину, «народное производство». Они считали, что в России социализм будет утвержден не через диктатуру пролетариата, а через крестьянскую общину.

Поэтому, если иметь в виду только эту — патриархальную сторону общины, да еще как единственную основу социализма, то в этом смысле с Селюниным можно согласиться. Однако это будет однобокое суждение.

Известно, что Чернышевский резко критиковал сторонников идеализации общины, в том числе Герцена. Он считал, что сохранение в неизменном виде общины — выражение экономической отсталости России. Но тем не менее Чернышевский также считал, что Запад имеет свою дорогу к социализму, а для России исходным пунктом социалистического преобразования может стать община, но наряду с развитием крупного машинного производства. А мы что, не социализм разве строим?

Ленин осудил «крестьянский социализм» революционного народничества и «мещанский социализм» поздних либеральных народников. Но он также учил не забывать об исторически реальном содержании народничества и его взглядов на общину.

В работах же Плеханова, как отмечают исследователи развития экономической мысли, имелись и ошибки в оценке происхождения общины, то есть первоприроды, онтологического ее значения, которое уходило в вековые традиции российского народа.

Очевидно, Селюнин в оценке общины опирается на опыт тех из них, которые административными мерами насаждались сверху. И такой опыт имеется в нашей экономической истории. Однако были

общины и другого порядка. Возьмем, например, общины донских казаков. Казаки, как известно, это свободные, независимые люди, чаще бывшие крепостные, бежавшие из неволи. Вырвавшись на свободу, они создавали общины. Демократическим путем выбирали атамана (неформального лидера) и «круг» (нечто подобное совету трудового коллектива). Многие общины имели свой «завет» (устав). Вот, к примеру, некоторые из заветов общины Ивана Игнатьева, с которыми я ознакомился в Музее истории жизни казаков в Старочеркасске Ростовской области.

Их опыт вряд ли можно оценивать только как негативный. Судите сами. В «завете» общины, в частности, записано: «Казаку на казака не работать», «власть в общине принадлежит кругу», «каждому рукомесло иметь, трудиться» и т. п. Что плохого в этих принципах жизни общины? Казачьи общины отличались свободолюбием, неприятием самодержавия. Община Ивана Игнатова, например, ушла от ненависти к царизму в Турцию. У нее был один из главных заветов: «Царю не покоряться, при царизме в Россию не возвращаться». Но тяга к Отчизне вернула казака через полтораста лет в Россию, это уже было в наше время — в 60-е годы. Говорят, что и поныне это крепкие хозяева и хорошие, сплоченные работники. Они сохранили, пронесли через столетия часть своих глубинных традиций, сложившихся в общине. Так что община общине рознь.

Писателя Бориса Можаева спросили: в чем же причина «неудачи» нашего сельского хозяйства, может, в общинной традиции русского крестьянства? Он ответил, что община тут ни при чем. Общинный строй крестьян старше нашей государственности. До введения крепостного права и

госпоборов община носила прогрессивный характер. Вольные хлебопашцы, объединенные в общины, снимали немыслимые урожаи по тому, да и по нынешнему времени. Писатель приводит такой факт: урожай на Окской пойме и особенно в Рязанском княжестве до введения крепостного права был 60 центнеров с гектара[1]. Всякую хорошую идею можно реализовать по-разному, можно и до абсурда довести. Для жизнедеятельности общины нужны были соответствующие социальные условия, особенно нужна настоящая демократия, и прежде всего демократия экономическая и, конечно же, политическая. Не стоит общинную традицию российской экономической истории абсолютизировать, копировать, тем более насаждать другим нациям, у которых имеется своя самобытность, свой образ жизни. Скажем, разве не следовало считаться с тем, что одни веками жили в деревнях, вторые — в станицах, третьи — на хуторах, четвертые — в аулах? Отсюда — разный образ хозяйственного поведения, который складывался тоже веками.

Думается, что и сегодня полезно было бы использовать и некоторые принципы жизнедеятельности русской общины, и глубинные традиции других народов СССР, обратить их во благо перестройки. Создаваемые ею социальные условия этому способствуют. Ясно, что требуется не простое их воспроизведение, это было бы чистой утопией, а новое качество коллективного труда. Труда спорого, дружного, высокоэффективного. В самом деле, почему бы не обогатить себя знанием тех богатств, которое выработал наш народ в этой области своего экономического бытия?

---

[1] См.: **Можаев Б. Ориентир — только правда!//Лит. газ. — 1988. — 2 нояб.**

Забегая вперед, посмотрим под этим углом зрения на арендный, семейный подряд, на полный хозрасчет в колхозах. Очевидно, эти нарождающиеся методы хозяйствования тогда по-настоящему заработают, когда они в новом качестве возродят глубинные корни русской общины и других прогрессивных традиций. Ведь коллективизм, чувство локтя — это тоже и традиция нашего народа, и одна из сторон социалистических экономических отношений и неотъемлемых от них отношений социально-психологических. Ведь антоним коллективизму (естественно, демократическому) есть индивидуализм. Неужели это наш путь? Заметим: сегодня в мире, особенно в Европе, преобладающей является тенденция к интеграции экономики, к объединению. Думаю, что лучший путь — диалектическое, демократическое сочетание индивидуальной и коллективной, интеграционной хозяйственной деятельности. Впрочем, на это и нацелена экономическая реформа, только многие хорошие традиции утрачены, поломаны.

Хотели бы мы того или не хотели, а общественная жизнь развивается по спирали. Вчитаемся внимательно в Закон о кооперации, и мы увидим в нем, в частности, отражение принципов работы артельной формы труда. Движущие силы исторического процесса управления экономикой жизни общества находятся прежде всего в народе, а не в конторах.

Посмотрим, что же все-таки из себя представляли артели?

Известный русский ученый А. Н. Энгельгардт, пользовавшийся, по оценке В. И. Ленина, прочной симпатией читающей публики, рассказывает в своих письмах о «наших граборах, как об одном из самых интереснейших, интеллигентнейших и

самобытных типов артельных рабочих»[1] конца XIX века. «Каюсь,— признавался Александр Николаевич,— что ужасно люблю наших граборов или, лучше сказать, граборские артели». За что же он их любит? «В них есть что-то особенное, благородное, честное, разумное, и это что-то есть общее, присущее им только как артельным граборам»[2]. Энгельгардт горячо отстаивал идеи коллективного земледелия в форме артели. Он был убежден, что «будущее принадлежит хозяйствам тех людей, которые сами будут обрабатывать землю и вести хозяйство не единолично, каждый сам по себе, но сообща»[3]. Артельное экономическое поведение, артельная психология имели свои устои, делающие человека порядочным, дисциплинированным работником без лишних назиданий. «Человек может быть мошенник, пьяница, злодей, кулак, подлец, как человек сам по себе, но как артельный грабор честен, трезв, добросовестен, когда находится в артели». Артельные мужики выполняли преимущественно земляные работы. Труд тяжелый, но «все хозяйственные работы граборы исполняли хорошо, потому что они сами хозяева»[4].

Когда говорят, что русские испокон веков привыкли исполнять работу «тяп-ляп» и вот поэтому у них низкое качество продукции, не верьте этому сразу и сполна. Послушайте лучше знатока русского мужика-артельщика. Замечательно еще и то, как подчеркивает Энгельгардт, что граборы обладают большим вкусом, «любят все делать так, чтобы было красиво, изящно». Для работ

---

[1] Энгельгардт А. Н. Из деревни...— С. 341.
[2] Там же.
[3] Там же.— С. 25.
[4] Там же.— С. 341—342.

в парках и садах, при расчистке пустошей «граборы — просто клад. Даже немцы-садовники, презирающие «русски свинь мужик», дорожат граборами». Артельный работник «сделает все так хорошо, с таким вкусом, с такой аккуратностью, что даже немец удивляться будет»[1].

Оказывается, слово «артель» вошло в обиход уже в XV веке. Артельная форма организации труда веками жила в России. И до чего же удивительно было узнать, что несколько десятков крестьянских артелей в конце XIX века на строительстве Великого Сибирского пути творили экономическое чудо. В 1891 году в начале стройки было занято 9600 человек, на завершающем этапе 5300. За 10 лет проложено 7,5 тысячи километров пути. Все работы велись с помощью топора, пилы, лопаты и тачки. Несмотря на это ежегодно прокладывалось 500—600 километров железнодорожного пути. Таких темпов не знала история[2]. Не верится. Сейчас, в век НТР, не верится. Чудо да и только. Какая производительность — на одного человека приходилось в среднем километр построенного пути. Правда, здесь у меня рождались и сомнения, когда я читал некоторые публикации, обожествляющие артели. Вспомнились в этой связи произведения Некрасова, помните — о «косточках русских», на которых была построена Николаевская железная дорога. Хотя время разное и, видимо, не очень сравнимое, но принцип «любой ценой» — не жизненный, не естественный для человека, не гуманный.

Для нас интересна социолого-психологическая сторона экономической жизни артели.

---

[1] Энгельгардт А. Н. Из деревни...— С. 344.

[2] См.: Залужная Д. В. Транссибирская магистраль.— М., 1980.— С. 14.

Что объединяло людей в артели? Что означало «работать сообща»? Вадим Кожинов не без иронии замечает, что «люди в артели подбирались так, как сейчас подбирается разве только сборная СССР по хоккею»[1]. Привлекает больше всего другой его вывод: в артели «была высшая форма трудовой демократии, где каждый имел полноправный голос», а их жизнь основывалась не только на деловых, но и на богатых нравственных принципах. Главное, что «трудовые возможности людей раскрывались в артели ни с чем не сравнимой силой и полнотой»[2]. Особенность русской, российской экономики (пусть не примут это за национализм, такие ярлыки мы тоже научились быстро приклеивать) состоит, очевидно, в том, что в ней испокон веков труд и нравственность были неразделимы. Да и как уйдешь от вечного философского вопроса о единстве материального и духовного производства и вытекающего из него — единства экономики и морали? Разумеется, не стоит в этом смысле обожествлять артель и бросаться сегодня в крайность — в ее абсолютное повторение. Но корней своих рубить тоже не надо.

Кроме артели, была еще и кооперация. В ней тоже отразилась российская традиция. Оказывается, не случайно (если посмотреть теперь уже с этих позиций) В. И. Ленин говорил об «исключительном значении» кооперации для «русского населения»[3]. Ведь «на 1 января 1917 года было 63 тысячи всех видов кооперативов, которые объединяли 24 миллиона человек»[4].

---

[1] Наш современник.— 1987.— № 10.— С. 169.

[2] Там же.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 45.— С. 369.

[4] Большая Советская Энциклопедия.— М., 1973.— Т. 13.— С. 107.

В связи с оценкой кооперации, артельного характера труда, общины высказывают еще одно мнение, которое нельзя здесь обойти. Говорят, что труд российского мужика эффективен тогда, когда он индивидуален, и ссылаются на опыт единоличных хозяйств, на зажиточность кулаков до коллективизации. Замечал эту сторону в психологии крестьянства в свое время и Энгельгардт, только считал ее не определяющей. Определяющая тенденция — работать сообща. «Иные даже полагают,— отмечал ученый,— что сделать что-нибудь сообща противно духу крестьянства. Я с этим совершенно не согласен. Все дело состоит в том, как смотреть на дело «сообща»[1]. То есть какой форме организации работы «сообща» российский крестьянин отдавал предпочтение. Противно крестьянам делать «что-нибудь сообща, огульно», когда работу трудно учесть. «Но для работ на артельном начале, подобно тому как в граборских артелях, где работа делится и каждый получает вознаграждение за свою работу, крестьяне соединяются легко и охотно»[2]. Легко и охотно соединяются! Почему? Еще и потому, что в характере мужика было развито «чувство локтя» и даже бескорыстного братства.

К письмам А. Н. Энгельгардта не раз обращался В. И. Ленин, когда искал новые формы обобществления. Лениным двигало стремление познать глубины народной жизни, трудовые традиции, национальный характер экономических отношений. Вспомним, например, его труд «Развитие капитализма в России». «Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчест-

[1] Энгельгардт А. Н. Из деревни...— С. 353.
[2] Там же.— С. 354.

ва»[1]. Может, поэтому Владимир Ильич так метко вычленил из нэпа будущий и «преобладающий тип» хозяйствования — хозрасчет, ведь и община, и артель, и кооперация несли в себе многие его черты. Главное — в большинстве этих форм хозяйствования наиболее удачно сращивались личные и коллективные интересы людей.

Думается, что в хозрасчете нашли свое продолжение, но уже в новом качестве, экономические, трудовые традиции, дух коллективизма, присущие экономической психологии российского народа, но уже в условиях социалистического хозяйствования, а точнее — в поисках создания новой системы такого хозяйствования. И нэп, видимо, оказался крупным экспериментом для такого поиска. Хозрасчет, как мне представляется, вырос не только из нэпа, но и из народных коллективистских традиций.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Поставим вопрос так: кем мы были и что с нами происходило?

Были мы преимущественно крестьянской страной, где еще до конца прошлого века господствовало крепостное право. В России накануне Октябрьской революции в народе господствовала крестьянская, мужицкая общественная психология, хотя все сильнее давала о себе знать психология набирающего силы рабочего класса и передовой революционной интеллигенции. Находясь веками в бесправном, нищенском положении, крестьяне тем не менее не теряли корней своего национального характера. Не утратили они и силы духа, и удали, и свободолюбия, и широты души, которые,

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 35.— С. 61.

как мне кажется, сыграли свою роль в революционно-демократическом движении в России, в Октябрьской революции 1917 года. Следует учитывать, что и рабочий класс формировался во многом из крестьян.

Конечно, крестьянство не могло сразу же освободиться от холопской психологии. Вспомним Маяковского: «Нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди». До переделки ли этой психологии было, как многие считали тогда и еще долгое время после, ведь новое общество строим! А кому-то холопская психология была на руку, на ее основе проще было создать культ и командную систему правления. Хотя в ней, в этой же холопской психологии, были уже серьезные прорывы. И о них тоже не следует забывать.

В период индустриализации и коллективизации при всех надломах и перегибах формировалась новая психология, в основу которой закладывался социалистический коллективизм. Наша история — это и драматизм демократизма. Это диалектика побед, взлетов и трагических переживаний. Это море возвышенных страстей и горьких людских слез. И все это было и жило в экономике, вытекало из экономики, определяло экономику. Историю человеческой психологии нельзя оторвать от истории экономики. Меняется экономическое бытие — меняется психология мышления, формируется иной социально-психологический тип личности. Может, затянувшийся примат производства ради производства и дефицит в сфере потребления, надломы в духовности и жестокое подавление личности командной экономикой и политикой соседствовали не случайно? Как понять связь экономического прорыва и духовного взрыва в народе с жестокими репрес-

сиями этого же периода? Отгадка заключается, очевидно, в характере этого же — советского народа.

Все ищем экономическое чудо у других и порой не замечаем, что наше-то собственное — было чудо из чудес, каких, может, больше не бывало. Как бы мы ни оценивали этот период, но надо все-таки признать, что советский народ свершил трудовой подвиг всемирно-исторического значения. Индустриализация (опять при всей неоднозначности ее сегодняшних оценок) мощным рывком вывела страну по выпуску промышленной продукции на первое место в Европе и на второе в мире. А в чем секрет этого? Что за сила, которая смогла свершить такое сверхчудо? Секрет в том, что «революционный порыв масс учитывался как составляющая экономического роста» — сила, в которой выразился революционный дух Октября. Жизненность социализма «нашла свое выражение в том поразившем мир энтузиазме, с которым миллионы советских людей включились в строительство советской индустрии. В тяжелейших условиях, при отсутствии механизации, на полуголодном пайке люди творили чудеса»[1].

Для многих и сегодня сложнейшая загадка: как мог уживаться массовый энтузиазм с практически параллельно развивающимся процессом, когда «в стране создается атмосфера нетерпимости, вражды, подозрительности», и «культ личности, и нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов», «настоящие преступления на почве злоупотребления властью»[2]. Видимо, некоторые секреты заложены и в народной психологии. Особенно в психологии восприятия культа. Образ

---

[1] Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается.— М., 1987.— С. 18.

[2] Там же.— С. 21.

его божественности и всемогущества умело внушался народу, окутывалось пеленой «любви к народу» общественное сознание, чему, вероятно, помогала и прежняя глубинная психология, основанная на вековых традициях самодержавной власти. Возможно, слепая вера в «царя-покровителя», остатки рабской психологии и позволяли за спиной доверчивого народа проводить зверские репрессии. А он в это же время с энтузиазмом штурмовал, казалось бы, неоправданно завышенные планы индустриализации. Почему? В общем, нужны глубокие исследования. И они уже появляются. Так, экономист О. Лацис показывает, как сталинизм «отразил объективные черты социальной психологии эпохи, и прежде всего революционное нетерпение молодого рабочего класса, рвавшегося из отсталости к достойной жизни»[1]. Но этого явно недостаточно. Особое место в нашей экономической истории занимают нэп и хозрасчет.

В хозрасчете удачно соединились, как мне представляется, принципы работы российской артели и кооперации с потребностями новой жизни. Уже к середине 20-х годов 80 процентов предприятий государственной промышленности работали на хозрасчете. В 1923 году работали 478 хозрасчетных трестов: 133 центральных, подчиненных ВСНХ, и 345 местных. Они работали в условиях самофинансирования[2]. На государственном снабжении оставались тогда лишь особо важные крупные заводы и предприятия оборон-

[1] Лацис О. Проблема темпов в социалистическом строительстве//Коммунист.— 1987.— № 12.— С. 90.

[2] См.: Федоренко Н. П., Перламутров В. Л. Хозрасчетные отношения — динамика и перспектива//Вопр. философии.— 1987.— № 2.— С. 4.

ной промышленности. Объемы производства росли на десятки процентов в год. Вместо катастрофически падающих в цене совзнаков вошли в оборот червонные рубли — «одна из самых крепких мировых валют того времени. Хозяйство из полностью дефицитного стало сбалансированным — товарное предложение покрывало спрос»[1].

С начала 30-х годов хозрасчет постепенно сворачивается. О причинах этого сегодня много публикаций. Можно согласиться с В. А. Козловым в том, что «прошлым нельзя командовать, оно признает только одну форму взаимоотношений — с ним нужно считаться и его нужно правильно понимать, независимо от того, нравится оно нам или нет»[2].

Сам Козлов замечает, что серьезный исторический анализ хозяйственного механизма 20-х годов способен дать современной практике гораздо больше, чем просто напомнить бесспорную истину о выгодности хозрасчета. Дело в том, что исторический опыт показывает и «ограниченность трестовского хозрасчета»; все же хозрасчет был тогда неглубок, он «не доходил не только до отдельного рабочего места, но даже до предприятия, прибыль которого обезличивалась в едином балансе треста»[3]. Подчеркнем особо мысль о бесспорной выгодности хозрасчета и вместе с тем об ограниченности трестовского хозрасчета. Второе можно рассматривать, как побочный эффект первого, недостроенность, недоделанность хозрасчета.

Почему так случилось? Ученые считают, что

---

[1] См. Федоренко Н. П., Перламутров В. Л. Хозрасчетные отношения — динамика и перспектива//Вопр. философии.— 1987.— № 2.— С. 4.

[2] Вопр. истории КПСС.— 1987.— № 5.— С. 116.

[3] Там же.

есть основания предположить, что у Ленина вырастала концепция нескольких фаз развития по пути нэпа. И второй необходимой фазой, предшествующей собственно социалистической, является фаза кооперативная. На практике в 20-е годы этот следующий этап, по выводам историков,— этап кооперативного нэпа — «пропустили». Может быть, именно в этот момент была упущена стратегическая возможность сохранить нэп «всерьез и надолго», но уже в измененном, преображенном виде[1].

В середине 20-х годов нарастает тенденция к «огосударствлению» кооперации, подрыву ее хозрасчетных начал. В недрах нэпа зрел возврат к командной экономике. Почему? Одна из причин состоит в том, что режим Сталина мог в это время паразитировать на объективных социально-экономических процессах. В том числе, очевидно, и на традициях российского народа. Можно было опираться на лучшие или худшие его потребности. Сталин же, как утверждают сегодня историки, опирался часто на худшие, но реально существующие тенденции[2].

Командно-административная система, сформировавшаяся в 30-е годы, зародилась, по мнению исследователей, именно в рамках нэповской экономики с его демократическим потенциалом. Получилось так, что административно-командное отрицание нэпа вырастало из него гораздо легче и быстрее, чем из командно-административной системы вырастало отрицание этой системы. Чем это обусловлено?

Во-первых, половинчатостью нэповского хоз-

---

[1] См.: Время трудных вопросов//Правда.— 1988.— 30 сент.

[2] См. там же.

расчета. Он был, по выражению Г. Бордюгова и В. Козлова, «хозрасчетом для начальников»[1]. Во-вторых, административная система хозяйствования в 20-е годы — зародыш командно-административной системы,— уже создала для рабочего класса систему определенных социальных гарантий. И когда экономическая ситуация в 1927—1928 годах обострилась, трудящиеся сразу соотнесли ее со стихией частного рынка. В-третьих, административное вмешательство государства в экономику освобождало рабочих от последствий неизбежного в условиях хозрасчета хозяйственного риска. Поэтому рабочий класс требовал гарантировать его интересы административным путем. Заметим — все та же, присущая командной экономике, психология масс.

Сосредоточение внимания только на личности Сталина, его стремлении к личной диктатуре, как справедливо отмечают ученые, взятое вне контекста социально-экономических условий, политических процессов и, добавлю от себя, глубинных традиций народа, его психологии, «чревато новым типом фатализма, когда приход Сталина к власти рассматривается как главная причина всех последующих событий»[2]. Однако и оправдывать его личность тоже неправомерно в контексте тех же социально-экономических условий.

Переход к командно-административной системе управления экономикой страны отрицательно сказался в конечном счете и на экономических отношениях между нашими союзными республиками, на экономике страны в целом. Была осуществлена подмена интересов народнохозяйствен-

---

[1] Время трудных вопросов//Правда.— 1988.— 30 сент.
[2] Там же.

ного комплекса, государства интересами отраслей и ведомств. Отсюда происходило ущемление прав республик, навязывание им направлений и темпов развития без учета их потенциала, особенностей национальной культуры. Отдавалось, например, распоряжение, как отмечает философ М. Сужиков, «отменить кочевой образ жизни без учета вековых традиций и необходимости постепенно проводить преобразование», и многие современные проблемы республики — результат «быстрого скачка», когда стремились «перетащить средневекового крестьянина в век современной научно-технической революции»[1].

Социологи О. И. Шкаратан и Л. С. Перепелкин дают интереснейший анализ проявления этнокультурных характеристик работников в конкретных видах человеческой деятельности, то есть национальных аспектов человеческого фактора производства[2]. Они дают сравнительную картину мотивов, ценностных ориентаций, установок русских и узбеков на тот или иной характер труда и делают вывод, что необходимо «совмещение» способов экономического развития народнохозяйственного комплекса страны с особенностями национальной культуры республик, регионов, с накопленным там социальным и экономическим потенциалом.

Отступления от ленинской национальной политики привели к тому, что сегодня экономические отношения между общесоюзными и республиканскими, территориальными народнохозяйственными комплексами, между республиками

---

[1] Коммунист.— 1987.— № 18.— С. 95.

[2] См.: Шкаратан О. И., Перепелкин Л. С. Экономический рост и национальное развитие//ЭКО.— 1988.— № 10.

(народами) страны — «это сфера повышенной конфликтности»[1]. Действительно, кому не приходилось слышать высказывания: «Мы вас кормим», «они не хотят работать», «они нас обирают» и т. д. Следовательно, появилось напряжение в общественном сознании, в общественной психологии. Откуда это?

Дело в том, что разработанная еще при жизни В. И. Ленина система межреспубликанских отношений резко отличалась от последующей. Так, в резолюции и постановлении X съезда РКП(б) 8—16 марта 1921 г. отмечалось: «...решительно нужно предостеречь против слепого подражания образцам Центральной Советской России... Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий Центральной России... должно быть отвергнуто»[2]. Последующие основные изменения произошли в конце 20 — начале 30-х годов в связи со всеобщей коллективизацией и разработкой планов первой пятилетки. Они были направлены в сторону увеличения бюрократического централизма, ограничения республиканской самостоятельности, игнорирования национальной экономической культуры населения, «приспособления центральных и республиканских органов к складывающейся административно-командной системе управления»[3]. То есть и здесь мы опять выходим на последствия этой системы и проблему учета традиций народов в сфере экономики.

---

[1] Шкаратан О. И., Перепелкин Л. С. Экономический рост и национальное развитие//ЭКО.—1988.—№ 10.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК.— М., 1970.— Т. 2.— С. 254.

[3] ЭКО.— 1988.— № 10.— С. 8—9.

Следует при этом учитывать и тот факт, что в первые годы индустриализации народного хозяйства шел процесс массового перехода крестьянства в рабочий класс. Находясь во власти крестьянской психологии, мужик осваивал образ жизни промышленного рабочего, пролетарскую идеологию и традиции горожанина. Но поскольку труд был на стройках пятилетки в основном ручной (кирка с лопатой да носилки), то массовый переход крестьян в рабочие проходил с точки зрения смены характера труда безболезненно. Легко переживал он и неустройство на первых порах быта. Однако в душе он еще долгое время оставался крестьянином, что, конечно же, наложило естественный отпечаток на формирование экономической и политической культуры нашего рабочего класса, его нескольких поколений.

Крестьяне, оставшиеся на селе, тоже переживали бурный и нелегкий процесс, начиналось колхозно-кооперативное устроительство экономической и социальной жизни. Социалистическая свобода и демократия пробудили у многих крестьян хозяйственную инициативу, дремавшую ранее в психологии народа. Но, к сожалению, вскоре молодой рабочий класс, крестьяне на себе почувствовали последствия административно-властных колебаний и перегибов в управлении страной, что не могло не сказаться на их экономическом, политическом, правовом сознании, на мотивах и образе их экономического поведения. Но при этом в народе жила еще старая психология. И она в значительной степени способствовала возрождению командно-административной системы в сталинской одежде. Историки Г. Бордюгов и В. Козлов отмечают, что Сталин со своими представлениями о социализме вырастал из от-

сталых, пережиточных представлений. Случилось так, что «не только он «лепил» массовые представления о вожде, но и сама масса новых рабочих лепила вождя. Левацкое нетерпение, стремление одним махом разрешить все проблемы вырастали из этой массы». В молодом рабочем классе «уже сформировалась установка на делегирование полномочий при принятии решений «наверх»[1]. Такая ситуация, как подчеркивают историки, создавала очень удобные условия для узурпации власти достаточно узким слоем или «вождем». При этом личный режим Сталина, как особая форма организации власти, вырастал, по их выводам, из стремления молодого рабочего класса к авторитаризму, психологии «плохо орабоченного мужика».

Завоевав власть, получив землю, право на владение общественной, коллективной собственностью, рабочие и крестьяне по-прежнему и долгое время в условиях командной экономики имели минимум прав на хозяйское распоряжение ею. Как видите, и тут мы выходим вновь на проблему экономической власти. Да, в истории всегда истина видится на расстоянии. Только сейчас более отчетливо видятся нам и надломы в пролетарской и крестьянской психологии. Чего стоит только процесс раскрестьянивания.

Нам необходимо прямо-таки зарубить себе на носу вывод из анализа нашего исторического прошлого: «Если бы больше посчитались с объективными экономическими законами... то не было бы и тех перегибов, которые имели место при проведении коллективизации. Сегодня ясно: в огромном деле, которое затрагивало судьбы большинства населения страны, было отступление

---

[1] Время трудных вопросов//Правда.— 1988.— 3 окт.

от ленинской политики по отношению к крестьянству»[1]. Как хотелось, чтобы эти слова: «посчитались с законами» были барометром нашего общественного сознания, ведь именно по причине, что мы часто от них отступали, возникали перегибы и мы приходили к недоразумениям в экономической жизни.

Историческая память хранит в себе последствия диктатуры культа, когда гражданское унижение крестьян (до конца 50-х годов они не имели паспортов) и, как правило, мизерная оплата трудодней (их называли у нас в деревне «палочки») угнетающе действовали на экономическую и духовную жизнь крестьян, подрывали традиционные устои экономической деятельности.

Помнится и другое время, когда и у нас в Зауралье повсеместно велась борьба за «освобождение» крестьян от личного скота. Помнится, вокруг тогда еще небольшого периферийного города Кургана паслись большие стада коров, а вечером они властно шествовали по улицам. Наверное, кому-то это показалось патриархальщиной, «несоциалистическим» порядком. Но ведь это было... было... Тогда мое подростковое сознание многого не понимало, но как быстро, почти в один год опустели пастбища и дворы. А потом и колхозные рынки, и прилавки госмагазинов. Не только все горожане, но жители небольших поселков стали массовыми покупателями хлеба, соли и сахара, мяса, молока, масла, сметаны и т. д.

Может, для города и вправду скот держать было патриархальщиной, но на селе-то зачем было урезать в земле, ограничивать в хозяйствовании? Зачем было идти против экономических тради-

---

[1] Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается.— С. 18—20.

ций, ломать их тогда, когда для этого еще не созрели социально-экономические условия? Что, народ сам хотел отказаться от подсобного хозяйства? Да нет же, все они жалели потом об утраченном. Ворчали, помнится, но больше про себя, некоторые шепотом, диктатура страха от периода культа еще жила во всех. Хозяин молчал. А кто властвовал? Конторы, уполномоченные. Но что еще любопытно, многие ведь верили, что раз сверху указывают рушить подворье, значит, так и надо. К тому же пообещали коммунизм за 20 лет построить. И тоже верили. Как не поверишь, когда веру страхом десятками лет в тебя загоняли. Да и отсталыми в своих взглядах не хотели люди выглядеть. Национальный характер не позволял.

Нельзя не вспомнить и о кампании по ликвидации «неперспективных» деревень, о строительстве крупнопанельных животноводческих комплексов. А рядом многоэтажные дома, куда засадили, как птицу в клетку, крестьянина, с землей сжившегося, ее соками, как молоком матери, вскормленного. Оторвали от земли-кормилицы, по́том и кровью мужика политую, десятками поколений согретую, ухоженную, и превратили вроде как в цивилизованного аграрного работника. Многие сбегали с этажей, ближе к земле родной перебирались. Кое-кто захотел свой дом построить. Многие так и остались в душе крестьянами, хотя в некоторых конторах их стали именовать аграрными рабочими.

Все «заботы» о сельском жителе вышли ему, как мы видим теперь, боком. И особенно его психологии. Отучили от подсобного хозяйства. Сколько сейчас ни создаем условий, а психология-то уже не та, вековые связи разрушились. Психология поденщика стала господствующей. От-

работал, получил зарплату, зашел в магазин за продуктами (если они есть, конечно), а дома — к телевизору. И не стало у земли настоящего хозяина. Многие кампании на селе кончились плачевно, когда разрывались интересы. Многие попытки «поднять», «увеличить» не давали эффекта. Почему? Потому, что пренебрегали человеком или понимали его природу (читай — его психологию) превратно. Действительно, те, кто в свое время проявлял вроде искреннюю заботу о крестьянине, рассуждал: «Плохо, когда крестьянин разрывается между личным подворьем и общественным хозяйством. Надо запретить личное, и он все силы отдаст общественному». Однако крестьянин оказался фигурой более сложной, чем предполагали. Многие, кто избавился от личного подсобного, стали еще равнодушнее к общественному. Почему? Разорвали личные и общественные интересы. Разорвали психологические связи человека с землей. В итоге проявился дух противоречия, проснулись спящие в психологии крестьянина старые мотивы, многовековые привычки реагировать на унижение начальства уходом в себя и уходом от себя — в равнодушие, сопровождаемое поденщиной, посторонностью, ростом пьянства и другими нравственными изъянами. Молодые уезжали в город, но и там натыкались на диктатуру централизма и голого администрирования. Истинные, первородные качества трудящегося человека входили в противоречие с замшелой регламентацией жизни. Самоуправления, по сути, не было. Мораль, сознание и психология деформировались. Мы стали приобретать другую психологию и нравы. Но так продолжаться не могло. В народе вызревала потребность самостоятельного хозяйствования.

Глава V

ВОЗРОЖДЕНИЕ
(Вместо заключения)

Весна 1985 года. Наше дерево общественной жизни стало наполняться животворными соками от корней ленинского социализма. Его почки набухли идеями обновления и лопнули, распустившись многообразием перемен и противоречий. Началась экономическая реформа, которая раскрепощает отношения собственности, живое творчество народа. Закипели страсти вокруг кооператоров и индивидуалов, стали зарождаться арендные отношения. Пошла волна законотворчества. Вызревала потребность в политической реформе, и XIX Всесоюзная конференция открыла для нее простор. Гласность и демократия оживили общественное сознание, тиражи периодических изданий резко поднялись. Социализм начал сбрасывать все наносное, стал возвращаться к своей внутренней чистоте и сути. Многим людям пришлось переделывать себя, свою психологию, так как начавшееся обновление несло в себе новые идеалы, ценностные ориентации, мотивы, установки. Первый Съезд народных депутатов прошелся мощной волной активности по всей стране. Словом, бурно пошел процесс восхождения общества к духовности. Но за ним немало и проблем.

Все это, вместе взятое, характеризуется сегодня одним, но емким словом — перестройка. Словом, которое сегодня произносят практически на всех языках мира.

Перестройка социально-экономической, поли-

тической и духовной сфер в их органичном единстве хотя и придала обществу новое дыхание, вместе с тем она вскрыла его болезни, загнанные когда-то внутрь. Бумерангом бьет по перестройке ее концептуальная непроработанность, преобладание метода проб и ошибок.

Хотелось бы особо отметить, что реформа управления экономикой, кардинальное обновление политической системы начали, пусть с трудом, снимать с общества тяжелый груз командно-административной, бюрократической системы. Меняется психология экономической и политической власти.

Но возникшие трудности в экономике придают этому процессу мучительный характер. Национальная психология отдается тревожным эхом на весь мир.

При всем этом оживают корни глубинной психологии народа и способствуют произрастанию лучших традиций его хозяйственнной жизни. Качественно новое состояние общества вбирает в себя все лучшее из прошлого и настоящего во имя будущего.

Всмотримся внимательно в суть арендного, бригадного, семейного подряда, и мы увидим в них новое, современное проявление традиционного уклада экономической, социальной и духовной жизни людей, опыта первых лет строительства социализма. Они несут в себе модель прежних общин и артелей и советского хозрасчета. Когда это осознаешь, то становится ясно, откуда такая напористость в поиске щекинцев, акчинцев, калужан, мурманчан (Сериков), зеленоградцев (Злобин) и других. Она — от инициативы народной исходит, от потребностей людей в обновлении своей жизни. Новое пробивалось, не сдавалось и в годы застоя потому, что социализм дал народу право на собст-

венность, на экономическую и политическую власть. Но не было простора для его полной реализаций, потому что недоставало демократии.

Партия на XXVII съезде КПСС создала прорыв в новое экономическое мышление. Наше массовое экономическое сознание перекипело в страстях, вызванных статьями публицистов и ученых.

Спорили о прочитанном, не соглашались, сомневались, искали ответ. На многие вопросы дали ответы июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, решения XIX партийной конференции. Появились не только надежды на преобразования, на выход из глубокого застоя в экономике, но и возможность реально включиться в новые формы хозяйственной жизни. И началась работа. Главные ее направления определены реформой управления. Конкретно — это законы о государственном предприятии, о кооперации. Это создание новых банковских, кредитных и других отношений. Это реформа системы материально-технического снабжения в промышленности и переход к оптовой торговле. Это подготовка к реформе механизма ценообразования. Это новые формы иновационной деятельности в области научно-технического прогресса. Это перестройка в сфере международного экономического сотрудничества.

Но главное звено перестройки в сфере нашей экономики — это возрождение ленинской идеи о полном хозяйственном расчете. Он находится в эпицентре того взрыва инициативы людей, который в разных своих формах обеспечивает прорыв в новое. Вспомним тут и сумской и вазовский эксперименты, подряд строителя Николая Травкина, коллективный и семейный подряд. Читаю в «Правде» (1986. 3 июня) статью секретаря Московского обкома КПСС И. Клочкова, которая

так и называется: «Взрывной эффект подряда». Затем узнаю о школьном хозрасчетном комбинате, а потом — о хозрасчетном театре, молодежном клубе и т. д. И тут же — кооператоры и легализованные индивидуалы. И в основе каждой из этих форм организации труда и производства, пусть в разной степени, заложены принципы хозрасчета. Мы все, может, того не замечая, становимся другими. И даже порой становится стыдно за то, какими мы были еще несколько лет назад. Не правда ли?

Хозрасчет есть, на мой взгляд, выражение экономического сознания. Это произведение социалистической экономики, требующее к себе и в обращении с собой квалифицированного обращения, более того — обращения культурного, грамотного, интеллигентного.

Хозрасчет, как наша экономическая реликвия, есть продолжение и выражение экономических традиций народа. «Так, с веками,— скажем мы словами писателя Леонида Леонова,— кладовые великого и трудолюбивого народа пополняются все новыми поступлениями его трудов и вдохновений». Это объективно. В этом связь времен и поколений. Почему же тогда к «смычке» вековых традиций и хозрасчета мы так долго и трудно шли?

Тут другая — негативная сторона наших традиций сказалась в отношении к своим же реликвиям, каким является хозрасчет. «Из-за своей несколько подмоченной репутации слово это на нашей памяти вышло из обихода,— опять скажем словами Леонида Леонова,— а родившиеся ему на смену были вскоре зашлепаны губами ленивых ораторов, не в меру захватаны типографской краской — чего не полагается делать со святыней, в присутствии которой полагалось бы вставать и обнажать голову. В малой вещице этой сосредоточит-

ся вера нации в свое песенное бессмертие...»[1] Действительно, долго мы мусолили хозрасчет в застойные времена. И теперь традиция в разрыве слова и дела живет. А в этой «малой вещице» хозяйственной жизни заключено ни много ни мало как **духовное возрождение Хозяина.** По моим наблюдениям, арендный, артельный подряд и полный хозрасчет возрождают веру нации в экономическое могущество социализма, веру в его «песенное бессмертие».

Бессмертие всегда связано с наследством. Артельный строй жизни, кооперацию выносили и выстрадали, вместе с русскими, все народы нашей страны. Чингиз Айтматов в «Плахе» очень тонко подметил устами своего героя, насколько естественными являются для человека подряд, чувство хозяина, вырывающееся порой интуитивно из глубин народного самосознания. «...Еще задолго до появления бригадных и семейных производственных подрядов Бостон Уркунчиев, вероятно, в силу какой-то своей интуиции настаивал при каждом удобном случае, чтобы за ним, вернее, за его бригадой закреплена была бы земля в постоянное пользование». Простая цель эта бесхитростно высказана простым тружеником, но с точки зрения иных ортодоксов считалась вызывающей, как подчеркивает писатель. А сводилась она к тому, как полагал Бостон, что пусть у меня будет своя пастбищная территория, то есть своя земля, пусть у меня будут свои кошары и за них я сам буду в ответе, а не завхоз-комендант, у которого голова не болит, если крыша течет, пусть у меня будут в горах летние выпасы, и чтобы всем этим распоряжался я сам

---

[1] Леонов Л. Раздумья у Старого Камня//Сов. культура.— 1986.— 23 авг.

как хозяин, как работник, и тогда «я сделаю во сто раз больше и дам гораздо больше продукции сверх плана, нежели на обезличенной земле, где я работаю все равно как батрак — джалдама».

Что это — стремление к патриархальщине, к замкнутости? Нет. Стремление быть современным хозяином, а не батраком, интуитивное желание вписать свой личный интерес в интересы бригады и общества.

Давно прорывался в жизнь хозрасчетный подряд в промышленности (вспомним хотя бы щекинский метод). Прорывался новый хозяйственный подход в сельском хозяйстве, но иногда заканчивался для инициаторов трагически. Разве забудешь, например, последствия эксперимента в Акчи, его организатор Иван Никифорович Худенко умер в тюрьме. Вспомним, чтобы не забыть, а не забыв, не повторить. Не повторить с такими, скажем, как «архангельский мужик» и ему подобными. Чтоб не повторилось с честными кооператорами и индивидуалами.

В муках, но постепенно пробивали себе дорогу новые формы хозяйствования. Откуда силы брались у людей? И что только ими двигало? И еще я думаю, почему именно в нашей стране пробил дорогу себе бригадный подряд? Потому, что живы были в народе лучшие демократические традиции, стремление быть хозяином, а не поденщиком, тяга к совершенству и совершенствованию, к прорыву в новую жизнь. Но произойти это могло объективно на основе сохранения глубинных корней народного бытия.

Заметим, как потянуло взрослое население к истокам своего первородства. Потянуло к земле сегодня особенно тех горожан, кто вырос в деревне. В выходной день в загородную электричку трудно

попасть, люди к земле едут. И не только потому, что население наших городов формировалось в значительной степени из крестьян, а вообще человек без общения с землей, с природой «расчеловечивается», в машиноподобие превращается.

Хотели властно подняться над природой, забывая, что сами есть ее часть. Но не вышло. Хотели брать без конца из природных кладовых, оказалось, что надо и их беречь, и своим трудом облагораживать, сохранять природу. Поэтому наметился возврат человека к своему естеству. От отчужденности и одичания — к экологической и экономической культуре. Не к патриархальщине, а к истокам национальной культуры.

Народ расправляет плечи, на инициативу и социалистическую предприимчивость настраивается, в кооперативы объединяется, арендатором становится. Хотя некоторые, наоборот, пятятся от них назад. Впрочем, новое всегда непросто приживается. Хотя аренда и кооперация — во многом забытое старое — новое возрождение артельных хозрасчетных принципов работы. Потому и быстро набирает силу.

Может, все это и есть возврат человека к своей человеческой сути? Может, это и есть построение общественных отношений, адекватных этой сути, учитывающих народные традиции и национальный характер? Мне кажется, что все это есть слагаемое прорыва в новый образ нашей жизнедеятельности. Может, перестройка открывает путь к новой эпохе возрождения человечества?

Почему Иван Васильев назвал свое произведение о проблемах перестройки на селе «Обновление, или Хроника второго вступления в наследство»? — задавался я вопросом, пока читал первую часть. Потом понял. В самом деле, его герои —

крестьяне, молодой председатель сельсовета Леонид Котов, перестраивающийся председатель колхоза Юрий Платонов вступают во второе наследство — становятся не формальными, а настоящими хозяевами земли. В их сознании происходит возрождение забытых отношений. Леня Котов возрождает артельные традиции. У председателя колхоза Платонова наступает прозрение: «Я не был хозяином»,— признается он сам себе. Прежде его голова «варила, как лимиты да кредиты вытянуть, теперь будет варить, как самому копейку добыть». Он борется за создание ягодной артели, он понимает, что вернуть землю, леса, поля хозяину — сегодня его главная обязанность. Его долг. Его совесть. Из послушного нехозяина Платонов становится непослушным хозяином. Лопнули набухшие почки. Природа социализма берет свое.

Одной из активных и широко приживающихся форм хозрасчета является арендный подряд. Аренда — мощный рычаг перестройки экономических отношений. Что она дает людям? На встрече в Центральном Комитете КПСС 12 октября 1988 года по вопросам развития аренды, перестройки экономических отношений на селе М. С. Горбачев отмечал, что аренда возвращает человека к основополагающим ценностям, к тому, что обещает и должно обеспечить через перестройку производственных отношений новый облик социализма, демократизацию. Аренда возвращает человека в сельскохозяйственное производство как реального хозяина, возвращает его к земле, к средствам производства. Люди начинают мыслить по-новому, у них меняется отношение к делу, к труду, к перспективам развития своих хозяйств.

Не могу обойти вниманием еще одно свойство аренды. Первый секретарь Орловского обкома пар-

тии Е. С. Строев на известном совещании, состоявшемся 14 ноября 1988 года, отметил как самое главное в аренде то, что «она раскрепостила душу человека, его сознание». А Леонид Петрович Пешехонцев, создавший семейный кооператив, признался: «Как посмотрю на поле, по которому ведут за мной трактора два сына,— душа поет. Такого счастья я никогда не испытывал в бытность председателем». Другие арендаторы говорили, что «воскрешаем природный интерес к земле», имеем «простор для интеллекта и собственной инициативы», а семейная ферма — это «свободный труд свободного человека». Или такое признание: «Радостно видеть, как человек становится подлинным хозяином своего дела... доски из дому везут на ферму». Казалось бы, мелкий факт, но какой огромный смысл он несет — смысл преодоления отчужденности от собственности. Раньше было наоборот — не только доски, но и кое-что другое несли с фермы домой. Радует утверждение сопричастности делу. Это ли не прорыв в новую психологию? Это ли не возрождение лучших качеств человеческой натуры?

Самым, пожалуй, существенным является то, что хозрасчет, кооперация заставляют учиться считать и рассчитывать, дебет с кредитом сопоставлять, планировать на перспективу. Вспомним, сколько раньше было призывов, решений, постановлений, а сколько писано-переписано о необходимости экономить в большом и малом. А на поверку вышел затратный механизм. Лопнул, как мыльный пузырь, призыв развивать экономную экономику. Все за нее боролись, а ресурсы и национальный доход транжирили. Тем и силен хозрасчет, что без уговоров и назиданий формирует психологию бережливости, рачительного расходования

средств, ресурсов и сил человеческих с ориентацией на конечный результат.

Хозрасчет, арендный, артельный, бригадный, семейный подряды, кооперация возрождают наши исконные традиции коллективизма. Не будем идеалистами и вульгарными материалистами и признаемся, как на духу, что не только стремление заработать тянет нас в дружный и работящий коллектив. Коллективистский характер, душа трудящегося стремится работать сообща и свободно. И сегодня, как пишет Иван Васильев, создавая рыболовецкую артель, «...не за рублем гонится Степан Петров (хотя и не без этого!), а за утолением жажды простора»[1]. Утоление жажды простора — вот он, результат экономической демократии. Жажда простора для того, чтоб быть хозяином дела. Не в этом ли одно из величайших достоинств социализма, которое дремало в нас?

Можно и дальше о достоинствах хозрасчета рассуждать. Например, о том, про который А. С. Макаренко сказал, что хозрасчет есть замечательный педагог. И в самом деле, он заполняет в нашем образе жизни огромный вакуум — отсутствие достойной нового общества экономической культуры.

Возможно, я повторяюсь, но не могу обойти великое социально-психологическое качество, которым наделяет работника хозрасчет: **Чувство Хозяина.** Оно аккумулирует в себе зрелость экономического мышления, бережливость, расчетливость, инициативу, социалистическую предприимчивость, высокую культуру экономического поведения. И непременно — совесть. И думаю, что еще и широту души, соединенную с чувством меры.

[1] Наш современник.— 1987.— № 10.— С. 13.

Последнего нам явно недостает, воспитывать в себе его надо бы всерьез. Хозрасчет не приемлет крайностей, кампанейского подхода, искусственного формирования. И в то же время он слабеет от половинчатости, однобокости и постепенности.

Будет полным хозрасчет — будет полным кошелек каждого. И государственный тоже. Будет развита кооперация, будут и товары в достатке и услуги по душе. Пока это трудное движение, а главный результат еще впереди. Если не дрогнем.

Почему? Да потому, что возрождение — это всегда борьба нового со старым в жизни и в нас самих. Немало еще на пути к полному хозрасчету естественных и искусственных завалов. Ведь в связи с развитием аренды, как сказано было многими и не раз, самая главная трудность — это изменить психологию людей. Человек думает: а не обманет ли начальство, куда оно нас затягивает?

Да, все еще многих сомнение гложет. Вот такой психологический тормоз срабатывает. От чего он? Очевидно, от исторической памяти: многие хорошие начинания вспоминаются у людей как кратковременная кампания. И разумеется, от неуверенности тех, кто внедряет хозрасчет.

Подобная психологическая ситуация складывается у альпинистов. Чем выше цель, тем труднее восхождение. Но малая вершина становится опасной, если в группе возникает испуг. Все труднее в этой ситуации организатору, лидеру. Его задача — пресечь испуг, поддержать оптимистов, переубедить пессимистов и довести группу до цели. Если же возобладает паника — отхода не миновать.

Во многих коллективах так сейчас и с хозрасчетом. Казалось бы, все должны были подготовиться. Но нет. Кое-кого он застал врасплох. Вызвал испуг, растерянность, неспособность некоторых лидеров

повести коллектив на вершины хозрасчета. Старая психология — смотреть «наверх» и ждать инструкции по внедрению — оказалась, пожалуй, одним из самых серьезных тормозов на пути к полному хозрасчету.

Директора и бригадиры ряда предприятий Запорожья и Днепропетровска на страницах «Правды» (1988. 2 марта) откровенно признались: «Мы пока не знаем, как создать в среде рабочих психологическую уравновешенность, понятливость». Вот она, реальная связь хозрасчета с психологией людей. И реальная неподготовленность ее налаживать.

В глубине разногласий и непонимания давно лежит диалектика личных и коллективных интересов, основанная на уравниловке. Старая болезнь и у руководителей: боязнь нарушить спокойные устои, ибо за ними стоят конкретные люди, которых не хотелось бы обижать. Как долго мы жили в ложно построенной пирамиде ценностей. «Наверху» единодушие, «внизу» всеобщее благодушие, только горько было общественной собственности и природе: одна стала ничейной, другая затравленной.

Социологические исследования, жизненные наблюдения, газетные сообщения указывают еще на один тормоз — слабую экономическую компетентность кадров — тех, кто организует, и тех, кто организуется, подряжается. Только не надо обид, давайте взглянем критически сами на себя.

Кафедра идеологической работы АОН при ЦК КПСС провела социологическое исследование по оценке состояния экономического сознания. Оказалось, что в преддверии реформ управления экономикой (1986 г.) идея хозрасчета в перечне «особо интересных проблем» называлась рабочими

и колхозниками в числе второстепенных, непрестижных. На предложение назвать самые острые экономические вопросы в коллективе, требующие неотложного решения,— хозрасчет практически также выпал, больше половины опрашиваемых вообще его не коснулись, ушли от ответа. На вопрос: «Хотели бы вы улучшить свои знания по экономике производства?» — положительно ответили только 40 процентов рабочих и колхозников. Среди экономических тем, по каким они желали бы пополнить свои знания, хозрасчет назвали 15 процентов опрошенных.

А как оценили готовность к хозрасчету эксперты — партийные, хозяйственные, советские, профсоюзные руководители? Почти 40 процентов из них назвали слабое внедрение хозрасчета в числе факторов, тормозящих эффективность производства, на первое место вынесли бесхозяйственность (свыше 80 процентов). А 47 процентов руководителей в качестве тормоза назвали ограничения оперативной самостоятельности предприятий.

Любопытно, что свыше 70 процентов экспертов выделили в числе очень актуальных проблем слабое использование экономических методов в управлении коллективом, а 67 процентов — недостаточную экономическую компетентность хозяйственных кадров. Руководители-эксперты (71 процент опрошенных) считают, что их нынешняя работа требует улучшения экономического образования, но в специальную тему хозрасчет они вообще не выделили, а свыше половины руководителей такого вопроса вообще не назвали[1].

Задумаемся, почему сложилась такая картина?

---

[1] См.: Перестройка экономического сознания и повышение его роли в ускорении социально-экономического развития: Сборник.— М., 1987.— С. 29—31, 47, 50, 57.

И здесь тоже можно найти ответы психологического характера. Л. И. Абалкин указывает на «усталость общественного сознания». Люди в период застоя действительно устали от слов, пусть даже самых правильных и мудрых, но не подкрепляемых делом. Да и сейчас мы от этого «нажитка» еще не избавились. Словесная деловитость сказывалась и по инерции продолжает сказываться на психологии восприятия всякой новой идеи. Отсюда, видимо, заторможенность, флегматизм и по отношению к хозрасчету.

И еще одна причина сказывается. Раньше высокая экономическая компетентность просто не нужна была рабочим на предприятиях — за них все решалось начальством, специалистам экономические знания тоже не были нужны, поскольку во всем управлении преобладали административные методы. Вот и получилось, что нажили себе экономический флегматизм. Инерция его оказалась также сильной. Дали коллективам экономическую власть, право хозяина, самостоятельного хозяйствования, а инерция от прежнего администрирования — как путы на ногах у лошади: бежать рысью хочется, а получаются мелкие прыжки с частыми остановками. Конечно же, не везде такое положение, многие оказались неготовыми к переходу на хозрасчет и к началу 1987 года, когда все заранее надо было обмозговать, просчитать, найти резервы и оптимальные выводы. Экономическая слепота — серьезная помеха для хозрасчета сегодня. Неужели нужна административная встряска, чтоб прозреть и уверенно взяться за дело?— невольно возникает вопрос.

Накануне 1988 года, который должен был ознаменоваться у нас массовым внедрением хозрасчета, вступлением в силу Закона о государственном

предприятии, я нередко замечал, что некоторые как-то уже очень хладнокровно к нему готовятся. Не осознают, что для кого-то он может обернуться и банкротством, думал я. Неужели такова наша психология, что, пока гром не грянет, мужик не перекрестится? Знаю, что даже ученые из НИИ и те с олимпийским спокойствием смотрят на предстоящий хозрасчет в науке, а ведь с их товаром выходить на рынок будет куда сложнее. Неужели этот социально-психологический феномен, который часто называют «расейской разболтанностью», или «умение жить задним умом», так глубоко в нас сидит? Или здесь что-то другое говорит в нас?

В первые дни нового года — года надежд и ожиданий от реформы — виделось, что мы опять допускаем духовную бесхозяйственность по отношению к новым методам хозяйствования, слабо себе представляем, хотя и готовились к реформе, чем отличается, например, полный хозрасчет от неполного, самофинансирование от самоокупаемости.

И тем не менее не поверилось, когда 2 января 1988 года открыл «Известия» и прочел заметку М. Крушинского «Зачем нужно знать экономику». Оказывается, даже слушатели Высших экономических курсов не знают разницы между доходом, прибылью и выручкой. И начало года радикальной реформы мы отметили «разгулом амбиций» в сочетании с «элементарным экономическим невежеством», «с массовой экономической полуграмотностью». Это ли не гром средь бела дня? Это ли не синдром головотяпства?— хотелось воскликнуть. Но стоп! Может, это только эмоции, а кто у нас с ними считается? Хотя подождите, эмоции-то возникли от убедительных, доказательных выкладок М. Крушинского, он сам учился на этих Высших экономических курсах. Уж если на Высших и у

высших чинов такое, то что же в самом низшем эшелоне? А там — то же самое, можно сказать, олимпийское спокойствие.

И вот уже накануне 1989 года один крупный московский строитель из «Средмаша», как он представился, жаловался в разговоре: «С переходом в январе на полный хозрасчет организовали экономическую учебу, но никого это не волнует, а первую модель хозрасчета от второй отличить не могут». Оказывается, и год внедрения полного хозрасчета встретили «на авось». Хотя, впрочем, известна другая истина: сильная потребность в знаниях появляется тогда, когда окунешься с головой в новое дело.

И тут я задался другим вопросом: а где в популярной форме можно почитать о том, что такое доход, прибыль и выручка? Или чем отличается самоокупаемость от самофинансирования? Не нашел. Вернее, нашел отрывочные сведения в различных изданиях. Может, не там искал? Потом устроил сам себе экзамен: слева написал все «хозрасчетные» слова, справа оставил чистое пространство. И знаете, с трудом заполнил «белые пятна» в своем экономическом сознании с помощью разных источников.

Выручка — это сумма средств (денег), которые предприятие (кооператив, индивидуал) получает от реализации (продажи) своей продукции. Пусть это будет 1000 рублей. Из них надо возместить затраты, то есть себестоимость. Пусть она составила 800 рублей, включая, как принято всегда было, фонд зарплаты. Остается 1000 — 800=200 рублей. Это прибыль. В этом заключается первая модель хозрасчета.

Но есть вторая модель. Пусть фонд зарплаты, включаемый ранее в себестоимость, составлял

200 рублей и их мы переведем в доход, добавим к прибыли. Теперь расходы будут уже не 800 рублей, а 600 (800—200). Разница между выручкой (1000 рублей) и ее расходами на средства производства (600 рублей) — это и будет доход в 400 рублей. Но и это еще не все. Есть тут один весьма существенный момент. Доход этот может еще увеличиться за счет снижения себестоимости, то есть за счет экономии затрат, например, на электроэнергию и топливо. Растет доход, растут фонд зарплаты, и фонд социального развития, и прочие фонды.

Какая модель хозрасчета выгоднее? Судите сами.

В первом случае: лишилось предприятие прибыли — не жди премии, но зарплата гарантирована, она входит в себестоимость.

Во втором случае: потеряешь доход — вообще останешься без зарплаты. Тут, считай, гром может прогреметь. Но, с другой стороны, чем больше доход, тем больше заработок и прочие льготы.

Что изволите предпочесть? Дело хозяина. Вторая модель несет в себе потенциально больше стимулов, больше заинтересовывает, но она связана с риском. Вот где нужна социалистическая предприимчивость. Предприимчивость — это всегда обоснованный, но риск. Это стремление достичь максимум результата с оптимумом затрат, но связанных с риском. Это всегда выбор одного варианта из нескольких возможных на основе изучения и прогноза конъюнктуры рынка. Значит, это всегда, как вы понимаете, риск.

Но именно вторая — рискованная — модель является подлинно хозрасчетной. Почему? Потому, что она ставит преграду затратному, валовому механизму, заинтересовывает в экономии и бережли-

вости. Именно она формирует принципиально новый тип экономического мышления и сознания, противозатратную психологию. Психологию социалистического хозяина. Аренда — это, по сути, тоже вторая модель хозрасчета. Очень хочется, чтобы вторая модель хозрасчета спокойно и уверенно овладевала разумом и душой большинства руководителей, советов трудовых коллективов большинства предприятий. Но она встречает на своем пути мощные заторы. Один из них — это превращение безналичных денег в наличные. А поскольку и так большой разрыв между денежной и товарной массой, то всякое увеличение первой усиливает инфляционные процессы. Вот почему увеличение выпуска товаров народного потребления есть проблема проблем.

Есть у второй модели хозрасчета один скрытый, но очень коварный механизм, о котором все чаще стали говорить наиболее экономически грамотные и честные люди. Заключается он в том, что можно за 2—3 года выжать все из предприятия, удовлетворить хорошей зарплатой всех работников, а потом потихоньку уйти на другое предприятие. Начальство ушло, а с рабочих у нас не спросят, простят. Не скрывается ли за этим новая форма отчужденности от собственности? Заметим, какая психология срабатывает: себе урвать, а там хоть трава не расти.

Теперь о самоокупаемости и самофинансировании. Самоокупаемость — это, можно сказать, низшая ступень хозрасчета по сравнению с самофинансированием. Или иначе — неполный хозрасчет. Самоокупаемость означает, что средства, вкладываемые предприятием, должны окупаться, плюс еще должны приносить прибыль, отвечающую как минимум нормативной рентабельности.

Скажем, если 1000 рублей затратили на выпуск продукции, то должны получить эту тысячу, плюс еще не менее 100 рублей при норме рентабельности 10 процентов. А как быть, если надо обновить кое-что из оборудования? Тогда государство либо выделяет средства из своего фонда безвозвратно (как раньше было), либо дает дотацию или кредит банка.

Самофинансирование означает, что предприятие в состоянии за счет своего дохода не только окупить все затраты, рассчитаться с государством, но и расширять производство, покупать новое оборудование, строить жилье для работников и т. д.

Но на некоторых предприятиях, как показывает практика, до сих пор не поняли, что дотационные подачки, иждивенчество кончаются, нужно из долговременной нерентабельности выходить, как из долгого летаргического сна, зарабатывать прибыль.

Важнейший принцип хозрасчета — самостоятельность. Одно дело, когда из дохода и прибыли ты можешь расходовать средства только в определенном направлении и в конкретном соотношении, предписанных сверху, и другое, когда эти же средства коллектив расходует по своему усмотрению. Вот потому и называют новую реформу как реформу трех «С» — самоокупаемость, самофинансирование, самостоятельность. Можно добавить и четвертое — самоуправление.

Здесь наиболее сильным тормозом являются командная разверстка госзаказов в отрыве от ресурсов и жесткое нормирование использования доходов предприятий. Конечно же, делается это не от хорошей жизни, ведь застойная экономика — это дефицитная экономика. Усложняет дело несбалансированность между денежной и товарной массами. У предприятий есть деньги, а купить на них

нечего. Встает вопрос: зачем деньги? Инерция фондового распределения и те же знакомые слова «нельзя», «не положено», «банк не пропустит» и т. п. приводят к тому, что хозяйства, имеющие миллионные прибыли, не могут купить килограмм гвоздей. Или, точнее, возникает возможность сделать их «бешеными», быстрее спустить. Такие деньги легко транжирились. Нам же сегодня нужны деньги «умные».

Говоря словами героев А. Н. Островского, и у нас «нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет». Однако для тех, кто уже имеет большие прибыли, но не может на них купить себе необходимое, Островского можно перефразировать и так: нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их отоварить сумеет. Чаще это значит — достать дефицит. Дефицит и в условиях хозрасчета может формировать делячество, а не деловитость, не потребление, а потребительство, не уважение к закону, а беззаконие. А отсюда растет не престиж, а недоверие к хозрасчету.

Вот почему важно не столько стоимостное, сколько натуральное увеличение товаров с необходимыми потребительскими свойствами. Нужен прорыв в этом заколдованном круге. И опять же нужны риск и грамотное хозяйствование. Главное, чтоб деньги всюду были заработанными: от рабочего до министра, от трудового коллектива до самого высокого центрального ведомства. Время, хозрасчет этого требуют.

Вспоминаю в этой связи статью в «Правде», в которой был описан поразительный факт о плачущем министре[1]. Вы видели когда-нибудь плачущего начальника, у которого много власти? Я не видел. А вот один министр другого министра видел

[1] См.: Финансы для ускорения//Правда.— 1986.— 26 мая.

плачущим. Бывший министр финансов СССР Б. Гостев признался: «Их вижу вот здесь... Приходят миллионы просить... Да, в наши дни. Мне один министр говорил, что ему по ночам все снится, как он эти миллионы просит: «Выручайте, нечем зарплату людям платить». А что ответил министр финансов министру без финансов, но с миллионом рабочих рук? А ответил он в духе хозрасчета: «Сказал, что ему должны сниться не миллионы, а миллиарды рублей, причем заработанные своей отраслью».

Пусть этому министру «сон в руку» будет, как в народе говорят. Безвозвратные кредиты — эти «бешеные» деньги — действительно развратили и министров и рабочих. И сегодня реформа кладет конец психологии иждивенчества, для каждого должна возрасти цена трудовой копейки.

Вскоре после открытия кооперативов зашли мы как-то с женой на Рижский рынок в Москве. «Ба-а, что творится. Интересно-то как,— вырвалось у меня.— Как на западных ярмарках. А чем мы хуже их? Вот уж поистине социализм — строй цивилизованных кооператоров». Но, присмотревшись, заметили, что цивилизации здесь пока маловато: тесно, неуютно, под ногами грязно. Но товары кооператоры продают самые модные.

Шло время. Проезжал мимо Рижского рынка в выходные дни, но больше не хотелось его посещать. «Как бы не опорочили хорошее дело!» — подумал я про себя. Посмотришь на цены — глаза обжигают, кошелек вмиг опустошают. Не «бешеные» ли деньги идут в руки кооператоров? Но разве у спекулянтов цены были ниже? Да, по спекулянтам кооператоры ударили. Но ударили и по тем, кто получает среднюю заработную плату — двести с небольшим рублей. Поэтому можно понять возму-

щение рабочих. В самом деле, если из государственного мяса кооператор продает шашлык по 2 рубля 30 копеек за 100 граммов, как это можно понять? Разумеется, не все из них так поступают, но ведь и народ не проведешь, случаи такого рода спекуляции известны. Демократия, самоуправление в качестве главного контролера поставила «око народа». И если фининспектор, ОБХСС, милиция кого-то не заметят, кому-то спустят, то покупатель долго с этим мириться не желает.

Смотришь на кооперативы и на кооператоров сегодня и думаешь: хорошо, чтобы за это больше бралось людей с чистыми руками, чтоб дело не загубить. Чего греха таить, всякие люди встречаются в рядах кооператоров. Иногда мне кажется, что некоторые не осознают, что могут уничтожить себя и опорочить перспективное дело своими собственными руками. Все ведь, как говорится, до поры до времени. Но волков бояться — в лес не ходить. Надо дать простор для развития инициативы и социалистической предприимчивости посредством кооперации.

И еще. Все мы надеялись, что кооперативы будут выступать в качестве конкурентов государственным предприятиям. Так оно кое-где и складывается, что в результате служит хорошим стимулом экономического роста. Но временами видишь, как представители государственного сектора едва шевелятся или даже дремлют рядом с кооператорами, особенно в сфере общественного питания.

Конкуренция проявляется порой только в погоне за ценами, за «бешеными» деньгами. В итоге получается, что хозрасчет бьет по хозрасчету. Вспомним: цена на зубную пасту повысилась с 35 копеек до 60. Спрашивает журналист генерального директора предприятия: «Почему такой ска-

чок?» А тот говорит: «Мы перешли на хозрасчет и дешевую пасту выпускать не можем...»[1] А исчезновение дешевого мыла? Как после этого изволите непросвещенному уму относиться к хозрасчету? Ведь вымывание ассортимента дешевых товаров — случай не редкостный, раз уж этот вопрос вынуждено было специально рассматривать правительство.

Есть еще одна весьма и весьма старая угроза, которая нависает над хозрасчетом. Это «валовая психология». Драматург А. Гельман, написавший уже не одну, как я про себя называю, экономическую пьесу, не без оснований и не без правдивой иронии предложил: «В тот день, когда с «валом» будет вконец покончено, надо бы устроить общенародный праздник, День избавления, и отмечать его каждый год в назидание потомкам. Я вношу это предложение без всяких шуток»,— заключил Александр Гельман. Думается, его без всяких шуток следовало бы поддержать.

«Вал» и сложившаяся под стать ему психология кадров действительно очаровывают своей простотой, ясностью обворожительного принципа: чем тяжелее, тем эффективнее; чем длиннее, тем выгоднее; чем дальше, тем лучше; чем дороже, тем быстрее план выполняется.

У «вала« оказались большие традиции. Еще Дзержинский с ним боролся в 20-е годы. Но и потом, в условиях экстенсивной экономики, на него даже особый спрос появился. Почему? Им всегда и всем легко оправдаться, прикрыться, он просто накручивается, без трудностей и сопротивления «соглашается» на приписки. А далее? Почет и уважение, места в президиумах, в особой номенклатуре, фотографии на Досках почета и т. п. Экономика и покупатель от «вала» хоть ревом реви, а для от-

[1] Правда.— 1988.— 5 янв.

ветственных за экономические показатели он как сказочная золотая рыбка.

Идет революционная перестройка, вроде «валу» все клапаны должны перекрыть хозрасчет, реформа управления. Не тут-то было. Не сдается «вал». Уж очень сильна психологическая приверженность к нему. Он и сейчас еще для многих палочка-выручалочка. Читаешь про «круглые столы» в «Правде» — и видишь опять все те же мотивы его жизнедеятельности: прежний диктат ведомств, стремление выглядеть в перестройке деловым человеком перед верхами и своих подчиненных не оставить без премии,— вот тут и начинается накручивание «вала». А ему все годится, неважно, какое качество продукции и строга ли госприемка, какая номенклатура, сколько смежников будут страдать, давай сюда все, что легче, быстрее, дороже, только чтобы угодить его величеству «валу». За него ходят, просят, плачут: ну еще раз разрешите, не губите, укажите, чтоб приняли продукцию, засчитали, за нами же рабочий класс. И опять добиваются своего. И опять «вал» развращает нас всех, тормозит полное возрождение полного хозрасчета. За спиной «вала» и бракодел, и лентяй, и бюрократ, и карьерист.

Два «вала» у нас правили экономический бал: один — объемно-товарно-количественный, другой — бумажный. Вот от чего хозрасчету надо укрываться. Эти два «вала» своей могучей волной кого угодно смоют. Стоит положить строгий административный взгляд на внедрение хозрасчета, и вмиг появляются формы отчетности о его распространении, рапорты, совещания, заседания, наказания. И пошло, и поехало. Тоннами на грузовиках бланки отчетности и сводки о внедрении хозрасчета будут перевозить. Скажете, напраслину

наговариваю? Но ведь было же, было, и не раз, вспомним о внедрении бригадного метода, на бумаге — сладкая малина, а на деле — горькая полынь. Поэтому так и хочется крикнуть во всеуслышание: «Хозрасчет, берегись «вала»!»

За «валом» кроется еще одна примета прежнего стиля работы и сложившейся экономической психологии: планирование от достигнутого. При хозрасчете необходимо будет повышать качество продукции, иначе рынок потеряешь. А раз меняется качество, то согласно известному закону должно меняться и количество. Скажем, выпускали ранее электролампочки с продолжительностью горения в 100 часов, сейчас новые — в 150 часов, значит, их надо меньше, хотя ценой они повыше. Но покупателю это выгодно. Производителю? Тоже. Но нет, инерция маховика планирования гласит: давай от достигнутого. Испуг берет от падения количества продукции, неважно, какого она качества. Старая психология может создать как бы вторую, теневую сторону нового хозяйственного механизма. Она же — тормоз экономической демократии.

По-прежнему мешает хозрасчету административный зуд. Командная идеология и психология построены были на разгонах, а тут требуется экономическая демократия. Раньше указал, дал руководящее наставление — и считай, что дело в шляпе, а сейчас не столько командовать, сколько помогать надо. Помогать умом, на разум наставлять, стратегически мыслить, вместе с кадрами думать над тем, как прибыль заработать. Сложнее, но интереснее стало работать для тех, кто на душу положил перестройку, умом освоил ее неизбежность.

Возрождение ленинского хозрасчета обязательно предполагает повышение роли человеческого фактора. Отрадно, что иначе стало относиться ру-

ководство к сезонным сельхозработам (уборка хлопка, картофеля и т. п.), к работе на овощебазах и стройках. Но, к сожалению, далеко не все. Привычка к командной экономике губит не только хозрасчет, обесценивает интеллект, знания, профессионализм, но и унижает честь, честолюбие и человеческое достоинство, вызывает даже слезы. Когда говорят и пишут, что аграрники или строители перешли на полный хозрасчет, то мне лично не очень верится. Поверится тогда, когда студенты с доцентами, кандидаты с инженерами не будут картошку с поля убирать, обслуживать овощебазы и опять перебирать картошку, но уже гнилую. Или какой может быть хозрасчет, когда миллионы студентов и школьников вместо учебы месяцами убирают сельхозпродукцию за мизерную плату. За каждым вузом разверстка: картофельная, свекольная, капустная, хлопковая. Попробуйте не подчинитесь. Один ректор рассказывал, как он у районного начальства в немилость попал, когда предложил установить хозрасчетные договорные отношения с совхозом: доколь, дескать, студенческий труд так низко будет цениться. Так его за демагога сочли, ярлык привесили.

Слов нет, надо помогать селу. Но как оценить такой сногсшибательный факт: тысячи москвичей сняли с работы, посадили в автобусы, увезли за сотни километров в совхоз, а там их никто не ждал. Управляющего отделением полдня искали, потом их высадили на картофельное поле и даже лопат не дали. Люди выкапывали картошку палками. Знали бы те, кто направлял и кто должен был принять горожан, какой удар они нанесли делу перестройки! Как после этого верить, что по стране шагает хозрасчет? Знали ли об этом министры из Агропрома?

Больно было читать о погибших детях из Ашхабадской области. С хлопкового поля вечером их везли на необорудованной машине. Машина перевернулась. Вот где министру надо бы поплакать. Ведь в то время, когда школьники вели по велению перста указующего «битву за урожай», «многие комбайны на приколе, колхозники в разгар страды в отпусках, а школы пустуют: все, включая первоклассников,— пишет корреспондент «Комсомольской правды»,— на полях, делают план родным хозяйствам»[1]. Доколе же будет культивироваться психология иждивенчества у наших бесхозяйственных хозяйств? Жизнь человека, тем более ребенка, никаким хозрасчетным доходом не покроешь, она бесценна. Если будет иначе, то все разговоры о повышении роли человеческого фактора останутся в общественном сознании пустым звуком. Когда же задумаемся всерьез, что и школьнику и студенту сегодня не меньше, а, может, даже сильнее необходимо почувствовать себя хозяином, а не средством латания дыр и покрытия бесхозяйственности! Может, для судеб перестройки и страны лучше поддержать, развернуть студенческие и школьные трудовые кооперативы в хозрасчетные объединения и воспитывать на этом цивилизованных организаторов экономики?

Хозрасчет, аренда, подряд должны быть очеловечены. А очеловечивание — это психологизация. А психологизация — это учет в хозрасчете человеческой психологии.

У хозрасчета, подряда есть рифы и подводные течения. Все новые формы хозяйствования должны проходить социально-психологическую экспертизу. Прежде всего хозрасчет надо уберечь от потре-

[1] В класс не вернутся//Комс. правда.— 1987.— 30 окт.

бительской психологии, от оголтелой страсти наживы. Необходимо экономическую заинтересованность выверять на совесть. Выверять на единство личных, коллективных и общественных интересов. Выверять общечеловеческими критериями, а не только ведомственными или региональными.

Возьмем разновидность подряда, изобретенного на Белорусской железной дороге. Хорошая идея, хотя и не нова: работать с меньшим числом работающих, а фонд зарплаты делить на оставшихся. Но опять встает та же проблема: как идею внедрить, какие цели и интересы при этом преследовать, какими критериями оценивать ее эффективность? Производительностью труда? Но как она исчисляется? А так: объемы перевезенных грузов делят на количество штатных работников. Ясно, что при сокращении штатов показатели подскочат.

Так оно и случилось. И сразу закричали «ура!» работники МПС СССР и ученые-экономисты. Конечно же, эффект получился. Но надо было глубже и более трезво смотреть в суть эксперимента, когда его стали распространять по всей стране. Во-первых, следовало задуматься, что если объем перевозок не возрастает, если сколько возили, столько и возят, а производительность труда резко растет, то в чем же эффект? Если как был дефицит по доставкам грузов, так он и остался, а в отрасли головокружение от успехов по причине небывалого роста производительности труда, хотя с научно-техническим прогрессом дела обстоят посредственно, то какая выгода от этого государству?

Во-вторых, при распространении белорусского опыта следовало учитывать ситуацию, в которой находились другие железные дороги. Оказалось, что в Сибири и на Дальнем Востоке, как написал потом в «Правду» (1987. 6 октября) в статье «Бить

в рельсу» Иван Шаров, некого было сокращать, там больше были озабочены тем, как залатать кадровые прорехи. Сократили смотрителя на переезде, и опасное пересечение путей стало еще опаснее. Не хватает до 50 процентов положенных по штату рабочих-путейцев в районах Урала, но летит команда сокращать штаты, чтобы поднимать производительность труда. А что в итоге?

Журналист П. Евстифейкин из Челябинска в размышлениях над редакционной почтой «Советской России» об известной аварии на станции Каменская делает симптоматичные и тревожные выводы. С внедрением белорусского метода, замечает он, на ряде участков машинисты стали водить локомотивы без помощников. Их зарплата при этом существенно выросла. Однако за семь месяцев 1987 года на Южно-Уральской дороге допущено восемь проездов запрещающих сигналов. Семь из них произошли по вине машинистов, работающих в одиночку. Белорусский метод здесь начал внедряться, когда по итогам минувшего года машинисты Южного Урала наездили свыше 4 миллионов сверхурочных часов, свыше 12 тысяч раз они возвращались из рейсов с опозданием, а значит, и с перевыполнением установленной нормы продолжительности работы. И после этого — сокращение помощников. Мотивы — забота о показателях производительности, повышении зарплаты, но явно в ущерб безопасности движения. Трагические аварии на железной дороге — тревожный сигнал на пути нашего движения вперед. Можно было бы о них столько не писать, если бы они были случайными проявлениями халатности.

В 1987 году было вскрыто более 70 тысяч нарушений режима работы локомотивных бригад, 39 тысяч машинистов и их помощников чуть ли не

вдвое больше положенного времени находились без отдыха. Сверхурочная работа становится нормой. Невольно задаешься вопросом: выяснили ли дорожные управленцы хоть раз, хотя бы у одной локомотивной бригады степень психологической перегрузки? Видимо, нет, поскольку даже создание элементарных условий для отдыха стало такой проблемой, что о ней во весь голос заговорило Центральное телевидение.

Возрождение полного хозрасчета, внедрение новых форм демократического хозяйствования требует социально-психологического обслуживания. Психолог на заводе пока редкость. Возьмем проблему психологической совместимости хозрасчетного коллектива, бригады, звена и т. п. Кто и как ее учитывает? Чаще — никто и никак. Собрали тех, кто под руку попал,— и в хозрасчетный коллектив. В итоге коллектив-то не получается, получается группа лиц, индивидов с разными интересами. И начинается — один в лес, другой по дрова, а если еще бригадир случайный, то вообще беда. Сложили, а не сформировали коллектив и бросили его на произвол судьбы. В итоге раздоры, обиды, недовольства, конфликты и сводится на нет огромной важности дело. У людей появляются сомнения в перспективности хозрасчета вообще.

Полностью согласен с С. Белозерцевым и В. Скворцовым в том, что сегодня требуется организация специальной психологической подготовки управленческих кадров[1]. Насколько, скажем, формирование бригад дело тонкое, говорят исследования советских ученых и зарубежных[2]. Если пси-

---

[1] См.: Экон. газ.— 1987.— № 12.

[2] См., например: Социально-психологические факторы эффективности деятельности бригад.— М., 1987. Интересную книгу издал у нас болгарский профессор Филип Генов. Называется она «Психология бригады» (М., 1987).

хология — наука XXI века, то к этому надо готовиться сейчас. В настоящее время из 5 тысяч психологов (в США их 150 тысяч) на производстве работает не более 10—15 процентов[1].

Говоря об очеловечивании хозрасчета, нельзя обойти и другой весьма важный вопрос. «Боюсь безработицы» — не раз звучало в опубликованных в печати письмах трудящихся. Очевидно, такой испуг нагнетали и некоторые экономисты, в статьях которых люди читали, что переход на полный хозрасчет неизбежно вызовет безработицу. Лично мое мнение такое: боязнь имеет под собой основу, но не настолько страшен черт, как его малюют. Во-первых, надо еще закрыть дефицит рабочей силы. Во-вторых, не может быть безработицы и в последующем, если будет: а) научный прогноз трудовых ресурсов при внедрении хозрасчета; б) настоящий плановый подход в нашей плановой экономике, когда по серьезному счету будем планировать, распределять и перераспределять не только «железки», но и людей. Считаю, что в условиях социализма должен быть постоянный резерв рабочей силы в несколько миллионов человек, который бы проходил подготовку и переподготовку, систему повышения квалификации, а если надо, то и смены профессии. Резерв оплачиваемый. Потом на его место приходит новый. И так идет динамичная ротация кадров. А что? Содержать резерв материальных ресурсов можно, хотя это в копеечку обходится, а трудовых — нет. А те, кто не хочет повышать квалификацию, понижать разряд, должность,— тут уж пеняй на себя. А то до чего дошло — с тунеядцами и пьяницами, рвачами и горлопанами стали больше заниматься, чем с хоро-

[1] См.: Правда.— 1988.— 22 февр.

шими, перспективными, но скромными работниками. Конечно, на практике сделать задуманное будет трудно. Неизбежны издержки. Но главное — не допустить их массового проявления по причине головотяпства и неорганизованности. Иначе загубим не только хозрасчет, но и народ, страну.

Да, будут сокращения работников, возникнет необходимость смены профессии, а может, даже и места жительства. Но при этом важно соблюдать условие, чтобы человек не остался один на один со своими заботами, чтобы не утонул в бюрократизме, бездушии и бесхозяйственности.

И в заключение еще об одной важной проблеме. Радикальная экономическая реформа, новые принципы и методы организации хозяйственной жизни выдвигают потребность в формировании новой конструкции общественного экономического сознания. Ведь процессы перестройки развиваются в контексте взаимодействия общественного бытия и общественного сознания. Разумеется, эта глобальная тема нуждается в специальном исследовании. Мы же заметим лишь следующее.

Сегодня, как предполагают некоторые ученые, предстоит сменить схему экономического мышления периода предвоенной индустриализации, в рамках которого складывалась административная система управления народным хозяйством[1]. Задается тот же вопрос: откуда такая ее живучесть? Но дело не только и не столько в мышлении. Ведь сменилось уже не одно поколение. Проблема в неизменяющейся долгое время практике управления и хозяйствования. И надо ставить вопрос о новой конструкции не только экономического мышления, но и массового экономического сознания. Отражае-

---

[1] См.: Олдак П. Г. Смена парадигмы экономического мышления//ЭКО.— 1987.— № 2.

мая сознанием каждого поколения, командно-бюрократическая система воспроизводила и укрепляла угодные ей стереотипы, образы, мифы, традиции, о чем говорилось выше. Они становились связующим звеном массового экономического сознания, экономической психологии трудящихся. И как только начинала вводиться экономическая реформа, предлагаться новая система экономического сознания, образа мышления, так старая восставала против. И тогда разворачивалась драма идей. Но поскольку идеи, мышление, сознание ничего не значат без людей, эта борьба становилась борьбой людей и охватывала человеческие отношения. И прежде всего отношения социально-психологические, где доминируют моментальные оценки (плохо или хорошо), отношение (положительное или отрицательное), установка (принимать или не принимать), а также сомнения, разочарования, надежды, страсти как реакция на ожидаемые реальные перемены.

Справедливости ради заметим, что всякий стереотип сознания, кроме консерватизма, имеет в себе и рациональное начало: способность сохранять заданную модель экономического поведения, где содержатся и положительные моменты. Нам новые системы экономического сознания нужны не сами по себе, а как регулятор хозяйственной деятельности. Притом регулятор надежный и стабильный. Если бы, например, экономическое сознание было глубоко пропитано пониманием экономических законов, ориентацией на их требования, то разве от такого консерватизма экономике было бы хуже? Ясно, что нет. А у нас сложился стереотип неуважения к законам как некой голой абстракции. А это больше похоже на парадокс.

Чтобы этого избежать впредь, надо, чтобы с воз-

рождением принципов полного хозрасчета и их реализацией на практике одновременно шел процесс формирования массового и специализированного экономического сознания. И тоже на надежных принципах. Каких?

Прежде всего — на принципах диалектики. А где диалектика, там сущность, целостность, системность, единство многообразия и т. д. Отступление от них нередко приводит на практике к некоторым парадоксам.

Разве не странно получается, когда на словах вроде все, по крайней мере ученые, специалисты, выступают за диалектику, ратуют за системный подход, а на деле механически разорвали производство, обмен, распределение и потребление. И другой факт. Известна формула К. Маркса из «Капитала» Т — Д — Т или Д — Т — Д. Но никак к себе ее не применяем.

Эта формула Маркса характеризует оборачиваемость рубля. Вложил рубль — должен как можно быстрее получить от него отдачу, да еще непременно с «наваром». У нас же миллионы и миллиарды рублей закапываются в землю, годами, иногда десятками лет лежат в ней в виде «незавершенного строительства», а мы рядом снова фундамент закладываем и новые миллионы закапываем. Какой бы капиталист такое стал делать?! Или возьмем мелиорацию: какие миллиарды в болота спустили, а результата, отдачи сколько получили?

Поэтому сейчас надежда на хозрасчет. Он должен заставить считать копейку, заставить рубль работать на благо народа. И может, тогда избавят нас от бед, которые тяжелым бременем лежат на экономике и камнем на душе народа. Разве не беда, если в среднем период обращения, то есть срок от выпуска товара до его продажи, в 1987 году был

почти в два раза больше, чем время производства. Тогда как «цена» только одного дня обращения товара достигла к этому времени почти миллиарда рублей[1]. Товарные запасы в тот момент оценивались в 90 миллиардов рублей. Ничего не выпуская, целый квартал можно было бы торговать имеющимися. Но кто купит? Деньги у людей есть, но товара по душе нет. Кругом дефицит. «Малость» не учтена — потребности народа. Он молча заходит в магазин и злой, без покупки, ворча, уходит. И все это происходит на фоне экономической неупорядоченности, хаоса, инфляции и спекуляции. Где выход? Поэтому нужен хозрасчет полный, а не половинчатый. И не в новой командно-административной упаковке. Не забюрокраченный, а деловой, действенный.

Да и новое экономическое сознание можно сформировать, вызвав потребность у людей, включенных в новое и большое дело.

Реформа, хозрасчет нуждаются сегодня в сфере «экономического разума», в экономической компетентности и деловитости. Нужна такая сфера экономического сознания, которая была бы способна максимально облагородить разумной деятельностью человека все области его жизнедеятельности. Нужна высокая культура экономического и политического поведения, исходящая от единства слова и дела, теории и практики, политики и науки.

Уже идет процесс активного взаимодействия экономического и политического сознания в русле единства осуществления экономической и политической реформ. На этом общественном фоне форми-

---

[1] См.: Работать на покупателя//Правда.— 1987.— 30 дек.

руются новые структуры в экономической и политической психологии народа.

Развивается демократическая психология, у которой во главе принцип: можно все, что не запрещено законом. Но для этого надо хорошо знать закон. Иначе опять беззаконие, от чего законной экономике одна беда, а теневой — одно благо. Осуществление экономической реформы, создание правового государства выдвигают задачу хорошего знания законов и экономических, и юридических.

При этом очень важно, чтобы хозяйственное право точно выражало требования экономических законов, новый хозяйственный механизм. И наоборот, чтобы хозяйственные решения принимались и осуществлялись в рамках юридических законов. Тогда правовое и экономическое сознание будут естественным путем развиваться в единстве.

Следующим принципом формирования новой системы экономического сознания является его органичная связь с сознанием экологическим. Сегодня видно, как деградация водных, лесных ресурсов, их интенсивное загрязнение резко сокращают многообразие форм живой жизни. А главное — отрицательно сказываются на здоровье и продолжительности жизни человека.

Предстоит выработать принципиально иную психологию, основанную на понимании законов взаимодействия общества и природы. Особенно актуально сейчас сформировать психологию бережливости.

Проблема эта десятилетиями не решалась всерьез, хотя о ней много говорилось. Помнятся исследования десятилетней и двухлетней давности, которые показывали одну и ту же картину: больше половины опрошенных считали, что бережливость, чувство хозяина у них не развито. И на

начало 1988 года оказалось, что только треть участников опроса смогли назвать себя экономными в повседневной жизни. А это значит: чем меньше экономим, тем больше нерационально потребляем, тем больше отнимаем от природы, от общества и от самого себя.

Новая модель экономического сознания должна строиться на отрицании ортодоксальной точки зрения, когда экономические законы рассматриваются сами по себе, вне взаимосвязи с другими. Особо остро сегодня стоит вопрос о единстве и взаимодействии экономических законов и социологических. Последние рассматриваются как законы взаимодействия сфер жизни общества: экономической, социально-политической, духовной[1]. Без такого единства трудно представить себе сегодня процесс достижения качественно нового состояния советского общества.

Такой подход обязывает рассматривать и человека как существо одновременно социальное и природное, иначе переход к обществу как целостному, гармоничному организму нам будет трудно осуществить. Тогда, очевидно, мы придем и к глубокому пониманию значения гуманитарных знаний, в том числе и социальной психологии. Потому и хозрасчет следует видеть в контексте общего развития. Он, как и экономическая реформа в целом, нуждается в политическом, идеологическом и социально-психологическом обеспечении. Мы должны научно отслеживать внедрение хозрасчета, развитие экономической реформы в целом и оперативно вносить поправки. Главное — опора на объективные законы. Иначе реакция общественной психологии может оказаться непредсказуемой.

[1] Подробно см.: Уледов А. К. Социологические законы.— М., 1975.

Возьмем такой злободневный вопрос, как цены. Сколько копий поломано вокруг этой проблемы! Всякие объяснения давались и даются. Но такое впечатление иногда складывается, что мы запутались в ценах, а авторы многих публикаций как-то половинчато рассматривают действие закона стоимости. Если признали товарно-денежные отношения, сказали «а», то надо говорить и «б». Если изменяем цены на товары, то надо изменять и цену рабочей силы. А вот о последней стыдливо умалчиваем. Возрастающие цены распаляют общественное мнение. И у него есть на это основания. Когда больше говорят и пишут о повышении цен вне повышения зарплаты, то у людей создается впечатление, что о самом главном для них забывают. Да и в самом деле прошла масса публикаций о ценах, в них выражены горячие споры, дискуссии, но складывается впечатление, что некоторые управленцы потеряли один из критериев оценки уровня цены — среднюю заработную плату в стране. У меня лично появляется при этом аналогия с книгами, о которых писатель Михаил Анчаров сказал: когда же «перестанут наконец исправлять книгу, а начнут исправлять жизнь, которая в них описана». Так и с ценами. Когда же мы их жизнью своей исправлять будем? Из газет мы знаем, что в ряде стран при повышении цен меняется автоматически уровень зарплаты и пенсии. Конечно же, такая тенденция не благо, но это есть не что иное, как выполнение требований законов развития товарно-денежных отношений. Может, и нам заложить такой подход в новую общую модель экономического сознания? Если уж взялись признавать товарно-денежные отношения, то давайте будем признавать их сполна, в духе гласности. Почему, например, мы недоговариваем о темпах ин-

фляции, ведь она сегодня видится каждому, кто хоть немного интересуется экономикой. Умалчивая об этом, мы продолжаем формировать у людей благодушие, тогда как экономика нуждается в нашей общей заботе и сопричастности. Жизнь динамична, значит, динамичной должна быть и наша реакция на ее объективные изменения. Система хозяйствования должна быть гибкой, но стабильно дающей эффект. Для этого требуется гибкое мышление.

Нередко можно встретить ситуацию, когда руководитель, который не способен гибко, по-новому мыслить, не имеет концепции управления вверенным участком работы. Чаще его управленческий багаж — это набор мероприятий, поручений и уйма текучки. Подобный стиль, к сожалению, горько сказывается сегодня и на хозрасчете. К грамотному управлению и самоуправлению часто оказываются не готовы и советы трудовых коллективов. Пришла пора садиться за уроки всем.

И наконец, еще об одном важном моменте формирования новой модели экономического мышления и сознания. Связан он с развитием республиканского, регионального хозрасчета. Дело это для нас совершенно новое, требующее фундаментальной проработки. Но в общем плане ясно, что при этом точно должна быть учтена диалектика развития народнохозяйственного комплекса страны и каждой республики, каждого региона. На заседании Президиума Верховного Совета СССР (26 ноября 1988 г.) М. С. Горбачев отмечал, что, разрабатывая и осуществляя планы революционной перестройки, «мы должны исходить из того, что нельзя рассчитывать на успех, если работа по преобразованию общества не будет учитывать интересы

всех наций, проживающих в нашей стране»[1]. С другой стороны, святая святых — всемерное укрепление «единого народнохозяйственного комплекса в интересах всех наций и народностей». И передача общего достояния советского народа в собственность республик подорвала бы «единую экономическую основу социалистического общества, исключило бы возможность проводить единую социально-экономическую политику»[2]. Вряд ли разумно стремиться республикам, регионам к замкнутости, когда «ведущими объективными тенденциями в мире стали интеграция, разделение, кооперация...»[3]. Не получится ли, что ведомственный диктат, ведомственную психологию мы заменили на диктат местничества, на местечковую психологию, что не менее опасно? Здесь я снова обращаюсь к диалектике, единству интересов.

Чего еще не хватает для необратимости начатого обновления? Для себя отвечаю так: не хватает деловитости в реализации идей перестройки. Не хватает и теоретического осмысления социализма. Не хватает разумного сочетания административных, экономических, политических, организационных, идеологических, социально-психологических методов реализации экономической реформы.

Если учесть глубинные традиции нашего народа, если глубже всмотреться в происходящие сегодня в нашей стране процессы, если вскрыть механизмы торможения и социально-психологического свойства, дефицит опыта демократии в нашем обществе, то приходишь к выводу, что некоторые необходимые нам новшества надо внедрять, употребив решительно и силу административной вла-

---

[1] Известия.— 1988.— 28 нояб.

[2] Там же.

[3] Там же.

сти. Нет еще страны без административной власти, другое дело — насколько эта власть выражает интересы народа. Думается, нашему народу для освоения народной демократии нужна мудрая администрация. Может, я не прав. Только практика способна высветить истину. Состояние общественного сознания противоречиво: есть апатия и оптимизм, консерватизм и прогрессивные настроения, вера в социализм и разочарование в нем.

Задумаемся: что за социализм мы построили и к чему пришел капитализм? Оценим то и другое общество с точки зрения человечности, а, значит, социалистичности. И мы увидим истину. Я верю в социалистическую судьбу России. Верю в демократию, но как сильную власть народа.

Трудно нам пока даются поиски «стыка» экономики с психологией. Но этот «стык», пусть и в муках, но зарождается и набирает силу полноводной реки в русле проводимых реформ. Не скрою, иногда возникают и сомнения и тревога за практическую реализацию идей перестройки. А что будет, если перестройка не состоится? Даже подумать страшно. Вернется командная суперсистема. В каком виде? Некоторые публицисты уже встревожены вероятностью возврата к диктатуре. Трудно отбросить эту мысль, когда анализируешь состояние общества, дееспособность властей, действия консервативных и агрессивно-экстремистских сил. И тут от тревоги не удержаться. И все же я не теряю веры в перспективность социалистической, истинно демократической судьбы моей страны.

Об этом мне поведал и мой «философский камень».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ул. Авиаторъ

[redacted]

пла

Р. З [redacted]

55 коп.

Психология —
наука XXI века.
Особенно
плодотворен
стык психологии
с другими науками,
в частности
с экономикой
и политологией.
Как учитывает
экономика
душу человека,
о психологии
экономической
власти,
о живучести
глубинных традиций
народа,
о социально-
психологических
проблемах
перестройки
эта книга.

В.Д.ПОПОВ

ПСИХОЛОГИЯ
И ЭКОНОМИКА